

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОСС

Литературно-исторический журнал

№ 1 (55)
2025

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru
Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ЮБИЛЕЙ

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
«Я не вашего закона...» 170 лет со дня
рождения Всеволода Гаршина 4

Поэзия

Валерий БОКАРЁВ
С Весною устанавливая связь.....11

Инна ВАРВАРИЦА
Есть в словах оттенки смысла...33

Виктор КАШКИН
Хочется дружить не понемногу.....43

Кристина ДЕНИСЕНКО
Любовь моя покоится в подвале.....58

Пётр ГУЛДЕДАВА
Душа земли – страна Россия.....69

Валерий МУХИН
К 80-летию Великой Победы90

Инесса ИЛЬИНА
Вот ведь какие чудные дела!.....102

Инна МУХИНА
Вот и снова гуси полетели.....110

Сергей ГАЗИН
Любви огонь безбрежный.....136

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА
Корзину вам подснежников несущ.....149

Элла КУЗНЕЦОВА
Музыка в любви.....174

Иван НЕЧИПОРУК
И да будет всё по воле Божьей.....181

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№ 1 (55) 2025
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева
141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 05.05.25.
Выход из печати 20.05.2025.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ

Отпечатано
в

ПРОЗА

<i>Екатерина ГЛУШИК</i> Рассказы.....	19
<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Чистой и ясной свечи не гаси.....	36
<i>Константин ЛЕУШИН</i> В Белгородском приграничье.....	66
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Ангел-хранитель.....	97
<i>Виолетта ЗИМНИЦКАЯ</i> Катерина, на тебя вся надежда!.....	104
<i>Юрий МИХАЙЛОВ</i> Рассказы.....	115
<i>Сергей ГОРБАТЫХ</i> Кукушка.....	138
<i>Ирина ПИЧУГИНА</i> Дядя Юра.....	167
<i>Александр КРАМЕР</i> Харон.....	176

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Николай ПЕРНАЙ</i> Сталинский период в российской истории.....	49
<i>Лариса ЖЕЛЕНИС</i> «Истина сильнее Царя».....	72

ПАМЯТЬ

<i>Марина ЗАМОТИНА</i> Остров Лёши Мезинова.....	82
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Николай ПЕРЕЯСЛОВ</i> «В душе слова о Родине лелею...».....	187
---	-----

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Текущий год – год 80-летия Победы. Великой Победы Советского Союза над немецко-фашистскими захватчиками и их приспешниками. Победы, которая была одержана благодаря единству и сплочённости многонационального советского народа под руководством Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Победы, которая запечатлена на скрижалях истории и в народной памяти. 9 мая 1945 года был подписан Акт о капитуляции нацистской Германии, а 24 июня победоносные советские войска бросили вражеские знамёна к подножию мавзолея с надписью «Ленин», символически отчитавшись перед создателем первого в мире государства рабочих и крестьян в успешно выполненной задаче. Фашизм был разгромлен, мир был освобождён от «коричневой чумы», перед человечеством открылись светлые перспективы мирной созидательной жизни. Огромная цена, заплаченная нашим народом за Победу, была оправдана высокой целью защиты родной земли и завоёванного в борьбе и трудах социалистического образа жизни. Каждый воин, вставший в ряды защитников Родины, твёрдо знал, за что он воюет, и поэтому без колебаний шёл на смерть... Поэтому мы, народ, выстояли и победили. Память о Великой Победе – наш неоплатный долг перед павшими на полях сражений.

Сегодня Россия проводит Специальную военную операцию, цель которой та же – бескомпромиссное и полное уничтожение нацизма, расцветшего в пределах соседнего и не так ещё давно считавшегося братским государства. Память Великой Победы является нашим идейным ориентиром и источником силы. Идеалы наших героических предков будут защищены, и память о сегодняшних событиях органично войдёт в образ Русской Славы. Осмысление Великой Победы является достоянием современных писателей и мыслителей в контексте новых возможностей и исторических открытий.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан
Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2025
© Авторы, 2025

ЮБИЛЕЙ

170 лет со дня рождения
Всеволода Гаршина

«Я не вашего закона...»

*«...Господа, сколько горя может выдержать человек?
Вы не знаете? И я тоже не знаю».*

В. Гаршин. «Очень коротенький роман»

Всеволода Михайловича Гаршина (1855–1888) нельзя отнести к писателям, объективно востребованным современным издательским процессом. Издаваемые в годы так называемого «застоя» многократно и огромными даже для тех лет тиражами, его рассказы не вписались в систему эстетических и мировоззренческих координат, которые сформировала российская действительность конца XX – начала XXI вв. Собственно, исходя из этой очевидности, можно было бы и закрыть тему, предоставив действительности определять систему литературных приоритетов и не навязывать ей субъективных представлений. Однако есть произведения талантливого русского автора XIX века, человека трагической судьбы, чей творческий дар, не успев до конца раскрыться, занял, тем не менее, достойное место в литературе своего времени, и игнорировать эти произведения значило бы обеднять литературную славу нашего Отечества и обкрадывать современного читателя, столь зависимого ныне от рекламных технологий, а подчас совершенно незащитного перед ними. Иными словами, несмотря на то, что Гаршин не входит в список коммерчески привлекательных писателей, это не означает, что ему нет места в сегодняшней действительности. Его рассказы, как и всякая серьёзная литература, требуют квалифицированного и пристрастного прочтения, и в этом случае раскрывается их пронзительная актуальность. Реалии российской старины, схваченные его упругим и динамичным языком, органично сливаются с духом нынешнего времени, одухотворённые вечными проблемами человеческого бытия и неповторимым своеобразием русского мирозерцания. Гаршин нужен современности

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, критик, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Кандидат филологических наук, член Правления МГО СП России, член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. Живёт в Москве.

ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ

не только как своеобразнейший и глубокий мастер художественной прозы, но и как один их искренних, душевно незащитных ходатаев за человека перед Богом и беспощадной судьбой. Персонажи лучших его рассказов есть люди, стоящие перед чёрной пропастью жизни и изо всех сил старающиеся перед неизбежностью гибели сохранить человеческий облик и достоинство...

Рассказ «Четыре дня», с которого началась его всероссийская известность, при всей своей очерковой монотонности, пронизан неким внутренним медитативным ритмом, в который погружается читатель, чтобы испытать вместе с героем рассказа пронизывающее ожидание смерти, пройдя вместе с ним весь его путь, когда грань между жизнью и смертью стирается – физической ущербностью, голодом и неизвестностью. Герой Гаршина не отягощён роковыми размышлениями о жизни и смерти, он озабочен только одним желанием – выжить. И даже его размышления об убийстве носят не философский характер, а утрированно принижённый, характер здравого смысла:

«Передо мной лежит убитый мной человек. За что я его убил?»

Он лежит здесь мёртвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? Быть может, и у него, как и у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далёкий север: не идёт ли её ненаглядный сын, её работник и кормилец?..»

Кажется, совершенно простое, сугубо природное мировосприятие человека, смотрящего на мир прямо и видящего только то, что видно. Но сколько щемящая эта правда, от которой переворачивается сердце!.. Герой рассказа «Четыре дня» живёт простой внутренней жизнью, и его разгадка тайны бытия носит несколько прямолинейный характер с точки зрения взыскательного читателя – но это и есть правда жизни, высказанная опосредованно, через ряд как бы случайных и неброских деталей:

«Проходит день, проходит ночь. Всё то же. Наступает утро. Всё то же. Проходит ещё день...»

Рассказ «Происшествие» обладает динамичным и довольно прихотливым сюжетом, который может показаться даже несколько схематичным и надуманным. Однако для Гаршина в данном случае сюжет является только средством, при помощи которого он создаёт ситуативную атмосферу, и герои этого рассказа следуют своим трагическим путём, открывая в своих душах бездны, о которых они если и догадывались, то всё равно не были

готовы к их глубинам... Гулящая женщина обнаруживает, что некий невысокого ранга чиновник влюбляется в неё. Он пытается разорвать порочный круг своего бессмысленного существования, и его воображение дарит ему возможность создать идеал из случайно подвернувшегося материала. Объект его безумной влюблённости оказывается не готов к такому повороту в своей судьбе. Несчастливая женщина пытается своими скудными силами осмыслить эту ситуацию и разрешить её:

«...И вот этот-то человек может быть моей “опорой”. Стоит мне только заикнуться, и я сделаюсь законной женой. Законною женой бедного, но благородного человека, и даже сделаюсь бедною, но благородною родительницею, если только Господь во гневе своём ещё пошлёт мне ребёнка...»

Ситуация трагическая в своей основе. Переломить судьбу, стать её хозяином, а не рабом, может только очень сильный человек. Герои Гаршина – преимущественно слабые люди. Своими импульсивными и неосознанными действиями они молят Провидение о пощаде. Но холодная равнодушная тьма скрывает пути, и выход остаётся только один – смерть... И сама неловкая глуповатость ситуации – с позиции отстранённого трезвого обывательского взгляда, на самом деле не унижает героев, а только ещё больше обнажает их простодушную и незащитную устремлённость к чистоте и Божьей правде...

Вообще, рассказы Гаршина действительно порой представляются несколько схематичными в области сюжета, словно бы автор, следуя своему внутреннему дыханию, торопится выдохнуть то, что через мгновение может ускользнуть навсегда, и не успевает раскрыть каких-то деталей. Что ж, будем это считать особенностью его дарования, учитывая то, в какие бездны успевает он заглянуть, проживая вместе со своими героями сладостные и страшные миги.

Особое место в духовном и художественном мире Всеволода Гаршина занимает рассказ «Очень коротенький роман» – несмотря на его скромный объём и совсем уж бесхитростный сюжет. В нём воплощены две характерные особенности его творческого метода – высокодуховное, с позиций самого простодушного христианства, оправдание слабого человека, заблудившегося во тьме жизни, но не поддавшегося искушению пойти по ложному пути; и, в той же мировоззренческой системе, склонность к притче, как наиболее доходчивой и пронзительной форме изложения фундаментальных нравственных представлений и ценностей... Молодой человек, со всей невинной страстностью молодости влюблённый в девушку, повинувшись её честолюбивому капризу, добровольно уходит в действующую армию.

«... Очень хорошо. Маша приказала мне быть героем, и потому мне было нужно ехать в армию.

Времена крестовых походов прошли; рыцари исчезли. Но если любимая девушка скажет вам: “это кольцо я!” и бросит его в огонь пожара, ну, хоть самого большого пожара, положим Фейгинской мельницы (как это было давно!), – разве вы не броситесь, чтобы его достать? – “Ах, какой он странный, конечно нет, – отвечаете вы: – конечно нет! Я отправлюсь к Буцу и куплю ей новое в десять раз дороже”. И она скажет, что она теперь уже не то, а это, дорогое кольцо? Никогда не поверю. Впрочем, я не вашего закона, читатель...»

В небольшом отрывке, по сути, ёмко сформулирован символ веры идеалиста, не отягощённого ни излишними в данном случае религиозными установлениями, ни суетным человеческим тщеславием. Героем движет любовь в своём чистом виде, встречающемся в жизни так редко – и любовь эта бескорыстна, поскольку питается от самой себя, и только в самой себе находящая спасение от страшной жизни. Притча – старая как мир и всё же бесконечно вечная – заканчивается также вполне традиционно: герой возвращается героем, хотя и сильно покалеченным, а в это время предмет его любви готовится связать свою жизнь с перспективным, как сказали бы сейчас, «партнёром», будучи даже не в силах скрыть проявления своего маленького человеческого счастья, и уж тем более не чувствуя за собой никакой вины...

Гаршин никого не обвиняет и не оправдывает. Под его пером жизнь воплощается именно как некая неведомая и неподвластная никакой внешней власти стихия, бороться с которой бессмысленно, можно лишь заклинать её тайной и безнадёжной молитвой глубоко в душе и тихо радоваться любой её случайной милости... Но одно то малое, что остаётся слабому человеку – это сохранить своё человеческое достоинство и среди унижений, и среди невосполнимых и скорбных утрат. И чем выше цена, которую приходится заплатить, тем ценнее эти потери и утраты для скорбящей человеческой души...

Рассказ «Трус» является попыткой приоткрыть разгадку темы «человек и война». Штатский человек, ожидающий отправки в действующую армию, а впоследствии всё же мобилизованный, пытается разобраться в собственных ощущениях и в своём отношении к войне и своему месту в ней. Вокруг него разворачиваются события, обыденные и рутинные, появляются и исчезают персонажи, водоворот событий монотонен и порой несколько вязок, что характерно для батальных рассказов Гаршина.

«... – Ну, посмотрим, миролюбец, как-то вы будете проводить ваши гуманные убеждения, когда вас заберут в солдаты и вам самим придётся стрелять в людей.

– Меня, Василий Петрович, не заберут: я зачислен в ополчение...»

Насколько непримиримо противоречие интересов государства и человека в условиях войны? Насколько правомерно суждение штатского человека, и уж тем более его оценки с позиции абстрактного гуманизма, не обеспеченные собственными жертвами и скорбным знанием «о жизни»? Проходя вместе со своими товарищами по кругам ада войны, герой освобождается от шелухи внешних поверхностных представлений и становится человеком. В том, что в конце повествования его рассказ оказывается записью в книжке мертвеца, найденного на поле боя, есть величественная и глубокая символика. Он понял то главное, после которого жизнь уже не имеет позитивного смысла, и умер смертью воина в бою...

Как уже было замечено выше, формы притчи и очерка являются наиболее характерными для творчества Гаршина. Первую группу являют рассказы «Attalea princeps», «То, чего не было», «Сказка о жабе и розе», «Сказание о гордом Агее». В этих притчах писатель воплощает свои фундаментальные представления о духовных и нравственных ценностях, зашифрованные в системе символов и образов – может быть, отчасти для того, чтобы избытком индивидуальности не замутило их кристальную, почти дистиллированную сущность. Кому-то эти притчи могут показаться

излишне дидактичными, оторванными от живой плоти жизни. Возможно, эти претензии взыскательного читателя не лишены основания. Но для нас они имеют ценность прежде всего как проявления одной из сторон замечательного русского дарования, без которых представление об этом даровании будет ущербным. Именно исключительная целомудренность Гаршина-человека делает его место в литературе практически уникальным. О некоторых вещах он оказывается способным сказать лишь обиняком, поскольку прямой взгляд на них может оказаться невыносимым для его идеалистического мировосприятия... Возможно, что именно неизбежность более глубокого проникновения в суть жизненных явлений приблизила его самоубийство в столь раннем возрасте (33 года). Возможно... Об этом сегодня нам трудно судить. Но, читая его рассказы, невозможно не заметить, сколь искренне и бескорыстно Гаршин пытается оправдать слабую человеческую природу и обосновать те, бессмысленные порой, жертвы, приносимые людьми во имя своих смутных ощущений и импульсов, иногда бесконечно возвышенных, а иногда столь же бесконечно низменных...

Знакомая многим с детства сказка-притча «Лягушка-путешественница» занимает особое место в русской литературе, являясь в какой-то степени уже достоянием народного сознания, в котором личность автора практически несущественна.

Рассказы «Встреча», «Художники», «Ночь», «Денщик и офицер», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Сигнал» в значительной мере носят черты очерковости, лишь в отдельных случаях принимая завершенность рассказа. Можно предположить, что в своём стремлении к более высокому уровню прозы Гаршин сознательно пытался уйти от эстетической и морально-нравственной завершенности притчи и более внимательно воспроизводил именно атмосферу человеческой жизни – как основу для главного, для сути. Для нас, пытающихся воспринять творчество писателя в целом, в контексте, и, таким образом, возможно, определить более точно вектор его духовных и эстетических исканий и устремлений, это качество его творческого метода представляет особый интерес. Рассказ «Встреча» являет нам совершенно бытовую ситуацию, когда после длительной разлуки встречаются два знакомых. Один избрал в качестве жизненного пути честное трудовое поприще и связывает с ним свои мечты и чаяния. Второго судьба вынесла в структуры, открывающие доступ к лёгким деньгам, и он оказывается не в силах противостоять судьбе, не будучи, в сущности, отрицательным персонажем. По ходу встречи происходит своего рода столкновение мировоззрений, каждое из которых не желает отказываться от своей правоты:

«... Неужели ты говоришь правду? Неужели ты не брезгаешь нечестными средствами для достижения этого комфорта? Неужели всё прошлое служило только для того, чтобы довести тебя до... до... И ты так спокойно говоришь об этом...»

– Стой, стой, Василий Петрович! Пожалуйста, без сильных выражений. Ты говоришь: «нечестные средства»? Ты мне скажи сперва, что значит честно и что значит нечестно. Сам не знаю; быть может, забыл, а думаю, что и не помнил; да сдаётся мне, и ты, собственно говоря, не помнишь, а только напяливаешь на себя какой-то мундир. Да и вообще ты это оставь; прежде всего, это невежливо. Уважай свободу суждения. Ты говоришь – нечестно; говори, пожалуйста, но не брани меня: ведь я не

ругаю тебя за то, что ты не одного со мною мнения. Всё дело, брат, во взгляде, в точке зрения, а так как их много, точек этих, то плюнем мы на это дело и пойдём в столовую водку пить и о приятных предметах разговаривать...»

В этом приведённом диалоге, пожалуй, поднимается один из вечно актуальных вопросов человеческого бытия. Человек, не добившийся успехов в материальном мире, всегда готов предъявить высокий счёт более удачливому и неразборчивому в средствах собрату; в то время как этот собрат всегда готов дать ему отповедь, также не лишённую внутренней искренности и правоты. Рассказ не имеет сюжетной завершенности именно потому, что она не представляется автору существенной. Он поставил достаточно серьёзную проблему, и можно сказать, что он оставил обоих своих персонажей перед выбором...

Два произведения свидетельствуют о том, что Всеволод Гаршин как писатель развивался по восходящему вектору, и вырос бы в нечто гораздо большее, не останови он сам себя в своём искреннем и трагическом пути. Рассказ «Медведи» поражает своей внутренней цельностью и художественной гармоничностью. Кочующие цыгане много лет промышляли представлениями с медведями, жили этим промыслом. Но вот, согласно царскому указу, они обязаны самостоятельно привести своих медведей, кормильцев и товарищей, в определённое место и самостоятельно же умертвить их. Государственный вердикт непреклонен, сделать ничего нельзя... Вот слова старого цыгана, с которым он обращается к своему медведю перед тем, как убить его:

« – Убью я тебя сейчас, Потап. Дай боже, чтоб старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебе пуля в самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужил, медведь мой старый, товарищ мой добрый. <...> И любил я тебя крепко, и не бил больно, а если виноват в чём перед тобою, прости меня, в ноги тебе кланяюсь».

Драматизм сцены непередаваем. Глубокий нравственный смысл этого рассказа также невозможно передать толкованием. Перед нами значительный шаг писателя на совершенно иной уровень художественного творчества. Без сомнения, рассказ «Медведи» является неповторимым и значительным вкладом в сокровищницу русской прозы.

Действие рассказа «Красный цветок» происходит в сумасшедшем доме, в который привезли очередного больного, одержимого смутными навязчивыми идеями. В сущности, никакой особенной глубины в его безумных представлениях нет. Значение этого рассказа в том, что в нём очень ярко передано состояние слабого и жалкого человека, сломленного и растоптанного жизнью, но в глубине своего распадающегося сознания сохранившего пусть больную и деструктивную, но всё же активную волю к сопротивлению собственной гибели:

«... Его состояние было странной смесью правильных суждений и нелепостей. Он понимал, что вокруг него все больные, но в то же время в каждом из них видел какое-нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое он знал прежде или о котором читал или слышал. Больница была населена людьми всех времён и всех стран. Тут были и живые и мёртвые. <...> Он видел себя в каком-то волшебном, заколдованном круге, собравшем в себя всю силу земли, и в горделивом исступлении считал себя за центр этого круга. Все они, его товарищи по больнице, собрались сюда

затем, чтобы исполнить дело, смутно представлявшееся ему гигантским предприятием, направленным к уничтожению зла на земле...»

Возможно, тематически этот рассказ кому-то покажется не лишённым вторичности, но яркое художественное воплощение и трагическая искренность, присущая всему творчеству Гаршина, делает его самобытным и вполне этапным произведением...

В чём значение и актуальность творчества Всеволода Михайловича Гаршина, русского писателя, прервавшего свою жизнь в возрасте расцвета творческих и жизненных сил, но оставившего русской литературе яркое и своеобразное наследие? Сегодня, в начале XXI столетия, когда, с одной стороны, пути, которыми пойдёт Россия и вместе с ней русская литература, ещё до конца не ясны, но, с другой стороны, действительность уже сформировала достаточно определённые жизненные установки, по которым российское общество будет жить в ближайшие годы, возможно, именно ценности, которые порой взхлёб и сквозь едва сдерживаемые рыдания, а порой сдержанным языком притчи проповедовал Всеволод Гаршин, будут востребованы нашим обществом. Во всяком случае, читая его рассказы, видишь ясно драму человека, попавшего в жизнь и вынужденного самостоятельно искать смысла и спасения. Этот человек, одинокий и незащищённый, есть, по сути, блуждающий в потёмках путник, заслуживающий, с одной стороны, жалости и снисхождения, а с другой стороны – взыскательного суждения и чётких ориентиров. Судьбы героев рассказов Гаршина актуальны сегодня как яркие примеры вечности главных человеческих вопросов, ответы на которые мы вечно ищем и вечно до конца не можем отыскать.

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук и искусств, член литературного клуба «Творчество и потенциал». Автор семи книг и многочисленных публикаций. Обладатель премии и звания «Золотое перо Руси». Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, начальник отдела АО «НИИМЭ», профессор базовой кафедры микро- и нанoeлектроники МФТИ. Автор монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов», двух учебных пособий и более 200 научных работ и патентов на изобретение. Член Организационного и программного комитетов ежегодного российского Форума «Микроэлектроника». Имеет почётное звание Министерства промышленности и торговли Российской Федерации «Почётный работник электронной промышленности».

Живёт в Москве.

С Весною устанавливая связь...

В окнах туманных мерещится осень,
Только сейчас за окошком метель.
В синих от снега движениях сосен
Чудится солнце и солнечный день.

Может, откроешь глаза свои шире,
Так, чтобы вихри снежинок впились...
Нет, не напрасно любили и жили,
Нет, не напрасно мы здесь родились!

Всё это наше: от снежного поля
До золотистых в зелёном вершин.
Здесь твоя жизнь, твоё место и воля.
В реках, лесах и богатстве равнин.

Земля и вода побелели,
Лишь неба сапфир голубой.
Какие прекрасные ели,
Деревья стоят предо мной!

В хрустальной, сверкающей крошке,
Чуть сизом, сплошном серебре,
По еле заметной дорожке
Иду, возвращаясь к себе.

Синицы порхают так рьяно,
А рядом, в кустах – снегири.
В поломанных ветках бурьяна
России осенние дни.

Но Бог с ним, и хуже бывало.
Не зря же декабрьской порой
Калина в ветвях разбросала
Кровавой капли настой.

Падает хлопьями снег.
В тихом его круженье
Облагорожен наш век,
Пусть на одно мгновенье.

Падает, падает снег,
Кровь на земле скрывая.
Была война или нет,
Только весной узнают.

Какая снежная зима –
Снег ватой падает с небес.
Под толстым снегом спит трава,
От снега молодеет лес.
Иду сквозь снег, как сквозь кусты,
Отодвигаю снег рукой.
Он всё летит, его пласты
Вот-вот накроют с головой.

Звёзды шарили по кустам.
Синий снег, белый свет.
Никому не отдам
Этот звёздный букет!

И дорогу зверья
Через мрамор снегов,
Заклинанья творя,
Кинуть в вечность готов.

Тишина. В тишине
Только шелест шагов.
Может, грезится мне
Это царство Богов?

Чёрный бархат провис
Мириадами звёзд.
Отзовись, отзовись –
Тишину я унёс.

Эта ночь, эта тишь
И бескрайность снегов!
Не идёшь, а летишь –
До чего же легко!

Я влюблён, я погиб.
О, сверкающий край,
Хоть на час, хоть на миг
Мне спокойствия дай!

Не сверкай, не спеши,
Край хрустящих снегов.
Заморозь, завьюжи
Эту ночь полуснов!

Чародейство Луны
Разукрасило дом:
Тени сказок полны,
Снег – волшебным огнём.

Этот мир, этот миг
Со сверканьем полей.
Для кого ты возник?
Возвращайся скорей!

Зима. Мы прожили отрезок
Зловещей белой пелены.
А нынче дождь и ветер резок,
И хлопья снега вновь милы.

Что может быть ещё красивей
Волшебных ледяных цветов?
А на деревьях белый иней.
И искры сахарных снегов,

Когда над ними воздух синий,
Снег превращающий в алмаз.
Колдующий на ветках иней –
Вот вспыхнул, вот опять угас.

Дождик капает. Январь.
По подтаявшим снегам
Ухожу куда-то вдаль
Сквозь капель и птичий гам.
На термометре – плюс три.
По барометру – метель.
А на небе, посмотри,
Только сырость и капель.

Проводы друга

На перроне вокзальном
Всё заснежено начисто.
Даже рядом со мною
Вместо друга – следы.

Это мир материальный,
Это новое, нужное качество.
Всё понятно, не спорю,
Лишь с душою моей нелады.

Ей перрона хрустального,
Одиночества этого мало.
Подавай ей букеты,
Пусть заснеженных, роз.

Вместо шума вокзального,
Вместо запаха жжёного сала
Окунуться бы в лето,
Как с мачты упавший матрос!

Пьём красное, как кровь, вино
И обсуждаем, кто что стоит,
Включив Высоцкого, и он
Поёт душой, кричит и стонет.

Приоткрывая жизни край,
Нас виноградный сок туманит.
Как жаль, что на Земле не Рай
И что судьба всё время ранит.
Что всё пройдёт, минует, канет.

Новый год!
Летят снежинки с неба
И искрится снег вблизи дорог.
Поворот,
Сворачиваю влево.
Снег бодрит, я даже не продрог.

И сияют, торжествуя, окна,
И несётся музыка за мной.
И пускай опять в подъезде мокро,
Как на крыльях я несусь домой!

Новый год!
Сияют счастьем лица
И курлычет дикий кот.
Знаю, тот,
Кто в этот год родится
Много счастья в жизни обретёт.

Ветер

В вихре снежинок кто-то танцует.
Тьмою подскочит, в губы целует,
Пьяными звуками уши заложит,
В чём-то обидит, чем-то поможет.

Ветер гуляет, ветер гуляет!
Вот он бумагу в руки хватает,
Вот он несётся, вертась, по аллеям;
Снегом овеет, мысли развеет.

Он улетаёт, вновь подлетает,
В небо с собою всех приглашает,
Кружится облаком, кружится птицей.
Если исчезнет, вновь возвратится.

Если затихнет – вскоре задует.
То ли он весел, то ли горюет?
В жаркой пустыне – веет прохладой.
Ветер мой, ветер, там тебе рады.

Кружится ветер, носится ветер.
Вот на меня им накинута сеть.
Вот он меня забирает с собою.
Знаю, что к радости. Знаю, что к горю.

Гало

Белокрестием луна на мир косилась.
И сквозная, цвета черни, даль
Звёздными бутонами ярилась,
Притупляя белую печаль.

Лай собак, плетень последний, риги
И простор остуженных полей,
И дерев приглушенные крики –
Всё застыло мрамором теней.

Ненасытный, беспричинно лютый
Холод мёртвил жертвы на лету.
Белые бескрайние приюты,
Подхватите, если упаду!

Слишком ночь сегодня неживая.
Как осколки снег сегодня остр.
И следы мерцаньем провожая,
Для кого-то к небу крест примёрз.

Ох, не зря он светит надо мною,
Чернотой вокруг себя звеня.
И нельзя, глаза прикрыв рукою,
От него избавиться, уйдя.

Он летит, он светит, торжествует.
Неземной, но всё ж могильный крест.
Тысячи миров ему колдуют,
Остальные – служат благовест.

Только я иду своей дорогой.
Мне в крестах кумира не найти.
Я кричу в лицо ему – не трогай,
Не сбивай на избранном пути!

И не смей меня своей тоскою,
Как корою снежной, одевать!..
Крест пропал. Отдал меня покою.
Ночь сгущалась, захотелось спать.

У белых ветров песен мало.
Да и они не для меня.
Какое грустное начало
У января.

Под перекрытием сугроба
Багряных листьев стынет свет.
Как хорошо, что дикой злобы
На этот мир всё нет и нет.

Но отрезвление блуждает
И, натываясь на меня,
Меня лаская, сопровождает
Закатом дня.

И вот уж тьмою обезличен,
За этот мир держу ответ.
Не дай, молю, мне безразличья
К мельканью лет.

Завтра деревья серебряной крошкой
Будут укрыты от грубого ветра.
Завтра деревья, качаясь немножко,
Будут со мною считать километры.

Сколько их было! И сколько осталось.
Сколько истрачено время и метров.
Не ощущаю пока что усталость,
Жизнь уплывает совсем незаметно.

Последние Зимы удары цепки.
В сугробах двор, выюжит как в январе.
И птиц не видно на замёрзшей ветке.
Детей не видно даже во дворе.

Но всё же солнце тучи пробивало,
Хоть снег бросало по дорогам ветром.
Пора прощания с Зимой настала.
Пора пушиться, распускаясь, веткам.

Вновь багровеют ветви краснотала.
Хотя Зима хранит ещё свой снег.
От берегов Ингула до Урала,
В лучах целительных свой ускоряя бег,

Наносное уносится потоком,
Со склонов гор, холмов смывая грязь.
И полнится земля бодрящим соком,
С Весною устанавливая связь.

Скоро оттепель,
Синеет даль в тумане.
И хотя искрится свежий снег,
Тёплую погоду не обманет
Белых облаков игривый бег.

Рассказы

Три столика среди зеркальных стен

А давно поймала себя на мысли, что не смотрит по сторонам, а лишь под ноги. Идёт по улице, но улицы-то и не видит. Ни людей, ни зданий. И смотрит под ноги не только потому, что ямы да колдобины кругом, а просто ни на людей, ни на здания смотреть не хочется. Раньше Мила, идя по улице, с жадностью исследователя вглядывалась в лица, рассматривала витрины, любила задира́ть голову и смотреть на окна. А сейчас идёт – не всегда и знает, мимо чего или кого прошла, со знакомым нос к носу столкнётся – не заметит. Не по улицам идёт, а в направлениях движется: в направлении редакции, в направлении магазина, в направлении почты...

Ей не нравились те изменения, что ворвались в её жизнь и быт, стискивая в мрачных однотипных объятиях рекламы, будок быстрой еды, капотов машин, грозно нацеленных на пешеходов вдоль тротуаров. Такое чувство, что они не просто взяли наступлением пешеходную зону, но изготовились для рывка.

Мила привычно бежала по этой московской улице, некогда широкой, обсаженной деревьями, а ныне суженной тумбами рекламы, донерами, баннерами, припаркованными на тротуаре автомобилями.

Была ранняя, но очень пасмурная осень: серое небо, серые стены, серый асфальт. И вдруг со стороны домов, стоявших сплошной стеной, что-то блеснуло. Мила подняла глаза: свет, блеск, сияние. За огромными блистающими чистотой стёклами сверкало, переливалось, отсвечивало, играло бликами кафе. Мила остановилась перед витриной, в которой были выставлены бублики, караваи, кренделя, декоративные снопы и колосья.

В кафе сидели немногочисленные посетители. Заведение открыли, видимо, недавно: на этом

Екатерина Фёдоровна Глуши́к – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

месте был магазин канцтоваров, потом его закрыли, окна завесили щитами-полотнами – ремонт. И вот – сияющее кафе. Мила часто ходила по этой улице, но кафе увидела впервые. Мимо него невозможно было пройти, не заметив: оно блистало, и блистание не было сковано только самим кафе, а вырывалось через огромные стёкла наружу, на улицу, «окормляло» своим светом тротуар. В этом снопе вырвавшегося сияния стояла Мила.

Посетители сидели как на витрине и почти испуганно посматривали за окно. А там застыла Мила. Почувствовав себя неудобно (словно любопытная Варвара пялится на людей), пошла дальше. Но подумала: надо бы сюда прийти, посидеть. Оазис света среди пасмурности осени и осеревшего города. Осеревший город – так называла Мила Москву, превратившуюся из матери городов русских в неприветливую то ли мачеху, то ли разгульную девку, ни к кому не способную испытывать материнских или просто тёплых родственных чувств.

Обратный путь из редакции, куда она заносила материалы, Мила проделала по другой улице, потому что не было времени даже на недолгие рассиживания. И она, опасаясь, что не удержится и, как ребёнок на манящее что-то, пойдёт на свет блистающего кафе, обогнула это место.

Интересно, за счёт чего такое необыкновенное сияние?

Через неделю пошла в редакцию за номером журнала со статьёй. Светило солнце, редкое в эту осень. Мила посмотрела на витрину: кафе не выделялось практически ничем среди прочих витрин. Как и в прошлый раз, сидели немногочисленные люди, но всё как-то обыденно: на этот раз из-за витрины сияние не изливалось. И никакого желания зайти не возникло: ничего манящего.

В редакции засиделись, болтали ни о чём. Номер был сдан, чувствовалось усталое возбуждение, старшее поколение сотрудников вспоминало, как раньше всегда после сдачи номера сидели за чарочкой, общались, ныне это не приветствуется: бдительные охранники обходят кабинеты. Да и запала былого нет.

Но воспоминание о том, как после работы, посидев в редакции, шли и продолжали общение, натолкнуло неветеранов на мысль пойти в кафе. Мила, разочарованная дневной тусклостью очаровавшего её накануне оазиса света и блистания, и не вспомнила о том, что хотела зайти туда. Хотя казалось бы – сейчас самое время.

Выйдя из редакции, компания двинулась по улице. Было не поздно, но уже темно. По дороге встретили спешившего в редакцию фотографа, завернули его, сообщив, что торопиться уже некуда, все, и ответственный секретарь, разошлись. По дороге компанию нагнала молоденькая девушка-корректор, и большой толпой шли в никуда: в кафе бы зайти, но какое? И вдруг – снова это сияние. Мила, шедшая с поэтессой, работавшей верстальщицей в редакции, остановилась, попав в этот блистающий сноп: кафе сияло, излучало тёплый свет.

– Вот то, что нам нужно!

Она, пользуясь тем, что шла впереди, повела за собой стихийную компанию кафеманов. Они двинулись за ней, продолжая разговор, не обращая внимания, куда кто их повёл.

Войдя в кафе, благоухающее свежим хлебом, корицей, кофейным ароматом, Мила не сразу пошла к стойке, а стала озираясь: и стены заведения, и потолок были зеркальными. Зеркальными были и колонны. Зеркальные

полотна стен, потолка были инкрустированы золотыми узорами, рамами. С зеркального потолка свешивались хрустальные люстры, их блеск отражался в зеркальных стенах. Стена отражала блеск и сияние противоположной стены, золото колонн. Получалось, что свет и блистание умножались светом и блистанием.

– Какая красота! Мы – на Майорке! В царство света и тепла гопкомпания зашла! Ребята, мне здесь нравится, – продекламировал фотограф. – Где сядем? У окна?

– Нет, сядем в центре зала! Мы будем в центре блистательного общества! А ты не позорься, Мишаня. Коль не знаешь толк в стихах, живи с молчаньем на устах! – корректор Юля, ревновавшая всех к сочинению стихов и просто к рифмованию, шла занимать столики. В вечерний час народ в кафе был, но некоторые столики пустовали.

– Может, сядем у окна? – полупредложила Настя.

– Странно, что за тяга, придя с пасмурной тёмной улицы в сияние, усаживаться и глядеть на мрачную улицу и мрачные лица усталых прохожих? Пока до метро дойдёшь – вдоволь насмотришься и на улицу, и на граждан, – Мила заблокировала попытку коллеги усесться у окна.

– Слушайте, что за столики? Больше двух не собираться? Дискриминация больших коллективов, противодействие нашему чувству соборности, – удивление Игоря вызывали крохотные столики, за которыми больше двух человек поместиться не могли.

– Разъединение масс не только фиксируется общепитом, но и организуется. Но мы не позволим им нам разъединить, – фотограф уже сдвигал три стола.

Шумно усаживались, шумно решали, кто что будет заказывать.

– Слушайте, самые скромные заказы делаются после самых долгих и дотошных обсуждений! – воскликнул Дима после того, как решено было всем взять чай и круассаны.

– Так о чём мы говорили? – обратился фотограф к Насте. Но она не вспомнила. Рассевшись, начали болтать о разной ерунде. Мила подумала: сидя в редакции, тоже болтали без всякой нити разговора, но говорили о серьёзных проблемах. А здесь, в кафе перешли на пустые темы: фасоны, рецепты, футбольные страсти, закидоны поп-див. Попробовали обсудить готовившийся в редакции материал о проблемах объединившейся Европы, который был поднят на планёрке с указанием «к следующей летучке подготовить предложения». Не получилось ничего! Не то, что пары предложений связных на эту тему никто не сказал, а не сказали даже пары осмысленных фраз.

– Среди блистания витрин уместен только трёп один! – подытожил потуги на обсуждение Игорь. – Здесь даже неудобно вести серьёзные разговоры. Постыдно и даже пошло. Блистание стыдит и укоряет. Девушки, а ну-ка переведите нас на фасоны этого сезона.

И разговор вновь превратился в трёп. Но именно он был здесь уместен. Это сияние и блистание действовало как веселящий газ: даже неразговорчивый Виктор, угрюмого вида политический обозреватель, почти без умолку болтал, не слушая никого, хохотал без причины, приговаривая: «Ну, я вспомнил анекдот! Ну и вспомнил!» Но анекдот при этом не рассказывал. Затем, увидев своё отражение в зеркальных стенах, перешёл к безудержного смеха на гомерический, еле выговаривая сквозь раскаты своего хохота:

«Ребята, да тут собрание политобозревателей, и все, гады – на одно лицо, что вполне отражает политическую ситуацию и её освещение в прессе!»

Поэтесса-корректор, всегда читавшая свои то ли одни и те же, то ли очень похожие, стихи, попыталась сделать это и здесь. И даже не обиделась, когда чуть успокоившийся от приступов смеха Виктор опять взорвался смехом и проговорил:

– Юлька, девочка, ты – прелесть, а стихи твои – «ужАс, извини уж ты уж нас», – спародировал он её манеру ставить ударения не там, где полагается, а где подходит по рифме.

Посидев в кафе, пошли к метро. У метро долго прощались, пока не выяснилось, что всем – по одной линии в одну сторону. Чувствовалась лёгкость, словно голову, зажатую в тиски, освободили от этого давления, будто из самой головы вывели сор, попадающий туда помимо твоей воли через глаза и уши, когда ты оказываешься невольным зрителем или слушателем грязных телесплетен, удручающих новостей. Это забивается в голову, в душу, в сердце, сидит там и саднит, свербит, подтачивает. А вот так, выболтавшись, избавляешься от этой грязи. Этакое пускание чёрной крови, которое удобнее проводить в «специально отведённых» местах. И такие сияющие оазисы, располагающие лишь к трёпу, словесной мишуре, местечки-то удобные, оказывается.

Время от времени Мила с коллегами, никогда не сговариваясь, а, спонтанно собравшись, шли в это кафе с зеркальными стенами, сдвигали столики, болтали настолько ни о чём, что после и не вспомнить было, о чём шёл разговор за тремя столиками среди зеркальных стен.

Шито-крыто

Андрон давно не видел утра. Вдруг поймал себя на этом. «А утро-то вообще когда было в моей жизни?» – задался вопросом. После третьего курса института, наверное. Да. Вот уже как давно не видел утра!

Тогда, до конца третьего, он ещё на пары в институт ходил, даже на первые. А когда перешёл на четвёртый курс, вдруг вообще перестал париться учёбой. Зачем? Диплом и так выдадут. С нужными оценками. На работу, если пожелает устраиваться, отец тиснет. Пахать там не надо. Отец вон не пашет. Решает, да, но не работает. Ходит на встречи, тусовки, «конференции». Отцу повезло с институтом, вернее, с друзьями по группе, которые хорошо влились в новую российскую реальность и однокурсника-отца, балагура, повесу, рассказчика анекдотов, взяли на службу чуть не как тамаду. Он числился у всех советником: никакой ответственности, свободный график и – деликатные поручения. Отец умел обаять, договориться. Приятный во всех отношениях. Решалой был. Кого, с кем, когда. Андрон именно этому учился у отца – на всё влиять и ни за что не отвечать. Ну и всё получать, конечно.

Брак у родителей был ранний, студенческий. И, следуя тренду, как говорил сам отец, он заводил себе «пыжиков» (так почему-то девиц называл). А потом женился на малолетке. Мать приветствовала развод двумя руками. Что она теряла? Ничего! Жила в Италии, как и хотела, отец её полностью обеспечивал. Да ещё и какой-то почётный альфонс, чуть не граф обнищавший, к ней прибил. Андрон оставался в Москве, мать сказала, что

делать ему в Италии нечего – учиться он там не сможет, никакой работы нормальной не получит, а в Москве папа устроит, как и сам устроился: ничего не делать и всё получать. Ну а отдыхать и тусоваться не обязательно в Италии.

По окончании школы Андрон переехал в свою квартиру – ему купили около института. Первые курсы Андрон ещё и на пары ходил, и на экзамены, получая то, что полагается в соответствии со статусом отца. А на четвёртом курсе забил на учёбу: зачем ему? Он научился главному – быть приятным собеседником, трепаться ни о чём, стильно одеваться, разбираться в винах, покуривать – богема всё-таки!

Получив диплом, был взят в департамент с условием руководителю: не нагружать ничем. Отец стоял выше начальника Андрона и знал: то, что сын должен будет делать на первых порах, он умеет. Поддержать компанию, потравить анекдоты, какое-то деликатное поручение спроворить.

Андрон два года последние «учёбы» прожил реально в раю. Все возможные клубы, рестораны, «пыжики»...

Пару деликатных поручений Андрон выполнил. Лучше дела не придумаешь! Он изображал жениха Лолы, любовницы «ого-го кого». «Ого-го кто» жил между Старой площадью и поместьями во Франции. На соседней с семейным гнёздышком вилле он и поселил Лолу. Андрон должен был изображать её жениха. Он даже играл в теннис и гольф с «ого-го», а их «вторые половинки» ворковали за коктейлями. Правда, Лола иногда не могла себя держать в руках. Особенно когда видела тяжёлый люкс законной супруги и украшения, каждый день новые. Она устраивала истерики «ого-го кому». А тот, грозный на публике, был совершенным обтирочным материалом при Лоле. Правда, Лола могла выбесить кого угодно. И ей дали отставку. Она пыталась шантажировать. Но вдруг пропала.

Андрон, понимая, куда та могла пропасть, струхнул. Но папа успокоил: не одна такая в невестах побывала. Тебе за это и платят.

Жил Андрон уже на Старой площади – нравилось это место. Загород не любил, хотя дач у него было две.

...Проснулся с головной болью. Времени три часа – это его время. Раньше двух не вставал, да и раньше четырёх, как правило, не ложился.

Что он обмывал? Просто напиться – всё-таки дно. А напиться по случаю – сам богеминг велел. Что-то обмывал, повод был. Да! С документами на квартиру наконец-то утряслось. В этой его 200-метровой что-то было со старыми хозяевами. Не совсем понятно. То ли у них отжали, то ли кинули. Ему какое дело? Он заплатил, а у кого кто оттянул – не интересно. Но вот документы сделали. Это дело он и пошёл отмечать в «Ляг-ну».

А завтра надо лететь опять с деликатным поручением в Италию – там вице-одной корпорации с женой на вилле, а рядом должны снимать коттедж молодая пара из России. Андрон – «муж». Его «жена» – вицелюбофф.

Приняв опохмелительное, Андрон стал собираться. Главное, документы. Практически всё, если что-то забудешь или не учтёшь, можно на месте купить. А вот документы... Где они? Барсетку всегда, возвращаясь домой, бросал на пол в холле. Нету. Приехал на чём? Сам точно не мог за руль сесть – в хлам пьяный был. Тульча был, Рыба была. Губы такие надутые, что противно – лопнут ещё, когда коктейль дует через золотую соломинку. С собой носит – тренд лета! Тусуются уже пару месяцев, а как зовут – не знает. Не Рыба же?

Позвонил Тульче. Он подсказал: вёз Серьга – водила отца, Тульча его вызвал. Тот привык, что дёргают, когда господам требуется. Но был недоволен. Андрон ему по затылку дал и наорал. Так может, тот из вредности забрал документы. Там паспорт, билеты – их Андрон любил всегда в бумажном виде иметь, деньги. И некоторые документы для передачи.

Тульча рассказал, что после клуба тоже прикольно было. Тётка какая-то совковая мимо шла. Уборщица где-то, наверное, полный неформат для «Никиты» – Большой Никитской. В такое время там побирушки мыкаются или уборщицы с работы идут. Андрон ради хохмы с неё платок сорвал, себе на голову надел и стал орать, пародируя старух: «Чаво-чаво? Дак ага».

Все вокруг ржали. Тётка Андрону сумкой по жопе дала – тут вообще все со смеху падали. Андрон сумку у старухи выхватил и перебросил через дорогу. Та за ней кинулась, чуть под машину не попала, а они пошли на угол, чтобы в машину сесть. И на том углу нашли чей-то паспорт, права в нём. Из клубов и ресторанов пьяные расходятся, потерял кто-то.

Надо же! Андрон этого ничего не помнит. Классно колобродили! Всё-таки у него есть вкус к драйву и движухе.

Найденные документы бросили в урну. Орали, что «опустили» мужика, чей паспорт «урнули». А пока Серьга не подъехал, скучно было, они взяли да и подожгли мусор в урне – паспорт и чьи-то права сгорели. Здорово. Всё – по приколу. Они раньше, конечно, и деньги жгли – это веселило. И рубли, и доллары, прикуривали от зелёных сотенных, дурачились – была такая мода даже. А вот чтобы документы спалить – такого ещё не было.

Здорово, ксиву чью-то – в пепел. Пусть попарится мужик.

Но Андрон, к сожалению, не помнит ничего, и удовольствие от пересказа, конечно, не полное.

Но Тульча так красочно расписывал, что Андрон всё живо представлял. Замес полный!

Позвонил Серьге. Наехал – отдавай барсетку. Тот – не видел, не знаю.

Обматерил, пригрозил: не отдашь, на ленты порву. Тот в упор: не брал. В машине наблевали, а документов нет.

Не хочет по-хорошему? Позвонил отцу – Серьга украл барсетку, документов нет, а мне лететь.

Того быстро опросили. Глаз подбили, но тот – не брал!

Тут отец чуть самому Андрону глаз не подсёк. В барсетке были чистые бланки и незаполненные паспорта – со всей атрибуцией. Два паспорта на разные имена с одной и той же фотографией. Их люди ждут, солидные пиджаки, которые шутки, как «потерял, не знаю, где», не ценят. К тому же срывать отдых вице-с девкой, которую тот долго по каталогу выбирал и пару раз на свидание сходил тут, в России принимался – за такие булки с маком и у отца по зубам пройдутся.

Андрон струхнул. Ситуация, которую и папанец едва ли разрулит. Паника началась.

Вот если есть чудо, то документы найдутся! У Андрона на всякий случай в квартире иконы – и висят, и на столе стоят. Чтобы не ходить по церквям – просить, молиться, а чтобы под рукой всё. Он перекрестился, пробормотал, мол, боже, верни барсетку...

Только начал кофе пить – звонок из клиники, где Андрон то и дело профилактировался.

– Андрон Исидорович, нам звонит какая-то женщина, просит ваш контакт.

– Какая, зачем? Почему вам?

– Говорит, что наша клубная карта с вашим именем у неё и ещё что-то. Хочет отдать. Вам в руки.

Вот оно – чудо! В барсетке клубная карта клиники и была.

– Она свой телефон оставила или перезвонит?

– Перезвонит.

– Да, дайте телефон мой. Больше ничего не говорила?

– Ничего.

Слава Богу. Распространяться о содержимом барсетки – совсем излишне. Тётка правильно сделала, что не передаёт через кого-то. Понятно, что придётся раскошелиться. За всё надо платить.

Звонка ждал почти час. Чего она тянет?

Зазвонил городской телефон. Голос зрелой бабы:

– Андрон Исидорович?

– Слушаю.

– Я нашла вашу сумочку, барсетку, вернее. Как вам передать?

– А что вы хотите? – Андрон ждал условий возврата.

– Отдать. Там билет. Извините, пришлось посмотреть содержимое, чтобы вас отыскать. Вы улетаёте. Надо бы побыстрее всё вернуть.

– Да, разумеется. Деньги можете себе оставить. Я вам ещё принесу. Сколько?

– Я хочу вам ваше отдать. Денег не надо, – это она сказала с раздражением.

– Хорошо. А где? Я подъеду или водителя pošлю.

– Сами приходите.

– Как мы друг друга узнаем?

– На паспорте – ваше фото. Я вас узнаю, – сухо сказала женщина. – У меня перерыв через полтора часа. Вы успеете к кинотеатру «Иллюзия света» подойти?

Это как раз недалеко от клуба! Новый небольшой кинозальчик, Андрон там иногда девок лапает. Романтично!

– Конечно.

Засобирался.

Позвонил отец. В ярости и, показалось, панике. Отец и паника – непересекающиеся линии. Но вот паникует. Андрон успокоил – нашлась барсетка. Хотел соврать, что дома отыскал. Но отец точно знает, когда он врёт – как детектор срабатывает. Признался. Отец сидел за городом, сам не мог с Андроном пойти. Попросил снять тётку на телефон и сразу ему послать. За чем? Отец вообще многоходовщик. Мало ли за чем.

У кинотеатра народу было немало – сквер рядом.

Андрон волновался. Даже интересно – когда он волнение испытывал последний раз? Много уже забыто. Утро, волнение, сегодня даже – страх, когда отец наорал.

Подошла женщина. Чуть старше мамы, но старомодно одетая. Не винтажно старомодно, что сейчас в тренде, а просто все вещи – с пробегом.

– Андрон Исидорович, вот ваша сумочка.

Она достала из пакета «Пятёрочка» его барсетку. Андрон отметил: в пакете за два рубля только что лежало содержимое на миллионы и чьё-то реноме.

– Спасибо. Где вы нашли?

– На дороге. Там клубы, рестораны кругом, наверное, вы в машину сдились и выронили. И она стояла возле бордюра, как бы прижавшись, не лежала, а именно стояла. Поэтому её ни машины не переехали, ни люди не увидели.

Женщина, чтобы продемонстрировать, в каком положении была барсетка, пошла к дороге и прислонила свою сумку к бордюру.

– Вот так ваша стояла. Я и сама случайно увидела. Хотела в ближайший ресторан занести, думала, вдруг посетитель потерял, но уже закрыто было. Я шла от коллеги. Она тоже на пенсии, я ей помогаю, пока её дочь с работы не придёт. Приглядываю за ней. Мы недалеко живём друг от друга, в одной школе преподавали. В отдел находок, в милицию не стала сдавать – билеты у вас, бланки какие-то. А там пока вас разыщут... Самолёт уж улетит. Решила сама разыскать.

В барсетке всё было на месте. Деньги в том числе. Женщина на предложение расплатиться с ней отказалась, попрощалась и пошла, не оставив телефона, не назвав имени.

Андрон сразу позвонил отцу.

И первый вопрос:

– Фото?

– Ой, забыл.

Отец сматерился.

– Она ушла?

– Да. Нет, кажется, вон идёт, – Андрон навёл телефон, сделал кадр со спины, пошёл догонять, но понял, что это другая. Такие тётки, видимо, ему все на одно лицо, на одну спину, точнее.

– Ладно. По камерам найдём.

– Зачем? Она от денег отказалась.

– Дебил. Прилетишь, объясню.

Чудо всё-таки есть. И Бог Андрона любит! С этим приятным чувством Андрон полетел «подставным мужем» в Италию. Спецзадания разные бывают.

Исидор Каренович отсматривал присланные видео. Вот та ночь, когда Эндрю потерял барсетку. Выходит из клуба с приятелями. Какую-то старуху, еле бредущую, задирают. Она с ними сумкой бьётся. Бежит через дорогу. Вот они идут на угол, что-то поднимают, кидают в урну, потом поджигают. Водитель подъехал. У клуба уже в два ряда стоят машины, там не припарковаться. Сын садится в машину, дружки-балбесы остаются, потом их такси подбирает. Ночью плохо видно, но Эндрю руку держит так, будто у него что-то под мышкой.

Машина уезжает – проследил до дома – всё нормально, сын вышел, в подъезд идёт. В подъезде камер не было – по просьбе жильцов. Не надо знать, кто тут ходит и к кому. Путь сына проследил. Всё совпадает с рассказом. Не наврал. Барсетку у него точно не вытащили. И едва ли документы где-то успели засветиться.

Сейчас надо проследить за тёткой, что барсетку нашла. Она случайная действительно? Из клуба народ сначала валит, потом уже поток меньше. Клуб расположился в жилой застройке, и по закону о тишине работать мог только до 23.30, чтобы к полуночи уже всё было закрыто.

Вот на улице редкие прохожие, персонал из клуба выходит. А вот и тётка. Идёт, у того угла, где Андрон в машину сел, ступает на дорогу, что-то

поднимает, рассматривает. Сначала стоит, потом пошла к ресторану ближайшему, подергала ручку. Положила барсетку в пакет – пошла дальше. Зашла в дом, минутах в пяти от клуба. Видимо, домой вернулась.

Да, слава Богу, едва ли документы где-то засветились.

И наутро кадры. Сын приезжает к кинотеатру, выходит из машины, стоит. Всё-таки он ещё балбес. Приехал на своей самой крутой, а значит заметной, тачке. Вон тётка. Сразу к нему, отдаёт барсетку. Поговорили. Она разворачивается и идёт к двухэтажному зданию, исчезает там. Адрес пробил – детский центр творчества. Вечером оттуда вышла, в магазин, потом – домой. Часа через два вышла – отправилась по направлению к клубу. Прошла мимо, через два дома – в подъезд нырнула. Оттуда появилась уже в 0 часов 20 минут – и домой.

Так что, слава Создателю, действительно, Эндрю, балбесу, повезло, что барсетку нашла эта баба. Но ведь догадалась она, посмотрев содержимое, что лучше хозяину в руки отдать, а не в стол находок, так сказать, нести. Рассмотрела билет, имя запомнила – назвала-то при встрече его по имени-отчеству. А вдруг у неё в голове что-то переклинит, будет болтать со старухами, главными сплетницами, мол, документы нашла... Люди недооценивают, как «уши» настроены на информацию – слухи. Если эпизод с потерей документов всплывёт, кто тогда Исидору доверит даже пирожки покупать на перекус, не то, что деликатные поручения?

Тётка, слава Богу, пожила, напоследок хорошее дело сделала. Аминь.

...Ираиде Романовне позвонила Соня, дочка Верочки.

– Мама умерла, сердечный приступ.

Бедная девочка, даже говорить не может. Горе какое! Верочка у Ираиды только вчера была, как и каждый день, собственно, в течение уже двух месяцев, после того, как Ираида перенесла инсульт. Верочка, коллега по школе, тоже уже на пенсии, но подрабатывающая в детском центре творчества, сидела с ней, подменяя то дочку, то внучку Ираиды. Посменно ухаживали. Верочка помогала, конечно, от души, сердце золотое.

Она вообще ничем не страдала – ни давления, ни на сердце не жаловалась. И вдруг! Уснула – и не проснулась. Счастливая кончина, если можно так назвать смерть нестарой ещё женщины.

...После очередного «задания» Андрон твёрдо решил не жениться на девице с прошлым. Ни с хорошим, ни с плохим. Пусть хоть сколько в приданное «папики» суят, желая пристроить и отвязаться от поднадоевших кисок. Психопатки! Не поймёшь, чего им не хватает? Усыпаны «благодарностями» в виде всего. Даже трудовой стаж идёт! Все эти «любоффи» пристроены в приличные места, всё у них хрустально-шедеврально. Но они всё равно недовольны, истерики постоянные. Наверное, их гложет, что они на заднем плане. Они же, попав в десятку, из какой бы дыры ни явились, чувствуют себя тем не менее неполноценно. Да ещё обязательно сравнивают с законной супругой, считают, что больше достойны такого мужа, чем жена. И истерят.

Андрон привёз тётке (не спросил даже, как зовут. Но отец уже наверняка адрес пробил) подарок.

В первый же вечер по возвращении Андрона к нему приехал отец.

– Пап, я всё-таки хочу ту отблагодарить, вот платок «Хермес» привёз. Мелочь, но как раз для бабы подарок.

Отец выругался.

– Ты всё-таки шезлонг. Тебе мало было засветиться? Хочешь ещё бланк со штампом? Из-за твоей дури пришлось подключать людей. Тебе объяснять на отдельных курсах, что документы с собой не таскают?! «Всё под контролем» – это пароль идиотов. Вы по этим шифрам друг друга опознаёте, что ли? «Всё под контролем». Вот вы, придурки с припеком, в головах мыло, нашли документы и спалили ради ржачки. А тётка – советского закала продукт. Ей надо хорошее дело сделать – она на это заточена. И она всё просчитала: билеты – надо отдать. Сейчас и без бумажного билета улетишь, но она может и не знать этого, поди, последний раз лет двадцать назад путешествовала. Паспорт заграничный и российский – без них не полетишь. И увидела она бланки. Да ещё два паспорта с одной фотографией на разные имена. Такие приколы, Эндрю, не проходят мимо ворот. Забивают в девятку!

Андрон молчал. Понятно, что «Хермес» отдавать некому. Хотя, найдётся, кому.

Отчитался за поездку. Отлично отработал. А об эпизоде – забыть. Шито-крыто.

Ися остался ночевать у сына. Хотел посмотреть, как тот с «новостью» о благотельнице переспит.

Утром Эндрю встал раньше отца, как сам думал. Приготовил кофе, разбудил папу. А тот уже часа полтора как лежал, ожидая, когда проснётся сын. Нужно оценить, как себя поведёт. Всё спокойно.

Завтракали, балагурия. Никаких рефлексий, никаких задумчивых выражений лица и поз. Да и ночью не ворочался, не вздыхал. Отец понял, что сын – правильный парень, всё понимает. И можно поручения и поделikatнее доверять.

...Дора Игоревна сидела на своём колесе обозрения – как она называла окно и обозреваемую территорию – дома, сквер, магазин, кинотеатр, здание администрации. Место живое, но большинство людей здесь – одни и те же, проходящие каждый день. Жильцы, дети, идущие на занятия, местные, посещающие магазин и кино... Доре нравилось и это место – удачно они квартиру получили, и люди, живущие в районе. Новых русских сюда не наехало – относительно скромные дома, хотя и самый центр. И мигранты не затопили подвалы и чердаки покуда. Когда тепло, Дора и на лавочке сидит. Сейчас лавочки от подъездов убрали, потому что собирается на них публика неприятная. Но у их дома по просьбе двух ветеранов поставили персональные скамейки. Вот там Дора с подружками «в карауле», и то и дело подзывают идущих мимо знакомых, узнают, что и как.

Она очень удивилась, когда увидела парня, подъехавшего на шикарном лимузине, а потом кого-то поджидавшего. Дора предвкушала: чья внучка сейчас порхнёт в это синее нечто? Красивая машина. Но увидела Верочку, которая подошла к парню, достала что-то из пакета, отдала ему и ушла. Парень тут же стал звонить по телефону. А потом Верочку со спины начал фотографировать. Но Верочка-то уже за угол повернула, а шла Зоя, продавщица бывшая, в таком же плаще, что и у Верочки.

Парень сел в машину и уехал.

Дора специально два дня сидела на улице, хотя и моросило, хотела Верочку подловить и пошутить, мол, что за кавалер у тебя объявился? Но Верочка не появилась.

И вдруг, спросив соседку в магазине, мол, что-то не вижу, услышала – та умерла. Когда? В пятницу. Получается, на следующий день, как она с этим парнем встречалась.

Интересное совпадение!

Дора позвонила Ольге Яковлевне – председателю местного совета ветеранов. Конечно, Соне, дочери Верочки. Потом Петру Фадеевичу, бывшему военруку школы, где Верочка работала. Тот уж совсем лунь седой, но крепкий, и в своём уме, что для такого возраста удивительно.

Те решили – надо сказать участковому. Уж очень внезапная кончина. И уж очень подозрительная встреча. Что Верочка такому щёголю передавала?

...Исидору Кареновичу позвонил Канапэ, его координатор, друг по институту, тогда конопатый парень, кличка которого стала его оперативным псевдонимом. Ися удивился и обрадовался – давно не общались. Но тон координатора сразу охладил.

– Приветствую. Телевизор посматриваешь?

...В рубрике «Помогите найти человека» второй день демонстрировали фотографию Андрона, снятую с видеокamer, обращались с просьбой: кто узнал этого мужчину, для выяснения обстоятельств просьба позвонить по телефону 02.

Потрет из группового снимка

– Письмо мне есть?

– Вы, тагильцы, ну и ненасытный же народ! Вам хоть в день – по письму, а просите. Вчера ведь было, – Хропов из роты связи уже раздал письма.

Ивану Волкову действительно вчера было письмо, но не из дома, а от товарища, с которым учились в ФЗУ. Тот как исключительный специалист получил бронь и писал Ивану, как завидует, что тот на фронте. Волков на всякий случай о письме спросил. А вдруг?

– А тут тагильцев много нас? – у Ивана уже и надежда – а ну земляки? Да ещё из его района, поди? Вот бы хорошо!

– Много-не много, а сколько есть – все жадные до писем. У нас в роте такой же вот – сумку рад из рук вырвать. Только почта пришла – он первый. Сам же связист. Понимать мог бы. Нет! Дай письмо! Вынь да положь! Хоть сам ему пиши, чтобы отстал.

– А как зовут? – письма нет, так хоть через почтальона земляка нашёл.

– Торопов, Михаил. Молод против меня. А всё равно – Михаил. С фамилией своей в точку попал – торопливый, торопится всё, так Торопов и есть. А есть Рябов, Пётр. Чёрный, как воронье крыло, а захватил же себе фамилию! Видно, рябые были, из рябых сам. Ты вон рябой, а Волков. Тебе по фамилии надо бы в серую масть подгадать. Не зря же фамилии давали. Или, может, охотники у вас в роду, на волков ходили? – связист не торопился уходить. Письма раздал, можно поговорить. Волков, растроганный вестью о земляке, кузовом угостил.

– Может, и были. Но вот про дедов кузнецов знаю, а про волчатников – нет.

– Да на Урале как не кузнецам быть? Самые кузнецы, – Хропов, поначалу не очень обрадовавшийся такой обязанности связиста, как письма

разносить, чуть ли не бабье дело-то, полюбил эту службу – очень душевно поговорить получается. А уж когда письмо с доброй какой вестью из дома принесёшь, так столько улыбок, как здесь, и в тылу, поди, не видят. Вот он – точно не видел. И тебе приятно, что такая радость у людей. Это всё-таки не в тылу похоронки носить. Правда, и здесь бывает, пишут: разбомбили, повесили, в Германию угнали. Но хороших вестей больше: не хотят родные своих фронтовиков огорчать, так обо всём хорошем сообщают. А солдаты доброй вестью обязательно поделятся, с почтальоном – уж обязательно.

Иван размышлял: Тороповы-то у них и в соседнем селе были! А уж по области, поди, и не сосчитать! Надо сходить к связистам. Да и если не из района, всё равно хорошо – земляк.

Медлить не стал, на другой день и отправился. А Торопов от почтальона узнал, что в пятой роте – земляк, и сам хотел тоже того найти. Чем чёрт не шутит: а вдруг, если и не друг-приятель, то через кого-нибудь да и родня?

Ни одного общего знакомого не выискали, сколько ни перебирали! Но всё одно – радость. Да ещё то хорошо, что хотя Торопов с самого Тагила, да и десятилетку кончил, но нос не задирает: у Волкова-то после семи классов только ФЗУ в родном Чекмене. Однако хорошо сошлись. Правда, двоюродную сестру Торопова Волков знал. Её все в области знали: в газетах писали «Ворошиловский стрелок – Надя Синельникова». Сейчас – снайпер. Везёт земляку – героическая родня.

Но что уж совсем хорошо – командир второго взвода Алексей Михайлов – тоже из челябинцев. Вот это да! Комсорг полка. Торопов не комсомолец, но надо вступить, получается? Да, опять же, неудобно, что земляк, и вроде как по близости просишься. Но почему – нет? Это раньше нельзя было, стыдно даже – отступали. Какой комсомол, если драпаешь? А сейчас уже можно.

– Как я о тебе раньше не знал? – Волков просто родную душу встретил, Торопов – хороший парень. И как свободное время, затишье – обязательно к земляку.

– Я недавно прибыл. Год назад ещё в военкомате просился – ни в какую не берут! Жди, молод ещё. Пришлось. Год потерял!

– Да, с тобой, Торопов, дело бы быстрее пошло, сейчас бы Гитлера уже в клетке по городам возили, – в разговор вступил Крымов, взрослый, под сорок лет уже, мужик. Как отец всем: опекает, советует, но и подшутить любит.

– Да чего его, собаку, возить? Горючее ещё на него тратить, воздух чадить. Шлёпнуть – и вся честь, – Торопову даже странно, что пожилой человек, Егорыч, а как глупо рассуждает – Гитлера по родной земле катать.

– Ишь, сознательный какой, – продолжает подтрунивать Крымов. – Как эту собаку изловят, мы всем полком походатайствуем, чтобы тебе такую честь доверили – шлёпнуть. А ты себе славы набирай пока, чтобы уж по достоинству было. Чтобы и медалей позвякивало, и прочее.

Да ну его, этого Крымова. Что ни скажешь – всё обсмеёт, над всем пошутит. Его за это и любят. И сам Торопов смеётся над его шутками. Но когда над тобой подсмеиваются, как вон сейчас захохотали, то не так весело. Над другими у Егорыча лучше получается подтрунивать. Это Михаил давно заметил.

Торопов с Волковым, как познакомились, любили где-то в сторонке, когда время есть, посидеть, поговорить, новости из дома пересказать. Один раз придумали: напишем домой, что вот на фронт люди подарки отправляют: носки, варежки вязаные, с Урала можно и грибы, ягоды сушёные прислать. Пусть земляки не им, Волкову с Тороповым, а просто в полк пришлют – всем.

Прислали. И из Тагила, и из Чекменя. Но в обоих письмах всё-таки земляки написали, мол, так и так, в вашем полку служит наш земляк, и вот мы посылаем вам подарки. И комсорг Алексей Михайлов обоим бойцам благодарность вынес. Да и говорит: «Вы – хорошие бойцы, и думаете о сослуживцах, проявляете инициативу. Горжусь, что у меня такие земляки: и те, что в тылу, и вот вы, мои фронтовые товарищи. И предлагаю вам подготовить политинформацию, как Урал помогает фронту в тылу и куёт нашу победу. Я считаю, что товарищи вас могут рекомендовать в комсомол».

Так обрадовался Михаил! И проситься не пришлось, а сам комсорг предлагает. Худо-бедно, подготовили. Вовсю старались – газеты смотрели, письма из дома тоже подсказывали, как и что в тылу, и с Михайловым советовались, он много подсказал. Потом в полковую газету написали о шефской помощи тыла фронту. И даже фотограф в полк приехал, снял земляков втроём.

Когда Торопова в комсомол принимали, Волков в госпитале лежал. По глупости попал. Даже стыдно. Чуть в самостреле не обвинили. Какой уж тут комсомол! Да ещё без глаза остался. А через полгода лейтенант Михайлов Алексей Яковлевич погиб смертью храбрых. Конечно, у войны свои планы, но Торопов-то всё-таки мечтал: вот закончится война, они с земляком вместе домой поедут, а дома встретят хороших девушек, женятся, и будут их жёны тоже дружить. А домой к Михайлову – похоронка поехала и письмо Торопова: он писал родителям Алексея, какой хороший товарищ, строгий, но справедливый комсорг был их сын – лейтенант Алексей Яковлевич Михайлов.

...Каждый год, как только Бессмертные полки пошли по стране, Михайловы всей семьёй ходили на это шествие. Владимир даже командировки свои так выстраивал, чтобы на 9 мая не приходились. Надо – всей семьёй! А то он где-нибудь в Уренгое на объекте, семья в Челябинске. Нет, семья есть семья, уж что-что, а память своих погибших надо чтить по-людски. А на этот раз они двумя семьями на шествие отправились. Младший сын, Денис, два года подряд в летний лагерь ездил: он моделированием увлекался, и этом лагере специализированные смены были. Там подружился с Санькой Даниловым, тот из Нижнего Тагила. Он хотя на год младше, но такой башковитый парень! А его как «ботаника» ребята задирали. Ну а Денис защищал. Когда смена кончилась, они хоть и разъехались, но общались постоянно. И вот как-то приехали Даниловы в Челябинск, Михайловы их в гости позвали. И те на три дня загостились. Да так подружились! На второй год в лагерную смену мальчишки уж чуть не как братья отправились. И двумя семьями и в походы ходили, и по реке сплавлялись, и на юг на машинах – караваном. А тут маму-бабушку Даниловых на операцию в Челябинске положили как раз на майские. Ну и решили: в Челябинск Даниловы приезжают, у Михайловых останавливаются, и двумя семьями – на шествие. Так и сделали. Да накануне так засиделись за столом – чуть не проспали.

Утром засобирались, Михайловы достают портрет двоюродного деда – погибшего брата отца: «Лейтенант Михайлов Алексей Яковлевич. 1918–1944, Н-ская часть». Старшие Даниловы смотрят на портрет, и то ли смущены, то ли в недоумении. Портрет своего деда они в машине оставили. Вышли во двор, достают из багажника: «Торопов Михаил Иванович, рядовой, 1924–1983, Н-ская часть...». И фотография. Но это не совсем портрет: на снимке было трое, а Даниловы тех двоих отрезали, групповой снимок портретом сделали, потому что это была единственная фронтовая фотография деда Ларисы Даниловой, в девичестве – Тороповой. А лейтенант на фото, тот, что в центре сидел – уж очень похож на Алексея Яковлевича. Открывают в смартфоне полную фотографию: трое, Алексей Михайлов – в центре. Точно – он. У Михайловых такая фотография тоже есть, и на обратной стороне подпись: «Дорогим моим отцу, матери, брату Ивану. Привет с фронта. Я с земляками-челябинцами Михаилом Тороповым и Иваном Волковым. Ждите с победой».

Дождались не все. Дождались не всех.

ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

Есть в словах оттенки смысла...

Встречая Новый год

Мне было четыре недели всего,
Когда Новый год я впервые встречала.
Всем радость метелью войны замело,
А я не спала и другим не давала.
Горластый ребёнок, тревожная ночь,
Продуктов паёк до предела уменьшен.
Родные старались друг другу помочь,
За скудным столом никого, кроме женщин.
Включив репродуктор, не ждали чудес,
И всё же хорошую весть сообщили!
Весть с фронта, где папа, из тех самых мест –
Они у фашистов Калугу отбили!

Зато через год стол был в праздник богат!
Был отпуск у папы! Забыты тревоги
Хоть на день! Консервы привёз, шоколад –
Махорку менял на продукты в дороге!
Недавно исполнился год мне как раз.
Бант, платье нарядное – взрослая стала!
И папе, увиденному в первый раз,
Про ёлочку дочка стихи прочитала!

Потом было восемь десятков ещё
С подарками, ёлками дней новогодних.
Что только меж ними не произошло!
И вновь Новый год мы встречаем сегодня.
Бокалы звенят, бой курантов затих!

Нежданно в веселье грустинка закралась –
Так помнится много событий других!
О том, что ушло, только память осталась!

«Отстой»

Юнцам двадцать первого века
Двадцатого быт не знаком.
Им верится в лживые реки
Несчётных страшилок о нём.
Что жили, мол, скудно и серо.
Ну, были шедевры кино!
И песни душевные пели!
Но всё это было давно.

«Застоем» наш быт обозвали –
Покой, постоянство, уют.
Сцен пошлых в кино наснимали,
Бездарные песни поют –
Лишь фразу, где текст легковесен,
Твердят под нехитрый мотив,
Душевность и искренность песен
На «шоу» легко заменив.
Танцуя, поют про измену,
Кривляясь, поют о любви.
Такие вот, век, перемены
И ценности эти твои!

Всё стало «прикольно» и «круто»!
Убогий жаргонный язык
К нам в русскую речь почему-то
Легко и надёжно проник.
К чему ж привели перемены?
Разрушив культуры «застой»,
Ему водрузили на смену
Глобальной культуры «отстой»!

Есть в словах оттенки смысла.
Есть слова – картин штрихи
Или чувств возникших искры.
Можно их собрать в стихи.

Столбик строк из слов случайных,
Друг для друга не родных,
Не спасёт и рифм звучанье,
Если смысл не свяжет их!

Ясность мысли, точность слова,
Чувства трепетный порыв –
Вот поэзии основа!
Нет поэзии без них!

Чистой и ясной свечи не гаси

На большой строительной выставке-продаже было очень оживлённо. Среди множества покупателей выделялся молодой человек спортивного вида в щегольской куртке, дорогих джинсах и фирменных кроссовках. Игорь, преуспевающий архитектор, был автором уже нескольких успешных проектов. После окончания института он жил какое-то время с родителями, потом, стремясь к самостоятельности, снимал комнату и наконец приобрёл собственное жильё. Весь свой опыт, весь талант архитектора Игорь вложил в оформление своей берлоги, как он её называл. Под словом «берлога» скрывалась квартира на 20-м этаже в новом жилом комплексе на окраине Москвы. Ещё в институте Игорь познакомился с концепцией «умного дома» и дал себе слово обустроить своё жилище с учётом всех последних достижений. Там были и дистанционное управление бытовыми приборами, и климат-контроль, и теплосберегающее остекление. Но главной изюминкой новой квартиры стало освещение. Тут уж Игорь решил не экономить, заказал проект в специальной организации, и они предложили целый список интересных штучек: свет холодного и тёплого спектра, автоматическая регулировка степени освещённости, локальное освещение рабочих зон. Проект получился настолько сложным, что разобраться, а главное, запомнить все опции Игорь смог не сразу. Но это его несколько не смущало. Несколько недель он радовался как ребёнок: переключал свет с тёплого спектра на холодный, регулировал степень освещённости с помощью диммеров, наслаждался хитроумным освещением своего рабочего стола. Он чувствовал себя повелителем волшебного царства. Наконец отделка квартиры была закончена, и Игорь переехал на новое место.

Похоже, в квартире молодого человека было собрано всё самое модное, современное и технологичное. Впрочем, на одной из полок в гостиной стояло причудливое украшение: необычная, явно

Евгения Васильевна Полякова – прозаик, критик. Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореца, работала переводчиком, преподавателем. Литературной деятельностью начала заниматься в 2018 г. Публиковалась в альманахе «Славянские встречи», в альманахе «Чонгарский бульвар», в литературно-историческом журнале «Великороссь», в журнале «Московский вестник», в литературно-художественном журнале «Свет столицы», в газете «Московский литератор». Член литературного объединения «Чонгарский бульвар». С 2020 г. член Московской городской организации Союза писателей России. Живёт в Москве.

старинная бутылка, наполовину закрытая расплавленным воском. Когда-то, в годы студенчества, Игорю показали, как делать скульптурные композиции из разноцветных свечей. Каждая такая скульптура была уникальна, а главное, непредсказуема. Во времена, когда студенческие вечеринки со свечами и бутылками шли одна за другой, Игорь создавал такие композиции во множестве и раздаривал друзьям. Осталась одна, похожая на большой коралл, как напоминание о давнем вечере, до сих пор отдававшемся сладкой болью в груди...

Казалось, в доме не осталось ни единого уголка, не охваченного каким-либо остроумным световым решением. Хотя нет, такой уголок был. Одним из преимуществ квартиры было панорамное остекление в углу гостиной. Окна от пола до потолка сходились под прямым углом, образуя как бы смотровую площадку. Выходили они на лесопарк, тянувшийся до самого горизонта. Можно было бесконечно любоваться пейзажем, который к тому же каждый день менялся в зависимости от погоды и времени года. Здесь Игорь хотел установить какой-нибудь необычный светильник, который явился бы дизайнерским акцентом всего интерьера. В поисках светильника он и приехал на строительную выставку.

В отделе света бесчисленные люстры, фонари, лампочки и переключатели томились в ожидании покупателей. Сегодня народу на выставке было много, но посетители в основном интересовались отделочными материалами и сантехникой, а отдел света обходили почему-то стороной. «Ой, ну, когда же и до нас дойдёт очередь?!» – волновались великосветские барышни – изысканные бра и настольные лампы. «Имейте терпение, ведите себя с достоинством», – уговаривал их высокий торшер, старожил отдела. «Мы ведь не ширпотреб какой-нибудь, мы вещи для знатоков, ценителей. Подождём. Чует моё сердце, наш звёздный час не за горами». В этот момент Игорь как раз вошёл в отдел световых приборов и начал бродить среди стеллажей. Местные обитатели из кожи вон лезли, чтобы показаться покупателю во всём блеске. Люстры еле заметно покачивались под потолком, посылая друг другу световые блики. Лампочки пыжились изо всех сил, демонстрируя свою мощь. Гирлянды подмигивали, как будто исполняя весёлый танец. Но Игорь почему-то проходил мимо этого великолепия. Ряды светильников разочарованно смотрели ему вслед, их ослепительные улыбки медленно гасли. «Чем же мы ему не хороши?» – перемигивались лампочки азбукой Морзе. У самого выхода Игорь вдруг остановился у полки, где сиротливо стоял маленький глиняный домик со свечечкой внутри, да лежало несколько пачек разноцветных свечей. Они остались в отделе с новогодней распродажи и, похоже, уже не надеялись, что кто-то обратит на них внимание. Повинуясь какому-то неясному внутреннему чувству, Игорь взял этот домик и пару упаковок со свечками, расплатился и вышел из отдела. «Псих какой-то!» – фыркнула галогеновая лампа. «Да он сам не знает, что ему надо!» – угрюмо качнул головой светильник в мавританском стиле, и его багровые стёкла грозно сверкнули.

Дома Игорь достал сувенир и свечи из сумки. Он и сам не понимал, зачем они ему понадобились. В его-то квартире, где под любой каприз имелось своё световое решение! Игорь задумчиво крутил домик в руках. Постепенно в памяти всплыло воспоминание о давней туристической поездке с родителями в Англию. Он был тогда мальчишкой-подростком, и ему уже начинала претить неустанная забота старших о расширении его кругозора.

Повинуясь родительской воле, он посетил вместе с ними Стратфорд-на-Эвоне, место рождения Шекспира. Честно говоря, он предпочёл бы совсем другие развлечения, но отец, большой любитель английской литературы, сказал, что грешно приехать в Англию и не побывать на родине великого драматурга. Маленький домик, окружённый палисадником, тогда не произвёл на Игоря особого впечатления. Галочка в списке достопримечательностей была поставлена, и обе стороны чувствовали, что исполнили свой долг. Много лет Игорь и не вспоминал о той поездке, и вот теперь, глядя на игрушку-сувенир, он узнал в ней уменьшенную копию того самого шекспировского домика. Игорь зажёл маленькую свечу. Вот так, наверное, горело сердце молодого Вильяма Шекспира, когда он отправился покорять Лондон. Слабый свет проникал сквозь окошечки, и Игорь вспомнил, как его тогда поразили сумрак внутри домишки даже в разгар летнего дня. Он задумчиво смотрел на пламя свечи и вспоминал ту поездку в Англию, рассуждения отца о литературе, мучительные часы в музеях Лондона, где он, повинуясь диктату родителей, должен был увидеть и запомнить как можно больше. Только сейчас Игорь осознал, как много дала ему та поездка, да и другие экскурсии, лекции, походы в театр, которыми пичкали его в детстве. Отец говорил: «Двигаться вверх всегда намного труднее, чем катиться вниз». Да, неизвестно, кем бы он стал без культурного фундамента, заложенного родителями. Чувство стиля, стремление к красоте, умение идти наперекор собственной лени – это всё оттуда, из детства. Игорь бережно поставил глиняный домик на полку рядом с бутылкой с оплывшими свечами. Пусть постоит, пообвыкнется на новом месте, а там посмотрим, что с ним делать.

Новичка ждал неласковый приём. «В нашей передовой семье появился прищелец с того света!» – возмущались точечные светильники над полкой. «Что за светопреставление! Какой примитив! Какая отсталость!» – восклицали лампы скрытой подсветки под потолком. Они очень гордились тем, что могут включаться по хлопку хозяина, и считали себя светильниками разума. Бедный глиняный домик молчал, подавленный недружелюбием.

– Добро пожаловать, коллега! – раздался низкий тягучий голос Коралла, скульптуры из расплавленных свечей. – Не обращайтесь внимания, это всё так называемые «плоды просвещения». Эта молодёжь считает себя светочами цивилизации и даже не догадывается, кому они обязаны своим высоким положением. А ведь начиналось всё с нас с вами!

Домик с признательностью взглянул на скульптуру.

– Благодарю вас. Честно говоря, я уже привык к покровительственному тону современных световых приборов и научился не обижаться.

– А ведь каких-то 150 лет назад, до изобретения электролампы, мы были единственным источником света в доме, показателем благосостояния хозяев! Эти «сиятельные особы» – электрические светильники – оставили нам лишь небольшую нишу для существования, – грустно проговорил Коралл.

– Зато какую чудесную нишу! – отозвался Домик. – Живопись, поэзия, театр, религиозные обряды! Наши партнёры думают, что вытеснили нас на обочину жизни, а на самом деле вознесли нас наверх, к вершинам духа!

*«Как далеко свеча бросает луч!
Так светят добрые дела в злом мире».*

А вот ещё:

*«Подмена ярко светит, словно царь,
Когда царя нет рядом».*

– Что это? Стихи? Какие прекрасные слова!

– Да, это Шекспир, «Венецианский купец». Мне, как вы понимаете, именно его строки первыми приходят на ум. Грустить не надо. Из предмета обихода мы превратились в символ человеческой судьбы, любви, молитвы, всего самого сокровенного.

– Ах вы, светлая душа! Да-да, человека всегда завораживало пламя свечи. Помню, несколько лет назад нас навещали мои дальние родственники, связка свечей из храма Воскресения Христова в Иерусалиме. Они рассказывали, что каждый год накануне Пасхи миллионы христиан по всему миру ожидают схождения Благодатного огня. Он – символ того, что Господь не оставляет человечество своей милостью, даёт ему время для покаяния и возвращения к праведной жизни. Накануне Воскрешения Иисуса Христа от каменной плиты, на которую когда-то было уложено тело Христа, начинается исходить голубоватый свет. Он поднимается наверх, образуя огненный столп. Это всегда Чудо, великое и необъяснимое. От этого огня зажигаются две свечи, а потом от них – сотни других. Паломники их обжигают на Благодатном огне, а потом уже привозят к себе на родину.

– Да-да, а мне мои израильские коллеги рассказывали об устройстве одного из мемориалов на территории музея Яд-Вашем в Иерусалиме. Он посвящён 1,5 миллиону еврейских детей, уничтоженных во время Холокоста. Посетители спускаются в темноту пещеры, вырубленной в скале. Голоса на разных языках непрерывно перечисляют имена погибших детей, страны, где они жили, и их возраст. В центре помещены пять свечей, а их свет отражается во множестве зеркал, и кажется, что огоньков бесконечное море. Так очень наглядно выражена мысль, что все люди на Земле взаимосвязаны, и что, задув одну свечу, то есть уничтожив одного человека, мы как бы обрубаем целую ветвь человечества.

За окном вечерело, но темноте так и не удавалось полностью окутать город. На улице зажглись фонари и подсветка зданий, засветились огни машин, а Коралл с Домиком всё продолжали свою неспешную беседу.

– Как вы думаете, сэр, почему в эпоху царствования электрического света мы, свечи, продолжаем присутствовать в жизни человека? – задумчиво спросил Коралл.

– Ваше сиятельство, здесь нет ничего удивительного. Срабатывает инстинкт самосохранения, – сверкнул Домик глазами-окошками. – Глядя на открытый огонь, человек как бы сжигает свои суетные мысли, скорби, болезни и страхи. Живое пламя очищает от мысленного шума и заряжает энергией самой природы.

– Да, человек всё больше отдаляется от природы, нарушает свой естественный ритм существования, – со вздохом заметил Коралл. Слышали такую песню: «Я хотел бы заснуть и проснуться в городе, который никогда не спит»? Это вообще-то про Нью-Йорк, но так можно сказать о любом крупном городе. Я как-то слушал по радио передачу о русском философе Алексея Лосева. В своей книге «Диалектика мифа», написанной почти сто лет назад, в 1930 году, он писал: «Свет электрических лампочек есть мёртвый,

механический свет. Он не гипнотизирует, а только притупляет, огрубляет чувства... Квартирьы, в которых нет живого огня – в печи, в свечах, в лампадах, – страшные квартирьы».

– Да прекратите вы наконец! – раздался вдруг резкий выкрик откуда-то сбоку. Там был рабочий стол архитектора, а над ним сложная система со специальными световыми установками. Именно она и вспыхнула от возмущения. – У меня в глазах темнеет от ваших рассуждений! Неужели вы думаете, что кто-то добровольно откажется от сегодняшних технических завоеваний? Человек наконец-то перестал зависеть от природы, стал жить в комфорте!

– И сделался заложником технических устройств, стал гораздо уязвимее! – не сдавался Коралл. – Я настаиваю на том, что мы, свечи, по-прежнему необходимы человеку!

– Господи, зачем? Мы же «умный дом»!

– Именно поэтому! Малейшие перебои с электричеством – и всему вашему «уму» грош цена! В каждом доме необходим запас свечей. Дай Бог, чтобы мы не пригодились напрямую, как источник света. А так мы нужны, чтобы человек оставался человеком. Лосев говорил: «Нельзя любить при электрическом свете, при нём можно только высматривать жертву».

– Друзья, прошу вас, не ссорьтесь, – вмешался Домик. – Истина, как всегда, посередине. Послушайте, как сказал об этом поэт:

*В родстве со всем, что есть, уверясь,
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда её не утаим.
Она всегда нужнее людям,
Но сложное понятней им.*

(Б.Л. Пастернак, «Волны»)

Противоборствующие стороны прекратили спор, но каждая осталась при своём мнении.

Несколько дней прошли в напряжённом молчании, но до открытых стычек не доходило. Однажды утром в доме началась непривычная суета: Игорь убрал всю одежду в шкаф, привёл в порядок свой рабочий стол, даже вытер везде пыль! Потом он тщательно брился в ванной, включив дополнительный свет перед зеркалом, и вообще уделил много внимания своей внешности. Коралл с Домиком понимающе переглядывались. В доме явно ждали гостей. Все осветительные приборы приободрились, пришли в боевую готовность, им, похоже, предстоял смотр строя.

Действительно, Игорь собирался привести в дом гостей. Лия – так звали его знакомую – заканчивала обучение в училище им. Гнесиных по классу вокала и готовила себя к карьере камерной певицы. Всё в ней было необычным: и внешность, и занятие, и имя. Тоненькая, как тростинка, с чёрными глазами и длинными чёрными волосами, Лия обладала неожиданно низким для её комплекции голосом: контральто бархатного тембра. Они познакомились несколько месяцев назад на каком-то музыкальном фестивале, и с тех пор молодая певица занимала все мысли Игоря. Сегодня, наконец, он решил пригласить её домой.

Они шли от метро через лесопарк к дому Игоря. Стояли дни ранней осени. Пора листопада ещё не началась, но деревья уже окрасились в яркие, праздничные цвета, щеголяя друг перед другом своим роскошным убором. Солнце медленно садилось за горизонт. Его лучи высвечивали каждую веточку, каждый листик, как будто умелый режиссёр хотел представить их в самом выигрышном свете. Игорь и Лия молча шли по дорожке парка. Говорить не хотелось, оба боялись спугнуть великолепную, торжественную тишину, окружавшую их со всех сторон. Величавые клёны напутственно качали своими ветвями, ели величественно стояли по краям дорожки, как почётный караул. Маленькая осинка в золотом уборе вся светилась от счастья, глядя на эту пару. У Игоря в памяти вдруг всплыли знакомые с детства строчки:

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...*

Но вслух их произнести он не решился, боясь показаться чересчур сентиментальным. Лия вдруг прибавила шаг. Игорь удивлённо взглянул на неё: ему было так хорошо медленно шагать с девушкой по дорожке!

– Я хочу выйти из парка до того, как включают фонари, – объяснила Лия. – Электрический свет всё испортит.

Игорь удивился, но безропотно подчинился. Ему вообще нравилось подчиняться этой хрупкой девушке. В ней чувствовалась какая-то внутренняя сила, она завораживала, вела за собой.

– Хорошо, пойдём, тут совсем близко.

Когда они вошли в квартиру, все осветительные приборы замерли: вот, сейчас начнётся парад, и они покажут всё, на что способны. Но молодые люди почему-то не спешили включать свет. Закатное солнце заливало комнаты. Лия сразу оценила изысканный интерьер, но больше всего ей понравился угол с панорамным остеклением. Из окон открывался великолепный вид на парк, купающийся в лучах заходящего солнца.

– Я почти всё закончил, только вот не нашёл пока светильник в эту нишу, – со скрытой гордостью проговорил Игорь.

– Что ты! Не надо сюда никакого светильника. С таким видом не нужны искусственные украшения.

– Правильно, с тобой не надо света, – пробормотал Игорь. Он отвернулся, чтобы скрыть смущение, потом вдруг засуетился, достал бутылку вина, два бокала. Девушка в это время рассматривала композицию из оплывших свечей, напомиравшую то ли готический собор, то ли коралловые заросли.

– Что это?

– Это такие скульптуры, которые создаёт сама природа. У меня их было множество, все раздарил друзьям. Я ими отмечал важные события в моей жизни. Вот и сегодня у меня такой день. Подожди, я сейчас. – Игорь достал из шкафа красивую пустую бутылку из синего стекла и вставил в неё одну из разноцветных свечей.

– Зажигай! – протянул он Лие коробок спичек. Робкий маленький огонёк загорелся, затрепетал, а потом превратился в красивый лепесток, устремлённый ввысь.

– Спой, Лия! Я так люблю, когда ты поёшь!

— Что же тебе спеть? — Девушка помолчала минуту, а потом... звуки «Паваны» Форе наполнили комнату. Игорь, конечно, знал это произведение, но слышал его только в инструментальном исполнении. Он и не подозревал, что человеческий голос в состоянии передать такие тончайшие оттенки эмоций. В красоте мелодии была какая-то магия напевности и тайны, а голос Лии завораживал, заставлял забыть обо всём на свете. Сумерки опустились на город. Напрасно замечательные осветительные приборы в квартире Игоря ждали, что он устроит световую феерию, продемонстрирует Лие все возможности своего «умного дома». Молодым людям вполне хватало света одинокой свечи.

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин — поэт, член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Хочется дружить не понемногу...

В гавани за контуром причала,
Продырявив лоскуты тумана,
Над волной, что сейнеры качала,
Два порталных, как жирафы, крана
Замерли, не начинали дела,
С вечера к работе приступив,
И в прожекторах она гремела,
Тишине рассвет лишь уступив.
Шла разгрузка яблок и цемента,
Да ещё портовиков жаргон
От ругательства до комплимента
Повторял осипший мегафон.
А когда запламенело утро
В облаках, в воде и на траве,
Видел я, «жирафы» спали мудро,
Голова прижата к голове.
Все, кто рядом, не подозревали,
Что тогда перед началом дня
Стрелы кранов в небе задремали,
Со стихами породнив меня.

Памяти моряков «Караги»

Что-то понапутали гадалки,
Дамам королей не сберегли.
С картами не сладив, камчадалки
Христа ради свечки извели.

Февраль, 1966,
Петропавловск-Камчатский

Хочется дружить не понемногу,
Друга проводив на Шикотан –
В самую завидную дорогу
Изо всех, что судьбы дарят нам.

Густой снегопад

Теперь из уголков Москвы
Мне Дом учёных любопытен,
Его сторожевые львы,

Пречистенка, ещё обитель,
Что Новодевичьей зовём –
Там кладбище с монастырём.

*Памяти Владимира Григорьевича
и Лидии Ивановны*

«Долгопа» с каждым днём всё ближе –
Так растопырилась Москва!
Здесь по-купечески нас крыжит
Литературная братва.

Не занимать ей хлебосольства,
Она, в заботе о кормах
Для лиц столичного посольства,
Харчи имеет в закромах.

К Богатырёвым электричкой
К платформе «Долгопрудной» мчусь...
Их нет уже, но есть привычка,
И от неё не излечусь.

Как трудно удержаться от греха,
Как радостно удержанному быть,
Ещё трудней не срифмовать стиха
И хмеля творчества не пригубить,
Оставив это право за собой...
А надо удержаться – пьянству бой.

*Памяти жертв 1905 года
и расстрела Белого Дома*

Площадь Свободной России.
Пресня.
Безлюдно-то как!
Даже по-летнему синим
Днём здесь не встретишь зевак.
Лишь в лабиринте прохода
К Дому Правительства я
Нищую мать из народа
Вижу за кучкой тряпья.

Что до свободы?
Россия
Шла к кумачёвым речам
Пресни, где воли просила,
Веря своим палачам.

Не без греха. Бывало, льстил.
А вот забрала не носил.
Имел открытое лицо,
Не чуял чутких подлецов.
Эх, лучше жил бы в оболочке,
По-диогеновски, как в бочке.

Как много без вести пропавших
Гражданских судеб на войне,
И не всегда у проигравших,
У победителей – вдвойне.

Недаром в ежедневных сводках
О мирных жителях теперь
Всё чаще говорят в подборках
Упомянутых потерь.

Война без сна. Пока не спишет
Тех, кто отечеством, и всех,
Кто православной верой дышит
И обречённых на успех.

Эвакуируют курян,
Год будто сорок первый.
Война для курских поселян
Как факт неимоверный.

Как факт и для меня война,
Для тверичан в Торопце,
Везде, где не щадит она
Ни стариков, ни хлопцев.

Не сразу ясно, почему
Дарована надолго
Война народу моему,
Что верен чувству долга.

Но, если честно оглянусь,
То сам ли не без лени?..
Дойду до храма, помолюсь,
И Русь моя, Святая Русь
Не встанет на колени.

Сталинский период в российской истории

*«Сталинский период пока что остается
самым значимым в советской истории...»*

Философ Александр Зиновьев

Объять и в полной мере понять и оценить деяния личности такого масштаба, как Иосиф Виссарионович Сталин, пока представляется делом крайне затруднительным. В настоящее время мы можем исследовать только отдельные направления и некоторые фрагменты советской истории сталинского периода.

Можно ли было обойтись без репрессий?

Сталинский период (1924-1953) – время колоссальных катаклизмов и свершений в жизни нашей страны. Это время стремительных, но весьма болезненных революционных преобразований, фантастического экономического, социального и культурного развития, тяжелейшей войны с фашизмом; но это также и – время так называемого «большого террора».

В неимоверно тяжёлых условиях наша страна не только выжила, но и смогла стать одной из сильнейших держав мира.

Однако...

В силу сложившихся обстоятельств (по сути – в результате политической конъюнктуры; эти обстоятельства здесь мы обсуждать не будем) сталинский период и деятельность самого Сталина за последние 70 лет подвергались и продолжают подвергаться жесточайшей критике.

Главное, в чём наши недруги обвиняют Сталина, – массовые репрессии. «Большому террору» или «сталинским репрессиям» посвящено огромное количество исследований. Это самая болезненная тема в сталиниане.

Попытаемся разобраться в данной проблематике, опираясь на имеющиеся в открытом доступе многочисленные материалы.

Прежде всего, задумаемся над тем, кто мог знать и предсказать в начале XX века, какие жертвы суждено будет принести нашему народу

Николай Васильевич Пернай – родился в Бессарабии (Молдавия) 24 мая 1940 г. Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Ветеран педагогического труда, отличник среднего специального образования Союза ССР, отличник профессионально-технического образования России, почётный работник начального профессионального образования России, кавалер ордена «Знак Почёта», заслуженный учитель России. Учёный, кандидат педагогических наук. Литератор, автор многих книг и статей, лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2014). В настоящее время член Совета старейшин города Братска, лектор.
Живёт в Братске.

для того, чтобы выжить? Думаю, что – никто! Если правители (царь, народные вожди и прочие) втянули широкие массы в мировую войну, потом в революцию и гражданскую войну, а потом, в порядке эксперимента, в процесс строительства нового общества, называемого социалистическим (а они, эти массы, неграмотны, малокультурны, малорелигиозны), то сколько сил надо положить на то, чтобы повысить общий уровень культуры, грамотности, духовности народа и довести этот уровень до межнациональной и межрелигиозной гражданской терпимости? Причём, несмотря на наличие некоторой теоретической базы под названием марксизм, никто конкретно не знал, как строить это самое социалистическое общество. Эксперимент! Всё впервые. Никаких наглядных примеров для подражания.

В 1920-х – начале 1930-х годов шла ожесточённая внутрипартийная оппозиционная борьба между сторонниками генсека Сталина и их противниками (троцкистами, левыми и правыми уклонистами и т.п.). Однако с принятием 5 декабря 1936 года новой Конституции СССР, названной «сталинской», которая ВПЕРВЫЕ в истории России установила прямые, всеобщие, равные и тайные выборы (такого не было ни при царе, ни при Ленине), эта борьба переросла в войну против линии Сталина на демократизацию власти в стране. И методы борьбы с бывшими однопартийцами-оппозиционерами, которые стали врагами, стали другими. На войне как на войне: «если враг не сдаётся, его уничтожают» (М. Горький). Сталину эту войну навязали, и он принял её и развернул ответные военные действия. Репрессирование троцкистов, а также так называемых «верных ленинцев», партократов на местах, бонопартистски настроенных военных и прочих врагов народа было ответной мерой Сталина и карательных органов. Потом нашей стране навязал войну Гитлер, и Сталин возглавил военные действия против фашизма.

Что касается бывших классовых врагов (белогвардейцев, контрреволюционеров, помещиков, капиталистов и прочих), то война с ними в советские годы не прекращалась никогда.

Многие авторы, и я в их числе, склоняются к выводу, который изложил в своих работах иркутский историк профессор В.А. Туев: репрессии не были инициативой Сталина – они стали его ответом [Туев В.А. «Сталин против врагов народа». – Иркутск, 2007, с. 62]. «Истина состоит в том, что репрессии против оппозиции не были следствием инициативного выбора Сталина, – они стали для него жестокой необходимостью, которая вытекала не из его характера, как иногда думают, и не из природы социализма <...>, а из всей совокупности исторических условий, в которых пришлось действовать Сталину» [Туев В.А. Указ. соч., с. 70].

Дело в том, что в ответ на предлагаемые Сталиным конституционные меры по демократизации власти (в первую очередь, введение всеобщего избирательного права при тайной подаче голосов) влиятельные партийные руководители регионов (по сути, партийные олигархи) накануне всеобщих выборов в Советы потребовали от ЦК партии дать им, местным властям, право «очистить» свой край от «врагов»: кулаков, бывших белогвардейцев, попов, троцкистов и других «вредных» элементов.

Многие исследователи считают, что в тех довоенных условиях организация страны, при которой высшая власть принадлежала совершенно неконституционному органу – Политбюро, – как ни странно, в значительной степени была благом и спасением для Советского Союза. И даже не потому, что во главе был Сталин, – а потому, что в целом власть в стране

принадлежала коммунистам – людям, которые в те годы за пренебрежение интересами народа и государства отвечали головой в полном смысле этого слова [Мухин Ю.И., Шабалов А.А. Почему врут учебники истории. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2009, с. 79].

Но Сталин не мог признать удовлетворительной ситуацию, при которой власть в регионах принадлежала партократам. Он мог только терпеть такое положение до поры до времени. И такая пора настала в середине 1930-х годов. Партократов от власти следовало устранить.

Было задумано, что выборы должны быть альтернативными, то есть на каждое депутатское место должны выдвигаться несколько кандидатов. Были даже отпечатаны образцы, как оформлять бюллетени для тайного голосования, когда в них несколько кандидатов.

Однако эта норма вызвала панику среди партийных функционеров – секретарей гор(рай)комов и обкомов. Многие из них боялись, что при тайном голосовании, да ещё при нескольких кандидатах в депутаты, они не смогут провести в Советы не только себя, но и своих ставленников. А провал выборов, назначенных на 1938 год, означал для них смещение с должностей.

И партийная элита начала активно сопротивляться линии ЦК.

В конце весны 1937 года не Сталин, и не Политбюро, а местные партийные функционеры потребовали от ЦК предупреждающих репрессий, то есть они потребовали отправкой в лагеря и расстрелами очистить свои области от тех, кто мог вмешаться в выборы следующего года и помешать местным партократам провести в Советы тех депутатов, которых они хотели. И ЦК (а вместе с ним и Сталин) уступил их требованиям.

К чему это привело?

«С надеждой провести альтернативные выборы приходилось окончательно распрощаться... – поясняет авторитетный историк Ю.Н. Жуков. – Партократия в самоубийственном противостоянии сумела добиться своего – сохранила в полной неприкосновенности старую политическую систему, теперь лишь прикрытую как камуфляжной сеткой Конституцией» [Жуков Ю.Н. «Иной Сталин». – М.: Вагриус, 2005, с. 490].

Таким образом партийная элита проявила инициативу в развязывании репрессий в 1937 году. Начало репрессий положил первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. Он инициировал образование в своём регионе первой карательной тройки в составе партсекретаря, начальника управления НКВД и прокурора. Вслед за ним в борьбу с «врагами народа» включились другие руководители регионов: С.В. Косиор, В.И. Межлаук, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, М.М. Хатаевич, В.Я. Чубарь, И.М. Варейкис и др. Каждый из этой партийной номенклатуры, прежде чем стать «жертвой сталинизма», успел уничтожить тысячи и тысячи «вредителей», кулаков и других «активных антисоветских деятелей».

Однако «карающий меч революции», НКВД во главе с наркомом Ежовым, был, в конце концов, обращён против самих зачинщиков репрессий, партократов. Что ж: на войне, как на войне. Возмездие за допущенный произвол и немыслимые жестокости всё же настигло их инициаторов позднее.

Есть люди, которые считают, что от «ежовщины» пострадали миллионы. До сих пор допускаются спекуляции в трактовке этих поистине страшных страниц нашей истории и в подсчёте числа жертв репрессий. Нобелевский лауреат Александр Солженицын назвал когда-то цифру: 66 миллионов (да в войну ещё 44 миллиона), – всего же 110 миллионов погибших по вине

большевиков. (Врать, так врать по-крупному!) Другой нобелевский лауреат Михаил Шолохов заметил в его адрес: «бессовестный писатель».

Однако из документов сегодня точно известно, что общее число осуждённых по 58-й статье, то есть за контрреволюционные преступления, в течение более чем 30 лет – с 1921 по 1953 год – составляет 3 778 200 человек. Из них 786 098 человек были приговорены к высшей мере наказания.

Большинство смертных приговоров приходится на 1937-й – 353 074 и 1938 год – 328 618, на военные годы – остальные около 100 тысяч приговоров [Туев В.А. Указ. соч., с. 68, 71].

Трагические события 1937-1938 годов на веки вечные останутся незаживающей раной в памяти нашего народа. Подводя краткие итоги этих событий, знаменующих, на наш взгляд, завершение гражданской войны между сторонниками строительства социализма в СССР-России и их противниками, «пятой колонной», мы обращаемся к непредвзятому мнению нейтрального наблюдателя, русского мыслителя Вадима Кожина (не сталиниста), который утверждает: «Объяснение террора личной волей Сталина совершенно неосновательно <...> К 1937 году в стране ещё царила атмосфера Революции и гражданской, “классовой” войны (недавняя коллективизация и была именно “классовой войной”) <...> В 1937-м совершилась смена “правящего слоя”, типичная для любых крупных исторических сдвигов <...> Именно те люди, против которых были прежде всего и главным образом направлены репрессии 1937-го, создали в стране сам “политический климат”, закономерен – и даже неизбежен – порождавший беспощадный террор» [Кожин В.В. «Россия. Век XX (1901-1939)». – Алгоритм, 1999, с. 394, 399, 401].

Виновен ли Сталин в репрессиях против советского народа?

Бывший Президент СССР М.С. Горбачев утверждал: «Сталин – это человек весь в крови». Президент России В.В. Путин называет имевшие место репрессии «неприемлемым способом управления государством» [«Сталин. Эпоха свершений и побед». – М.: Изд-во «Белый город», 2013, с. 147]. Сегодня политики рассуждают ТАК. Но 80-90 лет назад наш мир был совершенно другим, и нормы жизни в том мире были совсем не такие, как сейчас.

На основании имеющихся источников – открытых архивных данных, опубликованных официальных документов, в том числе судебных отчётов, воспоминаний очевидцев – многие исследователи делают вывод о том, что на протяжении 30 лет пребывания у власти:

- Сталин не был инициатором репрессий. Напротив, имеется много фактов его активных выступлений (и действий) против репрессий;

- репрессии, развязанные при нём, как правило, были ответными действиями на открытые и подпольные действия «пятой колонны», всевозможных врагов, выступающих под личиной оппозиционеров, недобитых белогвардейцев и проч.

Многие исследователи придерживаются именно такой точки зрения; считается, что уничтожение Сталиным «пятой колонны» избавило нас в годы войны от многих враждебных акций в советском тылу (восстания, забастовки, массовый саботаж, диверсии и т.п.) и на фронте (преднамеренные массовые сдачи в плен, открытие фронта врагу и т.п.).

Но в некоторых случаях Сталин лично отдавал приказы на следственные действия и репрессии своих противников. Поскольку о фактах таких

репрессий говорят главным образом его недоброжелатели, антисталинисты типа Троцкого, Хрущёва, Волкогонова, то к ним надо относиться особенно внимательно. И бдительно.

Это выводы – предварительные и выводы мои личные (Н.П.). Окончательно точки над *i* можно будет поставить только после того, когда будут открыты все партийные архивы и архивы ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Это произойдёт, вероятно, не скоро.

Однако нам надо отдавать себе отчёт в том, что оценка деятельности личности такого масштаба, как Сталин, даётся не столько на основании его личных планов, заявлений, речей и даже действий. О правителе судят по тем результатам и уровню благосостояния народа, которых добилась страна за время его правления. «Сталинский» уровень жизни народа был в действительности невысок, но всё необходимое для жизни у людей было. А вот макроэкономические, политические, научные и военные результаты, достигнутые нашим народом за время пребывания у власти Сталина, были невиданно грандиозными и колоссальными за последние 1000 лет.

И все-таки... все-таки... Необходимо отметить то, что и сегодня повергает многих бывших советских людей в уныние. Ужасно то, что в ходе борьбы с «пятой колонной» и другими настоящими врагами народа погибли тысячи НЕВИННЫХ людей. И вина за эти жертвы ложится (неважно, прямо или косвенно) как на многочисленных лжесвидетелей, палачей, так и на самого Сталина. Потому что невозможно деяния исполнителей отделить от воли руководителя.

Ко всему вышесказанному сегодня можно добавить следующее.

Известно, что любая власть обладает силой. Это может быть сила авторитета (харизма), сила физическая, сила военная, сила юридическая (милицийско-полицейская, карательная), сила денег, сила магии, сила общественного мнения и др. Одной из самых действенных на протяжении тысячелетий была сила страха. Причём настоящим страхом, имеющим наибольшую силу, всегда считался страх смерти.

Годы жизни и пребывания у власти Сталина приходятся на самые неспокойные и кровавые периоды нашей истории, когда в результате войн, революций, разрухи и бытовой неустроенности гибли миллионы людей. Люди были в большинстве своём необразованны, малокультурны, с плохо развитыми навыками общественной жизни и дисциплины. Не случайно Троцкий, разъезжая по фронтам Гражданской войны на своём бронепоезде, для наведения порядка в войсках Красной Армии применял децимацию. Это устрашало и служило укреплению дисциплины и организации. Времена были суровые.

Сталин не был человеком жестоким, но, в отличие от многих соратников, он был чрезвычайно целеустремлённым, обладающим системным аналитическим мышлением и стальной волей в достижении поставленных задач. Он не мог не понимать, что в условиях небывалой разрухи, голода и нищеты, в стране, где около 70% населения были неграмотны, простыми властными декретами и убеждением порядок не навести. Нужны дополнительные силы. Это были силы принуждения: ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, правоохранительные органы (прокуратура, милиция, суды, трибуналы, система ГУЛАГ и проч.), войска и др. И, конечно, устрашающим фактором должен был стать страх – страх смерти.

Сталин, в отличие от многих большевиков-ленинцев, уже в середине 1920-х годов понял, что курс на мировую революцию (в результате которой была бы возможна международная поддержка Советской России) совершенно нереален, и потому нужно нам самим строить социализм в нашей отдельно взятой стране. Однако в условиях враждебного капиталистического окружения, когда всевозможные фашистские диктаторы демонстрировали свою готовность к новой войне (уже в 1925 году Гитлер в книге «Майн кампф» провозглашал необходимость похода немцев на Восток), чтобы выжить и построить социализм, нужно было создать непобедимые вооружённые силы. Но для этого нужно было индустриализировать страну, построив мощную тяжёлую промышленность. А для этого нужны были новейшая техника и кадры, которые могли бы управляться с техникой. Но армию и рабочих надо было еще и накормить. Так к концу 1920-х годов родилось новое понимание целей: надо было спешно перестраиваться и готовиться к войне.

Поскольку новая война рассматривалась как неизбежность, нужно было: 1) провести индустриализацию страны и создать мощную базу для обеспечения техникой армии, флота и всего народного хозяйства; 2) чтобы обеспечить необходимую продовольственную безопасность страны (в т.ч. обеспечить продуктами не только село, но и города и вооружённые силы), требовалось создать новые социалистические хозяйства – колхозы и совхозы – и обеспечить их современной техникой и 3) подготовить кадры как управленческие, так и научные, инженерные и рабочие. Всё очень просто: все пункты триединой задачи были взаимосвязаны.

Нужно было торопиться в выполнении этой задачи, т.к. все понимали: война вот-вот начнётся. И в 1930-е годы было активизировано всё, что только возможно, для подготовки к войне. Неудивительно, что те, кто оказывал сопротивление, были репрессированы. К сожалению, под топор попало и много невинных граждан.

Таким образом, относительно целей, поставленных Сталиным, не стоит заблуждаться: ставя цели построения социализма в отдельно взятой стране (СССР), Сталин понимал, что нужно подготовиться к неизбежной войне. К концу 1930-х годов эти цели в основном были достигнуты, хотя (как показали события 1941 года) в полной мере наша страна к войне готова всё же не была: не всё, что планировали, успели сделать.

Страх за свою жизнь в той или иной степени был присущ советским гражданам и при Сталине, и после него. Жёсткая дисциплина (иногда – жестокая, вроде сталинского приказа №227 от 28.07.1942 – «Ни шагу назад!»), репрессии, силовое принуждение, карательные меры играли весьма значительную роль во всех формах управленческого воздействия на массы. Я много думал об этих фактах и, в конце концов, вынужден признать, что без этого (без жёсткой дисциплины и репрессий) нашему народу не удалось бы ни построить основы социалистического общества, ни победить в ВОВ. Подобное было характерно и для таких стран, как Китайская Народная Республика, Демократическая Республика Вьетнам и др., в которых (так же, как в России–СССР) в течение последних веков их исторического развития были слабо развиты или даже совсем не развиты формы парламентаризма, демократии, навыки общественного самоуправления и была соответствующая, низкая, социальная культура. Как говаривали позднее: «культуры было маловато», отсюда и все беды.

Однако не все исследователи разделяют такую точку зрения. Многие, особенно из числа антисталинистов считают иначе. Рассмотрим для примера суждения Игоря Гольдмана.

Антисталинист Игорь Гольдман о Сталине

В книге «Сталин должен был умереть» (М.: Вече, 2017) Игорь Гольдман, как человек, у которого репрессировали родственников, изрыгает ненависть к Сталину. Во многом он необъективен и часто цитирует таких публицистов-антисталинистов, как В. Суворов (Резун), Э. Радзинский, Гавриил Попов, А. Автарханов, но совсем не упоминает труды настоящих исследователей сталинианы – В. Кожина, Ю. Жукова, А. Мартиросяна, Ю. Мухина. Сталин в изображении Гольдмана выглядит мерзавцем, «всепоглощающей страстью» которого была власть и – только власть, он был лишён «каких-либо родственных или дружеских привязанностей», он «не способен был видеть других людей такими же реальными, как он сам». Конечно, это неверно.

Однако при всей своей, почти животной, ненависти к Сталину автор очень тщательно исследует многие эпизоды жизни вождя и делает нетривиальные выводы. Так, исследовав состояние здоровья Сталина, Гольдман (сам врач) перечисляет многочисленные заболевания, которыми переболел тот: оспа, тяжёлая черепно-мозговая травма, травма левой руки (из-за которой рука стала сохнуть), малярия, тиф, ревматизм, а в преклонных годах гипертоническая болезнь, инсульты (по меньшей мере, два, перенесённые до 1 марта 1953 года), хроническая диарея и хроническая дизентерия. И Гольдман приходит к выводу, что Сталин был человеком со слабым здоровьем, который к тому же пренебрегал советами врачей (в последние годы избегал пользоваться их услугами), не соблюдал никаких диет, любил (как в туруханской ссылке) попариться в бане (что при гипертонии категорически воспрещено). А потому сильнейший инсульт, который сразил его 1 марта 1953 года, был естественным результатом состояния здоровья вождя, следствием неправильного образа жизни и отказа от профилактического приёма лекарственных препаратов.

Фотокопии некоторых приведённых в книге документов (12 шифровок на имя Сталина) с просьбами утвердить к расстрелу и осуждению определённое число (несколько тысяч в каждой шифровке) правотроцкистских и кулацко-белогвардейских элементов, на которых стоит первая размашистая резолюция «За» и подпись Сталина, а ниже подписи Ворошилова, Кагановича, Молотова, Калинина, Микояна и других членов Политбюро – это на самом деле страшные улики против Сталина и правящей партийной верхушки (с. 193).

Ещё. Сталин говорил авиаконструктору Яковлеву: «Ежов – мерзавец. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли». «На самом же деле, – пишет Гольдман, – Ежов регулярно посещал Сталина с толстой папкой расстрельных списков для согласования. Судя по записям секретаря Сталина, только за один тридцать седьмой год Ежов провёл в его кабинете 527 часов 56 минут. Ежедневно – по полуторачасовому докладу главного палача. За два года (1937-1938) число расстрелянных более чем в семь раз превышает число убитых за все остальные 22 года сталинизма». Это крайне удручающий факт (с. 232).

Читая множество книг о Сталине, как его апологетов, так и непримиримых антисталинистов, я не могу отделаться от мыслей о том, что часто Сталин говорил одно, а подразумевал совсем другое. Так, он уверял, что следует учению марксизма-ленинизма, но сам нередко исповедовал свои, большевистские, временами ничего общего не имеющие с марксизмом, идеи. Подчёркивал, что антисемитизм в СССР недопустим и очень жёстко его пресекал, однако последовательно боролся с евреями-сионистами и оппортунистами Троцким, Зиновьевым, Каменевым и другими. Репрессировал жёнка евреек своих ближайших соратников Молотова, Ворошилова, Калинина.

Если в 1920-начале 1930-х годов были широко распространены демократические формы общения партийцев (широчайшие публичные дискуссии, свободная, но довольно жёсткая критика оппозиционеров; к Кобе обращались запросто и на «ты»), то к 1935-1937 годам, по-видимому, Сталину надоела эта в большинстве случаев бесплодная вольница, и он начал закручивать гайки, понимая, что только жёсткая дисциплина и централизация власти могут мобилизовать разболтавшийся народ и подготовиться к войне, которая – это было очевидно – неизбежна. Многие жестокости необъяснимы, или объясняются такими, как Гольдман, исключительно властолюбием Сталина.

Однако то, что было сделано благодаря Сталину, в том числе индустриализация (во многом руками иностранного капитала и путём выманивания у населения золота и драгоценностей) и жестокая коллективизация (при помощи которой удалось, в конце концов, накормить и село, и город, и армию, и всю страну), и подготовка к войне, и, наконец, победа в ВОВ, – все эти и многие другие достижения сталинской эпохи перевешивают и репрессии, и насилия.

Мы не знаем о евреях-сионистах многого того, что, возможно, знал и о чём не говорил Сталин...

Философ А.А. Зиновьев о сталинской эпохе

В работе «Идеология партии будущего» (см. в Интернете) выдающийся философ Александр Зиновьев писал: «Возникновение советского коммунизма было колоссальным прорывом в социальной эволюции человечества, можно сказать – социальной мутацией».

В книге Александра Зиновьева «Русская судьба, исповедь отщепенца» (см. в Интернете) особенно интересна научная оценка сталинской эпохи.

«Сталинская эпоха есть явление сложное и многостороннее» (с. 137).

«Сталинская эпоха была эпохой становления нового, коммунистического общества. В эту эпоху сложился социальный строй нового общества, его экономика, система власти и управления, идеология, культура, образ жизни миллионов людей. Это была юность нового общества» (с.138).

«Органы государственной безопасности в сталинские годы играли исключительно важную роль, выходящую за рамки карательных функций <...> Органы государственной безопасности пользовались высшим доверием народных масс. Им верили безусловно. Им помогали.

Одной из задач «органов» было поддержание такого орудия народовластия, как система разоблачения врагов (обычно воображаемых), открытых и тайных доносов, репрессий <...> Эта система доношительства и

разоблачительства была естественной формой правления подлинно народной демократии. Это была самодеятельность масс, поощряемая свыше, поскольку высшая власть была властью народной и стремилась остаться ею» (с. 141).

«Кульст Сталина был элементом народовластия. Он рос главным образом снизу, хотя насаждался сверху. Сталин был народным вождём в самом строгом смысле слова. Гораздо более народным, чем Ленин и все преемники Сталина» (с. 142).

«В систему насилия были вовлечены миллионы людей. Сваливать вину за это на горстку сталинцев, на органы государственной безопасности и на Сталина лично есть грубая фактическая и историческая ошибка. В основе насилия сталинской эпохи лежала массовая добровольность <...>

Как это ни странно на первый взгляд, жестокость в отношении миллионов людей в сталинские годы сочеталась с поразительной заботой о миллионах других людей. Причём число таких, кто чувствовал эту заботу, намного превышало число тех, кто становился жертвами насилия и репрессий. Забота о людях проявлялась в организации просвещения, образования, развлечений, обучения профессиям, спорта и в улучшении бытовых условий <...> Сталинский период был периодом творческим в самом строгом смысле слова <...> Тогда всё создавалось заново: организация коллективов, система управления, идеология, культура, человеческие типы, формы поведения, ритуалы и процедуры мероприятий, юридические нормы и т.д.» (с. 148).

«Сталинский путь в условиях краха бывшей Российской империи и последующей разрухи был самым эффективным путём построения коммунизма, а может быть, и единственным. Дело не в том, что Сталин был злодей <...> Сталин был сыном своего времени, наиболее полно и чётко отразившим в себе сущность реального коммунизма. Сталинский период пока что остаётся самым значительным в советской истории. Этот период заслуживает, конечно, критики. Но в гораздо большей степени он заслуживает объективного понимания. Сталин был, есть и навечно останется главной личностью в истории реального коммунизма» (с. 150).

Нельзя не согласиться с приведёнными суждениями именитого философа.

Наш простодушный народ, не очень-то разбиравшийся в чинах и званиях, почитал его как своего Правителя, а когда он ушёл из жизни, скорбел и поминал его добрыми словами. В один из траурных мартовских дней 53-го года моя неграмотная мать, придя домой из церкви, сказала: «Сегодня мы все молились за упокой души нашего Царя – Сталина».

ПОЭЗИЯ

Кристина ДЕНИСЕНКО

Кристина Викторовна Денисенко – родилась в 1983 г. в Донбассе. Печаталась в поэтических сборниках, литературно-художественных журналах, литературной периодике. Автор восьми книг. Победитель, лауреат, дипломант ряда поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей. Живёт в городе Юнокоммунаровск (ДНР, Россия).

Любовь моя покоится в подвале...

Лирики व्यюнок

Оттепель была не белей, чем вальс,
не белей, чем стих,
и дождливый март то ли седовлас,
то ли колдовских
не приемлет чар, не приемлет нот,
и окутан тьмой...
Горечью обид кофе губы жжёт
в комнате пустой.

Тикают часы так же, как вчера
– монотонный блюз,
если Бог – любовь, если жизнь – игра,
я не удержусь,
окунусь в этюд, окунусь в туман,
в пригоршни Христа...
Серая печаль, на корню завянь,
дежавю спуща.

Лишние слова витым полотном
заслоняют ночь.
Чем пятно луны в смерче временном
может мне помочь?
Сыро до костей. Шорохи дождя
за окном тихи.
Пеплом прежних чувств пали на алтарь
чёрные стихи.

КРИСТИНА ДЕНИСЕНКО

Замуж звал один, а потом другой
соискатель грёз.
Я же в браке с тем, что моей рукой
в ямбах разлилось.
Лирики व्यюнок строфами цветёт
мраку напоказ...
Под моим окном бьёт копытом лёд
мартовский Пегас.

Свет

Я сотку тебе свет, мой друг.
Без станка и волшебной пряжи.
Из обыденных слов сотку.
Такой лёгкий, как пух лебяжий.

В нём запахнет весной миндаль.
В нём снегами сойдёт опасность.
Я последнее б отдала,
Лишь бы ты не грустил напрасно.

Я добавлю к той чистоте
Межсезонного неба омут,
Лик Сикстинской Мадонны, крест,
Чтобы горем ты не был тронут.

Колокольчиков синих звон
И альпийской лаванды шёпот
Я вкраплю, как святой огонь,
В полотна невесомость, чтобы

Ты услышал, как дышит степь,
Как орех молодеет грецкий,
Как умеет о светлом петь
Тишина обожжённым сердцем.

Жирафъ

Время рыжих звёзд опрокинет грусть
на безлунный холст.
Нарисую свет, и лучом коснусь
непроглядных вёрст.

Пальма, саксофон, на песке следы...
Здесь прошёл жираф.
Бархатный как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Пятится волна. Кружевной подол
блещет серебром.
Сенегальский дуб яблоней расцвёл
на холсте моём.
Я рисую бриз, облака, баркас
и вчерашний дождь.
Ты меня в шале, неба не стыдясь,
на руках несёшь.

То про пыл вождя, то про чёрных дев
рассуждаешь вслух,
то про лунный Чад шепчешь нараспев,
то кричишь «люблю».
С кисточки лазурь окропила тьму
в окнах на залив.
Мой волшебный бог, я к тебе прижмусь,
голову склонив.

Я рисую миг, щебетанье птиц,
мраморную даль.
Губ твоих огонь, саксофон на бис
и чуть-чуть печаль.
В яблоневый флёр джинном золотым
спрятался жираф.
Бархатный как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Я бы солгала

Золотой туман просочился в дом
сквозь полотна штор.
Разбудил герань в естестве живом
и печаль утёр
на ресницах в цвет пожелтевших книг,
пожелтевших трав.
Прикоснулся мест, где луна болит,
пустоту познав.

Молчаливый друг протянул мне в дар
облака в огнях.
Солнечную соль планов на вчера,
на весну, на май...

Свёрток белых зим, пролетевших птиц,
октябррей, путей...
Я ещё могу, может быть, спастись,
а быть может, нет.

Завтра будет день. Без меня, со мной...
В россыпи лучей.
Кто-нибудь другой всей своей душой
будет в нём стареть.
Постигать азы стихотворных троп,
стихотворных мук.
С пригоршни Христа воздух пить взахлёб
и молиться вслух.

Кто-нибудь другой соберёт из звёзд
бусы на снегу.
А сейчас туман пропитал насквозь
всё, что берегу...
Мемуаров – стог, кот заплакал – сил,
жизни полкило...
Я бы солгала, если б ты спросил,
всё ли хорошо.

Пикассо

Кружевная ночь соскользнула вниз
с колдовских зеркал.
В призрачных тонах смазанный эскиз
дерзостью кричал.
Полотно, акрил, лаконичный жест...
Я такая вся...
Обними, не стой! Я из тех божеств,
кто сразит ферзя!

Наповал, на пол... Подождут холсты
и мольберт в мольбах.
Твой огонь в глазах вечной мерзлоты,
как свеча впотьмах.
Дорисуешь взгляд, силуэт и тень
как-нибудь потом,
А сейчас плей-офф – у моих колен
неземной шалом.

Пикассо, босой в белых простынях
я вливалась в роль
Страстной леди ню, вечного огня,
опытной Ассоль.

Я потом сама дорисую Кипр
и фонтан чудес!
А сейчас плей-офф – шторм стихий грозит
разразиться здесь

Среди тусклых стен и твоих картин
в стиле волшебство,
Среди тысяч слов, как приятный сплин
от стихов Сапфо.
Обними, не стой! Восхищённых глаз
дна касаюсь вновь...
Пикассо, босой я вливаюсь в час,
где сильнее любовь

Всех на свете чувств с зарисовкой в тон
акварельных губ,
Золотой слюды, изумрудных зон
и пастельных групп.
Я такая вся... Я с твоих картин...
Я с других миров...
А ты весь такой... как из лампы Джин...
как из сладких снов.

Пикассо, сорви поцелуев гроздь,
как в последний раз.
Я тобой спела, налита, я воск,
что течёт, я джаз...
Подождут холсты и мольберт в мольбах,
выключаем свет.
Две минуты до... и в твоих глазах
тонет мой портрет.

Без тебя что ни ночь...

Небо льётся в капканы августа
с простотой и наивной мягкостью,
И закат розовее прежнего
освещает изгибы рук.
Всё молчит, только сердце тикает,
жадно рвётся к тебе, как дикое,
Из норы, из берлоги, логова,
и всё чаще неровный стук.

На тесёмках два спелых облака
плечи гладят немим подсолнухам,
И глаза твои переполнены
миллиардом горящих лун.

Взгляд течёт водопадом, змеями.
Онемевшая, я болею им.
Покорённая – губы-крепости
Поддаются, как лёд теплу.

Обжигает лавиной огненной
до мизинцев, насквозь, до одури
Поцелуй властный, шквальный, залповый,
то прицельный, то не попад.
Я ведома тобой. Я пленница.
Страсть бурлящая нежной сменится,
И под кожей моей распухнет
орхидеями зимний сад.

Я тебе разрешаю в доступе
до созвездий из медной россыпи
По плечам, по ключицам, впадинам,
в млечный путь лепестков маня.
Твои луны глядят цирконием,
то алмазами в ярких молниях.
Без тебя что ни ночь – тёмная,
а с тобой что ни ночь – в огнях.

Весенняя метель

Я помню, белый снег
Ложился нотами на скользкие ступени...
Мелодию любви сыграла ночь для нас...
И как в одном порыве две сливались тени
Несдержанностью рек...
Я помню как сейчас...

Глаза закрыты. Вдох....
Дышать одной тобой не отучили вёсны.
И снова белый снег стежками лёг на гладь.
Ты подарила рай, как вечность небу звёзды...
И нас крылатый бог
Опять позвал летать.

В сопутствии ветров
На корабле-мечте взлетим над облаками...
Твой нежный поцелуй с ума меня сведёт.
В цветочные поля и в рощи с соловьями
С тобой, моя любовь,
Мы совершим полёт.

Не бойся перемен...
 Не снег, не мотыльки – белеют вишен ветки,
 Нам нежно лепестками застелив постель.
 С тобой забудем грусть разлуки злой и терпкой,
 И пусть возьмёт нас в плен
 Весенняя метель...

Пальто

Всю жизнь она хранила старое пальто.
 Двубортное, с глухим воротником в ворсинках.
 В нём из фашистского концлагеря Федот
 от пьяных немцев убежал в потёмках зимних...

Без пары жёлтых пуговиц и без погон.
 В карманах что ни год, то сухоцвет полыни.
 И молю потому не тронута оно,
 что офицерский дух живёт в нём и поныне.

Давно не хожен дедом сиротливый двор
 до перекошенной калитки и обратно.
 Но дед повсюду. Дед годам наперекор
 не позабыт, и ночью курит на веранде.

Его мундштук из грецкого ореха цел.
 Застывшая смола черна, как боль потери.
 Он против воли в сорок первом повзрослел,
 когда ладони матери заоченели.

Раздетой немцем и оставленной в метель
 молиться Богу посиневшими губами...
 И долгие пять лет Федот убить хотел
 того, кто дал приказ уничтожать и грабить.

Дед постоял за Родину. Он гнал врага.
 Туда, где билось окровавленное солнце
 о запад, о верхушки сосен, и близка
 была Победа над фашизмом смертоносным.

Дед был в плену. Он был от смерти в двух шагах.
 Он лихорадил справедливостью и миром.
 И бабушку носил, как фею, на руках...
 И потому она всю жизнь пальто хранила.

Багряный горизонт

*Возьми меня, воскресшую, за ворот
 и в тёмное бездумье утащи.*

Мэри Рид

Бетонные дома лежат холмами
 разбитых судеб братьев и сестёр.
 Стихает вьюга плачем Ярославны,
 и вдовый лик мерещится в немой,
 пустынной и крамольной панораме,
 меняющей рубеж, передовой...
 Идёт война, и с неба свет багряный
 течёт на снег, как убиенных кровь.

Здесь был мой дом, беседка, пчёлы, груши.
 Всё стёрто пламенем с холста земли.
 Никто не воспретил огню разрушить
 и церковь, где несчастных исцелить
 могло бы время, битое на части...
 В минуте шестьдесят секунд беды.
 За пазухой я горе камнем прячу.
 Я не могу былое отпустить.

Любовь моя покоится в подвале,
 отпетая ветрами, без креста.
 Я душу верить в чудо заставляла
 и тысячу свечей в мольбах сожгла.
 Мой прежний дом – блиндаж, траншея, бункер.
 Мой прежний город – холод катакомб.
 Мой регион делили, и он рухнул.
 Мой прежний мир подавлен целиком.

Мне память довоенных вёсен гложет
 сознание аккордами тоски
 о том родном, что мне всего дороже,
 о том, что отнято не по-людски.
 Багряный горизонт, рукой суровой
 над пустошью удерживая щит,
 возьми меня, воскресшую, за ворот
 и в тёмное бездумье утащи.

В Белгородском приграничье

В апреле 2022 наш сводный медицинский отряд отправился в первую военную командировку в приграничные районы Белгородской области. Прибыв по назначению и ознакомившись со спецификой работы, я первое время пребывал в некотором когнитивном диссонансе от объёма оказания первой медицинской и квалифицированной врачебной помощи раненым и минимума меддокументации. Причём, по нашему экспертному мнению, при такой пропускной способности ЦРБ г. Валуйки качество работы наших военных врачей было на достаточно высоком уровне, а забота о раненых и милосердие местных медсестёр и санитарочек выгодно отличало их от среднего медперсонала столичных клиник. По записям химическим карандашом в форме 100, первая медпомощь нашим раненым оказывалась сразу на поле боя, и ротный фельдшер сам мог просто не дожить до получения согласия раненого бойца на перевязку и остановку кровотечения. По кратким выписным эпикризам из медсанбатов нам было понятно, что под миномётным обстрелом анестезиологи, приняв раненого, только успевали интубировать трахею и катетеризировать центральные вены, чтобы струйно переливать кровезаменители, пока хирурги выполняли Damage Control Resuscitation, то есть проводили борьбу с повреждением за выживание пострадавшего. Исходя из рассказов прооперированных военных и гражданских, лучшая медицинская страховка на сегодняшний день – это когда пациент слышит: «Потерпи браток», – значит с тобой рядом русские врачи и всё будет хорошо.

Мы – реанимационная бригада Скорой, в состав которой входят врач анестезиолог-реаниматолог, фельдшер-анестезист и водитель скорой. Наш жёлтый Ford с высоким потолком, позволяющим человеку среднего роста работать стоя, упакован как противошоковая палата реанимации. Врач сидел рядом с раненым и, если

Константин Юрьевич Леушин – врач анестезиолог-реаниматолог высшей квалификационной категории в июне-июле 2022 г., в составе первого сводного медицинского отряда Медицины Катастроф, был командирован от НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева МЗ для оказания медицинской помощи населению освобождённого города Мариуполь. В августе-сентябре 2022 г. был командирован в город Луганск для оказания медицинской помощи раненым военнослужащим Российской Федерации и Луганской Народной Республики. В составе реанимационной бригады СМП участвовал в эвакуации тяжелораненых из прифронтового госпиталя. Автор 17 печатных работ в научно-практических медицинских журналах.

Живёт в Москве.

он был в сознании, пытался как-то его поддержать, например предлагая со своего телефона позвонить родным или чай с лёгким перекусом, и попутно узнать, что там происходит. Но не все наши парни хотели сообщать своим родным о своём ранении: «Как выйду из госпиталя, сам позвоню. Пока не хочу расстраивать».

С некоторыми ранеными, если позволяло их состояние во время транспортировки, я осторожно вступал в диалог и закидывал удочки:

– Что ж вы до Лимана ещё не дошли? Я так рассчитывал вместе с вами домой приехать...

Они, в свою очередь, меня тоже спрашивали:

– Слушайте, мы уже два месяца без интернета, что там про нас пишут? А как там (на Украине) к нам вообще относятся? – спросил меня 25-летний офицер-десантник.

– Честно сказать, мои родственники разделились на два лагеря. Одни называют нас агрессорами, а другие были нейтральными, пока мы не стали попадать по гражданским объектам.

– Стараемся не попадать. Но вы поймите, что с военной точки зрения, каждый из противников старается занять наиболее выгодный объект для обороны.

– Например, как сейчас в Мариуполе азовцы* прикрываются мирными?

– Чьими мирными?

– Да своими же! Вы же без интернета, а я видел в сети короткий ролик, снятый на телефон, когда люди собираются выехать на автобусе из Мариуполя и одна мамочка с ребёнком на руках спрашивает у военного (с жовто-блакитным шевроном): «Когда будет эвакуация?». А он ей и отвечает, что «ніякоуї евакуації не буде», и молодая женщина от ужаса прикрывает рот ладонью.

– Но эти же – как их? – азовцы, они же украинцы, так? А Мариуполь – это ведь Украина?

– Формально это Украина, но, по результатам референдума 2014 года – Мариуполь, как и мой Красный Лиман, – Донецкая Республика, которую мы сейчас освобождаем от укронацистов.

– Ничего не понимаю: мы освобождаем народ Донбасса, а ВСУ его от нас защищают и прикрываются, как живым щитом? Такое вообще впервые. Ещё можно понять, когда в Великую Отечественную фашисты брали в заложники женщин, стариков, детей и сжигали их живьём за связь с партизанами. Мы – славяне – были для них унтерменши, и они в 41-м пришли нас уничтожать и поработать. Или в первую и вторую чеченские для боевиков мы – русские – были просто добычей.

Ответ на вопрос русского офицера «Кто кого защищает и от кого освобождают?» спустя два месяца, в июне, я услышал от самих выживших жителей Мариуполя. Домой я попал в августе и услышал примерно такую же переданную прямую речь «захисників»:

– А ми сюди не захищати вас приїхали!**

У меня сложилось впечатление, что на самом деле что все наши военные, как говорит московская молодёжь, бойцы – бойцы. Например, 33-летний десантник из Гостомельских богатырей больше переживал, как теперь будет одной рукой брать своего полуторогодовалого сына на руки и чтобы ребёнок, когда подрастёт, не спрашивал: почему папа

снимает одну свою руку, а потом опять её надевает, а другие папы так не могут.

– А ты ему тогда скажи, пусть спросит в садике: а у кого папа прыгал с самого неба?

– Ладно, док, прорвёмся.

Видимо, прорываться под обстрелом из окружённого аэропорта ему было легче, чем теперь придётся прорываться на гражданке, определяя своё месторасположение в мирной жизни.

Другой боец, на койке в валуйской ЦРБ меня радостно приветствовал:

– Здравствуйте! Я – ваш коллега, фельдшер! Тринадцать спасённых жизней и четырнадцатая – своя собственная.

Я в это время читал его выписку и не мог понять, что это с ним произошло всего сутки назад.

– Саша, а как вы так сами себе помощь оказали?

– Да рядом рвануло, я вижу – нога на лоскуте (кожно-мышечном) повисла, я наложил жгут выше колена, сам себя перевязал, обезболит кетоналом и отзвонился по радию: я – триста! Меня не поняли, тогда я им (бригаде эвакуации) сказал прямым текстом: я всё, работать не могу, забирайте меня. Пытался сам себя доставить, но оторванная голень оттягивала лоскут, и оттого нога выше ампутации болела, зараза. Короче, я её сам отсёк и сам дополз до госпиталя.

– Ясно. Мы вас забираем, коллега. Полетите в Москву или в Питер.

Когда мы его переложили на каталку, чтобы везти в «скорую», на кровати остался один носок.

– Да не переживай ты! Слава Богу, для меня это всё закончилось! Нога? Наверное, не та была, протез лучше будет! – И тому подобный чёс я невольно слышал, когда мы везли нашего 24-летнего героя на санборт, а он в это время разговаривал со своей женой по телефону.

Пусть меня простят наши раненые воины и их близкие, но раненые мирные – это всегда больно. Я помню мужика лет около 50 и его сына-подростка. Оба – граждане Украины, были ранены около месяца назад в Харьковской области. Отец – тяжело, но, слава Богу, уже шёл на поправку и мог передвигаться, опираясь на костыль. Пока мы перевозили их из одного госпиталя в другой, этот мужик рассказал нам свою историю. В марте они выехали из Харькова и вместе с такими же беженцами обосновались в каком-то селе: он, жена, старшая дочь и младший сын. Рядом стояли украинцы, которые накануне заходили к ним в село и видели, что там, кроме них, никого больше нет. В то злое утро, он, как всегда, пошёл за водой, а младший побежал за ним. В это время по селу начали «долбить», его жена и дочь – сестра этого парня – погибли вместе с другими беженцами. Он утверждал, что «это – ВСУ, они рядом стояли, а кто ж ещё?». Кто знает, война всё спешет, но римейк «Судьба человека – 2022» никто в наше время не напишет.

* Полк «Азов» – подразделение нацгвардии Украины, базировавшееся в Мариуполе, на берегу Азовского моря. Террористическая организация украинских националистов, запрещённая в России.

** Речь «захисників»: – А ми сюди не захищати вас приїхали! (укр.) – речь «защитников»: а мы сюда не защищать вас приехали!

ПРОЗА

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов. Живёт в Москве.

Душа земли – страна Россия

Осень

Знавал я радости и порку,
Мороз разлук и страсти зной.
Теперь мой путь идёт под горку
С весёлой ярмарки домой.
Бег лошадей уже не шибок,
И кузовок почти разбит,
А позади печаль ошибок
И неоплаченных обид...
Земля гудит осенней дрожью,
Порывы ветра всё сильней,
А я гоню по бездорожью
Своих измученных коней.
И слышу дальний голос мамин...
И как седой таёжный лес
Моё грядущее в тумане
Под хмурым куполом небес.
Мир затихает, ожидая,
Когда лучом надежды в просинь
Одарит землю, увядая,
Непредсказуемая осень!

Тоска смежает веки невпопад,
И всё поздней за окнами светает.
И серых дней неспешный листопад
С ветвей судьбы в безвременье слетает.

А я пытаюсь с ветром перемен
Как ветреный поэт договориться
Пойти со мной на деловой обмен,
Покуда сердце продолжает биться.

Пока ещё наметился подъём
Ко дню рожденья самой лучшей песни,
И мы её совместно не споём, –
Хотя б немного задержись на месте.

И обрывать все листья не спеши,
О чём бы мне кукушки ни вещали,
Покуда зреют в глубине души
Мелодии надежды и печали...

И полнится стихами голова,
И звёздный свет за окнами не тает.
И прошлых дней роскошная листва
С ветвей судьбы взволнованно слетает.

Груз печали – неизбежность,
Меч судьбы над головой.
Если есть на свете нежность –
Это тихий голос твой.

А ветра всё пуще дуют,
И всё ближе к нам гроза.
Коль разлука существует –
У неё твои глаза.

Лучше нет мечты о лете,
Чем рыданье соловья.
Если есть беда на свете,
Это ты – любовь моя!

Над вечно святыми для русского сердца местами,
С крестами часовен и храмов на рву и крови,
В туманную небыль уносят крылатые стаи
Прощальные зовы печальной осенней любви.
Конечно же, осень не повод для горькой печали,
Поскольку в свой срок неизбежно наступит весна,
Но было бы легче, когда б мы доподлинно знали,
Удастся ли сердцу очнуться от зимнего сна?

И всё же не стоит душой поддаваться тревогам,
Как будто себя самого «заклячая в тюрьму»,
А надо молиться, чтоб новый рассвет за порогом
Изгнал из сознания смутную вязкую тьму!

Мы тяготы жизни века выносили,
И русской истории ход
Даёт убедиться: опора России –
Не власть, а бессмертный народ!

Смешно и подумать, чтоб я оказался
В обиде к великой стране,
За то, что не раз и не два оставался
Лишь в том, что надето на мне.

Сквозь мутную даль по колдобинам были
Юдоль прокатила моя,
И всё, что судьба отняла, возвратили
Российский народ и семья.

Теперь во мне бедам тревоги не вызывать,
И сердце подобно скале,
Откуда и лютому зверю не вырвать
Любви моей к русской земле!

Выбор

Пройдя по русским «северам»
И по обочинам Европы,
Усвоив нравы многих стран,
Я до Москвы освоил тропы...
Она меня «усыновила»,
И в сокрушительные зимы
С российской лаской приютила
Полузаблудшего грузина.
Десятки тысяч долгих дней
Я русской милостью увенчан.
Мне с каждым годом всё родней
Страна святых мужей и женщин.

И я бы так ответить мог,
Когда бы вы меня спросили:
«Душа Вселенной – это Бог,
Душа Земли – страна Россия!»

«Истина сильнее Царя»

Так написал Александр Сергеевич Пушкин за день до своей роковой дуэли.

Я долго ломала голову, что же может означать именно эта фраза в контексте известных трагических событий? Прочитала много статей исследователей жизни Пушкина с её упоминанием. Пыталась понять, почувствовать верный ответ, изучая последние годы жизни Александра Сергеевича по множеству оставленных свидетельств его современников, по анализу пушкиноведов в связи со вновь появляющимися, ранее не известными документами. Постепенно я нашла – нет, не единственно верный, но дающий объяснение лично мне ответ. Но прежде, чем о нём написать, необходимо вспомнить те факты, что уже множество раз опубликованы, разобраны по косточкам, связаны между собой – то одними, то другими звеньями. Попытаться сложить мозаику своего понимания хитросплетения событий, которые привели к той, мирового масштаба трагедии, какой является гибель великого Поэта.

Пожалуй, самое главное, когда погружаешься во множество дошедших до нас документов, воспоминаний, оставленных о Пушкине его эпохой, это то, с какой болью начинаешь осознавать трагедию его гибели, которая при этом раскрывается и приближается к тебе из двухвековой глубины.

Я решила найти и привести в этом эссе те документы и свидетельства не только пушкинской поры, но и заслуживающие доверия результаты исследований известных пушкинистов, которые помогут составить более понятную мне картину. А ещё сопроводить, если это потребуется, их краткой предысторией. Кстати, даты приводятся «по старому стилю».

1.

Первая предыстория такова. Александр Сергеевич 24 января 1837 года посылает в подарок свежий экземпляр «Истории Пугачёвского

Лариса ЖЕЛЕНИС

Лариса Эдуардовна Желенис – родилась в городе Дебальцево Донецкой области. Окончила Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и Литературный институт им. А.М. Горького (семинары Владимира Цыбина и Владимира Кострова). Автор нескольких поэтических книг, член Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

бунта» генералу К.Ф. Толю, в своё время служившему под командованием генерала Михельсона, подавлявшего пугачёвский мятеж. Пушкин высоко ценил заслуги и того, и другого генералов перед Отечеством. Толь 25 января отвечает поэту благодарным письмом, где пишет, говоря об этом первом литературном историческом труде Пушкина, что история наконец-то «отдаёт справедливость» незаслуженно оклеветанному в то время Михельсону, ставшему жертвой интриг.

А теперь отрывок из ответного письма Пушкина, отправленного генералу Толю 26 января 1837 года, где и записана загадочная фраза про истину и про царя:

«...Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветой; нельзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета; но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а Истина сильнее царя, говорит священное писание».

Если учесть, что эта фраза в письме написана за день перед ожидаемой дуэлью (уже получен вызов противника) то, конечно, поэт вкладывает в неё и личный смысл, поскольку именно в его ситуации клевету можно было бы уничтожить навсегда, если бы против неё выступил человек, мнение которого важно для общества, а это в данном случае, конечно, император Николай Первый. И горечь в том, что Пушкин убедился, что зря на это надеялся.

Днём ранее, 25 января 1837 года, Александр Сергеевич принимает решение всё же отправить барону Луи Геккерну письмо, написанное ещё в ноябре 1836 года, но претерпевшее с тех пор изменения. И вот письмо отправлено – и вскоре в ответ от Геккернов получен вызов на роковую дуэль. Послать резкое, угрожающее разоблачением, письмо иностранцу-дипломату – закономерный шаг оскорблённого Пушкина. Цель и дело чести поэта – наказать Геккернов, «отца и сына», за их скандальную интригу, в которую они втянули его жену Наталью Николаевну Пушкину, пытаясь в конечном счёте публично очернить имя самого Александра Сергеевича. Чуть более двух месяцев надежды на монаршее вмешательство не привели к желаемому результату. Всё. Ждать больше нечего. Письмо Луи Геккерну подводит последнюю черту. Теперь интриганам одна дорога – вон из России навсегда в сопровождении грандиозного скандала, пусть даже ценой жизни его самого, Александра Пушкина, гордого и не выносящего несправедливости. Что в конечном счёте, как мы знаем, и произошло...

Из воспоминаний князя Павла Вяземского: «25 января Пушкин и молодой Геккерн с жёнами провели у нас вечер. И Геккерен, и обе сестры были спокойны, веселы, принимали участие в общем разговоре. В этот самый день уже было отправлено Пушкиным барону Геккерену оскорбительное письмо».

Княгиня В.Ф. Вяземская: «С понедельника, 25-го числа, когда всё семейство (Пушкины, Дантес с женой и А.Н. Гончарова) провело у нас вечер, мы были добычей самых живых мучений. Пушкин вечером, смотря на Жоржа

Геккерна, сказал мне: “Что меня забавляет, это то, что этот господин поселится, не предчувствуя, что его ждёт по возвращении домой”. – Что же именно? – сказала я. – Вы ему написали?» Он сделал утвердительный знак и прибавил: “Его отцу”.

В ответе Луи Геккерна Пушкину читаем: «Содержание его до такой степени переходит всякие границы возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности послания...» И далее: «Мне остаётся только предупредить вас, что виконт д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Жоржем Геккереном и предупредить вас, что встреча не терпит никакой отсрочки. Я сумею позже, Милостивый Государь, научить вас уважению к званию, которым я облечён и которого никакая выходка с вашей стороны оскорбить не может...»

Князь П.А. Вяземский – вел. кн. Михаилу Павловичу: «Д'Аршиак пришёл Пушкину ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына».

2.

Во время посещения последней квартиры Пушкина по адресу: «Мойка, 12» я долго стояла у витрины, где представлен образец одного из подмётных писем, пасквиля, доставленного сюда почтой 4 ноября 1836 года. С ужасом и удивлением смотрела через стекло витрины: как же так, почему?! Кто сделал так, что вот эта, совсем маленькая вещь, содержащая всего несколько строк на французском, явилась бомбой замедленного действия, погубившей великого Поэта?

Чаша терпения Александра Сергеевича была уже полна в октябре 1836 года из-за наглого поведения молодого повесы, кавалергарда Жоржа Дантеса, недавно усыновлённого голландским дипломатом сомнительной репутации Луи Геккерном. Дантес рьяно волочился за женой Пушкина Натальей Николаевной не только на балах и светских раутах, но и без стеснения бывая в доме у самого поэта. До поры до времени Пушкин смотрел на всё это снисходительно, ведь его Натали – первая красавица Петербурга. Понимая нравы, принятые в светском обществе, где волей-неволей приходилось вращаться камер-юнкеру Пушкину и его супруге, поэт позволял своей Наташе и кокетство, и тщеславие, бывшие в норме у великосветских дам, зная, что он, по его же словам, является «поверенным своей жены и её твердым наставником». Но в день получения анонимного пасквиля 4 ноября 1836 года чаша терпения поэта переполнилась.

Общепринятый перевод с французского этого подмётного письма звучит так: «Полные кавалеры, Командоры и кавалеры Светлейшего Ордена Всех Рогоносцев, собравшихся в Великом Капитуле под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена Его Превосходительства Д.Л. Нарышкина, единодушно избрали господина Александра Пушкина коадьютором Великого магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».

Почему же эти несколько строк оказались взрывоопасны? На первый взгляд – какое-то глупое баловство-шутовство, не стоящее внимания, и его нужно просто уничтожить, поморщившись, мало ли кому что взбрѣдет в голову, столько вокруг всякой чуши, неужели на неё обращать внимание?

Но, во-первых, общепринятый перевод слишком культурен. Я это узнала

неожиданно. Мне пришла в голову мысль, чтобы текст пасквиля прочитал на французском современный носитель языка, супруг моей русской подруги. После чего мне просто было стыдно за то, что я им подсунула. Подруга перевела для меня слова её мужа, что написанное в анонимном письме по смыслу абсолютно грязно.

Во-вторых, в этом пасквили есть оскорбительные намёки, связанные с известными высокопоставленными лицами, не отличающимися благопристойным поведением. Да ещё о должности Пушкина при дворе – несправедливый и мерзкий намёк на то, *почему* он её занимает. В конечном счёте, если заглянуть в глубину наглого смысла письма, можно увидеть маячащий образ монаршей особы. А можно вообще задохнуться от бессилия, осознав, в какую ловушку попал поэт со всей своей семьёй, стремясь вращаться в кругах высшего света, быть в гуще событий, влиять на перемены умы, когда оказался приближенным ко двору. Пусть это всё даже ради своего великого призвания, а не столько ради тщеславия и потакания интересам супруги и её сестёр. Одним словом, в нескольких строках этой анонимки – сплошь грязь и гадость. Точно такие же письма, подписанные «Александру Сергеевичу Пушкину», в виде двойных конвертов получили и некоторые завсегдатаи салона Карамзиных, куда постоянно заходил поэт. По-разному расценили это адресаты, но некоторые из этих анонимок были также переданы поэту в руки.

А главное, как выяснил Пушкин у Натали Николаевны сразу же после получения пасквиля, что его супруга двумя днями ранее чудом избежала подстроенной Геккернами ловушки, когда её пригласила к себе в гости дальняя родственница Идалия Полетика. Вместо Идалии в квартире Натали ждал Дантес, целью которого было добиться взаимности Пушкиной любой ценой. Убедив от обнаглевшего обожателя, Натали в смятении захотела к княгине В.Ф. Вяземской и всё той рассказала, но Александра Сергеевича тогда решила не тревожить. А 4 ноября, по восстановленному пушкинскими ходом событий, супруга ему рассказала, кроме этого, ещё и другие эпизоды открывшейся на неё охоты со стороны «отца и сына». Глубоко возмущенный поэт понял, что подмётные письма – это месть Геккернов, и они пытаются таким образом опорочить Пушкина в глазах близкого круга семьи поэта, добиваются ссоры, а может, и разрыва между супругами Пушкиными, а по большому счёту, Геккерны задумали очернить поэта в глазах всего общества! Но они плохо знали Пушкина. Александр Сергеевич встал на защиту чести жены, на защиту чести своего имени.

Не буду приводить разные версии, как существующие с момента возникновения пушкинистики, так и родившиеся, и постоянно ещё рождающиеся, на протяжении двух веков. Всё равно точного документального ответа, кто на самом деле задумал и осуществил сценарий с рассылкой анонимного пасквиля – нет.

Известно, что далее события развиваются стремительно. Пушкин немедленно вызывает Дантеса на дуэль. Как позже объясняет сам поэт в неоправданном письме от 21 ноября 1836 года Бенкендорфу (или, по более поздним версиям, министру иностранных дел Карлу Нессельроде): «Вообще говоря, это низкое и неосновательное оскорбление вызвало негодование; но, повторяя, что поведение моей жены было безупречно, все говорили, что поводом к этой клевете послужило настойчивое ухаживание за нею г. Дантеса. Я не мог допустить, чтобы имя моей жены в такой истории

связывалось с именем кого бы то ни было. Я поручил сказать это г. Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов за г. Дантеса, попросив отсрочки на две недели».

Итак, «папаша» Геккерен выпросил отсрочку дуэли. За это время Жоржу Дантесу приходится выкручиваться – нелепо делать предложение Екатерине Гончаровой, ведь он давно видел, что Катрин в него влюблена. Вот и пришлось Дантесу срочно свататься к старшей Гончаровой, хотя ранее он для себя намечал более лестных его самолюбию, знатных и богатых петербургских невест.

Пушкин отменяет вызов. Хотя поэт не верит в то, что свадьба состоится, не верит в чувства Дантеса к Екатерине Гончаровой, и уж тем более в чувства кавалергарда к Натали, подозревая интригу против себя.

Из камер-фурьерского журнала мы знаем об аудиенции в неурочное время у Николая Первого 23 ноября 1836 года, где принят Пушкин, возможно, вместе с Бенкендорфом. О чём шёл разговор, тому нет документальных подтверждений, но пушкинисты сходятся в том, что царь выслушал Александра Сергеевича и пообещал ему остановить своей властью безобразное поведение голландского посланника и его сына, а с Пушкина взял слово не драться на дуэли. Скорее всего, благодаря Жуковскому царь к этому времени уже знал всё дело об истории с Дантесом. И Пушкин мог надеяться, что теперь клевета будет противопоставлена истине. По словам *пушкиноведа* Стеллы Абрамович, «ещё раз возникла иллюзия о справедливости, исходящей от царя. Император знал правду, и Пушкин мог рассчитывать, что мнение царя будет противостоять клевете. У него появилась надежда на то, что он всё-таки сможет с достоинством выйти из создавшегося положения. На какое-то время это могло служить ему поддержкой».

На удивление всего «высшего света» Дантес всё же женится на Екатерине Гончаровой. Это происходит 10 января 1837 года. Однако Геккерны всё оставшееся до роковой дуэли время нисколько не прекращают преследования Наталии Николаевны, а наоборот, «для потехи раздувают чуть затаившийся пожар». В «свете» пуще прежнего расползаются сплетни, травля поэта продолжается, доводя его до иступления. Невозможно без омерзения читать сравнительно недавно всплывшую переписку «отца и сына» Геккернов, где детально прописаны ходы хитроумных приёмов изощрённой нравственной пытки Пушкина. Страдания Александра Сергеевича достигают наивысшей точки. А со стороны Николая Первого помощь так и не приходит.

3.

Вернёмся к тексту оскорбительного письма Пушкина к Луи Геккерну, написанному поэтом на французском ещё 21 ноября 1836 г., но тогда не отправленном адресату. Правда, текст невозможно с точностью воспроизвести не только потому, что перевод не отразил бы всех тонкостей хлестко, с подтекстом, строящего фразы Пушкина. А потому, что окончательный вариант текста этого письма пока не найден. Специалисты столько лет ищут воистину нечто очень важное для разгадки тайны дуэли, имея в своём распоряжении лишь уцелевшие частично черновики, разорванные на небольшие клочки. Они складывают эти частицы одну к другой, причем

заимствуют недостающее из отправленного Геккерну январского варианта, что тоже даёт неточности понимания окончательного итога. Они спорят, что скрывают вымаранные места из письма. Одно ясно – Пушкин выбрал для своего эпистолярного удара барону Геккерну самые едкие выражения и вложил самый убийственный смысл в этот официальный документ. Недаром ещё в ноябре 1836 года фраза, сказанная Пушкиным Владимиру Сологубу и зафиксированная в его воспоминаниях, прозвучала так: «Я прочитаю вам моё письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено. Вы мне теперь старичка подавайте». Когда Пушкин говорил, что с сыном, то есть с Жоржем Дантесом, уже покончено, он, конечно, имел в виду странное, поспешное сватовство Дантеса к Екатерине Гончаровой и смешное положение кавалергарда в глазах высшего света из-за такой женитьбы, походящей, по словам самого поэта, на фарс. Но, как выяснится позднее, уже в январе 1837 года интриганы Геккерны повернут всё иначе...

Анализируя восстановленное содержание непосланного ноябрьского письма Пушкина к Геккерну, что понимаешь наверняка? Пушкин делает упор на то, что именно барон Геккерн является автором и инициатором рассылки анонимного пасквиля, а также вдохновителем и совместно с «сыном» лицемерным участником всей истории преследования Наталии Николаевны Пушкиной. И что получение того самого подмётного письма развязало поэту руки – ведь до этого Александр Сергеевич «довольствовался ролью наблюдателя», поскольку, как он пишет, поведение Дантеса «не выходило из границ светских приличий». И, как добавляет поэт, «так как я при том знал, насколько в этом отношении жена моя заслуживает моё доверие и моё уважение». И вот получен пасквиль.

«Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь гротескную и жалкую, что моя жена, удивлённая такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном».

Поэт в своём послании постоянно обличает самого Луи Геккерна.

«Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына».

А заканчивая своё письмо, Пушкин жёстко требует:

«Дуэли мне уже недостаточно, и каков бы ни был её исход, я не сочту себя достаточно отмщённым ни смертью вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на весёлый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать вам и которого копию сохраняю для моего личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо, и чтобы уничтожить самый след этого жалкого дела, из которого мне легко будет сделать отличную главу в моей истории рогоносцев».

Интересно, что пушкинисты отмечают: Пушкин не оставил в отправленном Луи Геккерну январском письме (в отличие от ноябрьского черновика) прямых указаний на фабрикацию пасквиля именно Геккерном. Можно предположить – почему. Во-первых, это просто бездоказательно, поэтому в таком обвинении нет законного смысла. Во-вторых, за прошедшие между датами написания два месяца Пушкин, видимо, пересмотрел значимость авторства пасквиля, поскольку анонимка существовала независимо от того, кто был её автором, а процесс травли поэта «в свете» за это время не прекратился ни в результате женитьбы Дантеса на сестре Натали Екатерине, ни в результате ожидаемого Пушкиным вмешательства в дело Николая Первого, которого не произошло. Дело усугублялось, а главными раздражителями травли являлись Геккерны. Причём Пушкин ясно понимал, что именно «отец» направляет всю интригу, одобряя наглые действия «сына», поэтому происходят всё новые оскорбительные выходки в адрес Натали со стороны уже женатого на её сестре Жоржа Дантеса.

Все уничижительные обороты в адрес Луи Геккерна Пушкин оставил, но январское письмо заканчивается несколько иначе.

«Вы хорошо понимаете, Господин Барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моё семейство имело малейшее сношение с вашим. Под таким условием я согласился не давать хода этому грязному делу и не опозоривать вас в глазах нашего и вашего двора, к чему я имел возможность и что намеревался сделать. Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего гнусного поведения осмеливался разговаривать с моей женой и ещё того менее – обращаться к ней с казарменными каламбурами и разыгрывать перед нею самоотвержение и несчастную любовь, тогда как он только подлец и шалопай. Я вынужден обратиться к вам с просьбой положить конец всем этим проделкам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым я, поверьте мне, не остановлюсь».

4.

А почему именно в те январские дни назрела необходимость отправки давно начатого Пушкиным письма Луи Геккерну?

Известно, что 23 января состоялся бал у Воронцовых, как во множестве зеркал отражённый в дневниках и воспоминаниях бывших там особ. На этом балу присутствовал император, в числе гостей были приглашены супруги Пушкины. Пушкинисты сходятся во мнении, что именно тогда состоялся разговор между императором и Пушкиным, о котором Николай Первый вспоминал позже так:

«Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах (сплетнях), которым её красота подвергает её в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. – Разве ты и мог ожидать от меня другого? – спросил я. – Не только мог, – ответил он, – но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня до последней дуэли».

А если представить, чем же закончился тогда такой разговор? Мыслимое ли дело, Пушкин прямо в лицо обвиняет царя! Что же в ответ царь – отшутился, спустил всё, как говорится, на тормозах, или смешался, растерялся и увёл разговор в сторону? Об итоге того разговора царь не вспоминает, более того, невольно Николай выдаёт себя, говоря об итоге той беседы косвенно: «*это было за три дня до последней дуэли*!» А ведь Пушкин уже два месяца ждал обещанного царского вмешательства в его дело, и скорее всего, он снова напомнил Николаю об этом. А по ответной реакции императора, да и по тому, что он только даёт «добрые советы его жене» и не более, поэт понял окончательно, что царь как представитель высшей власти ему не союзник, и никакой надежды уже нет. Получается, царь боялся истины, ему невыгодно было её обнародовать. А поэтому он не вмешивался, а только наблюдал за ходом событий. «Давно ожидать должно, что дуэлью кончится их неловкое положение», – так писал своему брату великому князю Михаилу Павловичу Николай Первый в феврале 1837 года после свершившейся трагедии.

И ещё немаловажным обстоятельством явилось то, что Александр Сергеевич именно в эти дни убедился из расспросов тех людей, с кем он был в доверительных отношениях, вероятно не из одного источника, что, оказывается, в общественном мнении утвердилось убеждение о героизме Дантеса во всей этой истории. Многие из великосветской знати сочувствовали Дантесу, считали его вынужденную женитьбу на Екатерине Гончаровой великодушным самопожертвованием! Как позже писал П.А. Вяземский великому князю Михаилу Павловичу: «Часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной». Получается, в том, где видел поэт лишь насмешку, притворство и наглость в отношении Дантеса к Натали, светская знать, с подачи Геккернов, хотела видеть высокие чувства, великую любовь, а самого Пушкина выставляли смешным, ревнивым и потешным рогоносцем!

Князь П.А. Вяземский: «Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоит так мучиться, раз он уверен в невинности жены, и уверенность эта разделяется всеми его друзьями и всеми порядочными людьми общества, то он им отвечал, что ему недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают. Вот в каком настроении он был, когда приехали его соседки по имению, с которыми он часто виделся во время своего изгнания. Должно быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и, верно, вести были для него неблагоприятные».

Как пишет в своих исследованиях А.А. Ахматова, Пушкин в те дни окончательно понял, что версия Геккерна в свете победила. «Кавалергарды и салоны становятся на сторону Дантеса. Поэт – один, и после разговора с Вревской и реприманда Николая I понимает, что для него всё кончено».

Каково было поэту осознавать такое жалкое и несправедливое своё положение в глазах общества? Поистине, «в злые дни, жертва злых языков». Так писал Пушкин в эти январские дни о Джоне Мильтоне в своей статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе Потерянного Рая», наверняка думая о собственной судьбе...

Луи Геккерн продолжал свою утончённую страшную игру. Вот слова секунданта Пушкина Данзаса о поведении старшего Геккерна: «Будучи

совершенно убеждён в невозможности помирить Пушкина с Дантесом, чего он даже едва ли и желал, но относя негодование первого единственно к чрезмерному самолюбию и ревности, мстительный голландец тем не менее продолжал показывать вид, что хлопочет об этом ненавистном Пушкину примирении, понимая очень хорошо, что это даёт ему повод безнаказанно и беспрестанно мучить и оскорблять своего врага».

Всё в совокупности и приводит к тому, что Пушкин решительно возобновляет начатое два месяца назад, отложенное, но оказавшееся снова насущным дело – он отправляет яростное письмо Геккерну, которое наверняка вызовет кровавую развязку в сложившейся запутанной ситуации и расставит всё по своим местам. Это письмо как документ, заготовленный в двух экземплярах, уже после дуэли разоблачит мнимое благородство Дантеса. Честь поэта будет спасена.

5.

И ещё одна предыстория. Заинтересовавшись, откуда мог Пушкин почерпнуть саму эту фразу «Истина сильнее царя», я, вслед за современными пушкинистами, добралась до поэмы его лицейского товарища Вильгельма Кюхельбекера под названием «Зоровавель». Известно, что Кюхельбекер, отбывавший в ссылке наказание за участие в восстании декабристов на Сенатской, переправил Пушкину эту поэму в числе других своих произведений с общим названием «Русский Декамерон 1831 года». А сама эта книга появилась изданной благодаря А.С. Пушкину осенью 1836 года, но – в целях конспирации – под чужим именем. В книге поясняется, что весь сюжет поэмы «Зоровавель» взят из Второй книги Ездры. То есть из Священного писания. Признаюсь, мне было тяжело воспринимать слог Кюхельбекера, я словно продиралась сквозь густую чащу, раздвигая тяжёлые ветви повосточному пышных описаний, вникая в замысловатые образы и часто спотыкаясь о вышедшие давно из употребления церковно-славянские слова вроде «рамена», «ложница», «ловитва». Невольно думала, насколько же понытен, насколько же велик Пушкин, творивший в ту же эпоху...

Так вот, основная тема поэмы «Зоровавель», взятая Кюхельбекером из 3 и 4 глав Второй книги Ветхого Завета, написанной знаменитым иудейским священником Эздрой, сводится к следующему. Три юноши, телохранители царя Дария, пока он спал, решили посоревноваться за великую царскую награду, ответив на вопрос «что всего в мире сильнее». Написали каждый свой ответ на свитке, который запечатали и положили в изголовье спящему повелителю. Проснувшись, Дарий распечатал свиток и созвал своих вельмож, чтобы все услышали красноречивые пояснения телохранителей. Первый стал доказывать, что сильнее всего вино – поскольку может уравнять людей, невзирая на их звания и положение в обществе, и заставить любого, потеряв рассудок, совершать поступки, о которых потом тот человек может и не вспомнить. Второй телохранитель начал восхвалять царя, повелителя народов, по велению которого люди идут воевать или несут к его ногам все плоды трудов своих. Затем слово взял самый младший юноша по имени Зоровавель, который оказался и самым мудрым. Вначале он сказал, что сильнее всего женщина, поскольку ей, прекрасной, дано быстрее вина и с силою власти, превосходящей царскую, повелевать мужчиной, в том числе и царём. Именно женщина родила и царя, и все народы. А когда

красноречие юноши уже убедило всех его слушателей, во главе с повелителем, что женщина превосходит по силе и вино, и царей, молодой философ доказал, что есть ещё большая в мире сила. И это вечная и неподкупная сила Истины: «И царь, и раб равны пред ней...» «Даны ей мощь, и страх, и царство; / Пред нею млеет и дрожит / И гибнет всякое коварство».

Поэма Кюхельбекера, прочитанная Пушкиным, конечно, оставила след в его душе, чтобы в необходимый момент высветиться той самой фразой «Истина сильнее царя». Возможно, именно эта фраза укрепила поэта, гения, с одного взгляда, открывающего истину, в своём окончательном решении действовать в нужный час. Его гений смог, владея только несколькими фактами из множества других, скрытых от него, представить всю удручающую картину ЦЕЛИКОМ. Ведь Пушкин не видел тех документов, которые появились в распоряжении пушкинистов позже, не знал, что пишут друг другу Геккерны, не читал, что заносят в свои дневники, что обсуждают в переписке свидетели разгорающегося пожара, включая царских особ. Пушкин увидел Истину.

Истина сильнее царя, и не нужно дожидаться действий со стороны императора, чтобы восстановить справедливость, истина восторжествует, когда придёт на это время. И Пушкин почувствовал своим гением, что это время настало.

Поняв бесполезность ожидания государственной помощи, он принял единственное возможное в тот момент решение – взять назад обещание, данное царю, и наконец-то самому защитить свою честь, на карту поставив собственную жизнь, чтобы истина восторжествовала. У Пушкина, у высокого гения русской литературы, другого выхода не оставалось: **«...мне нужно ещё, чтобы доброе моё имя и честь были неприкосновенны во всех углах России, где моё имя известно».**

В эссе использованы следующие источники:

- книга известных пушкинистов Б.Л. Модзалевского и С.Я. Гессена «Разговоры Пушкина» (редактор Смирнов Н.М.), «Вече», М., 2019;
- «Пушкин в жизни» В.В. Вересаев, «Азбука», СПб, 2022;
- «Гибель Пушкина» А.А. Ахматова «Проспект», М., 2019;
- «Предыстория последней дуэли Пушкина» С.Л. Абрамович, «Дмитрий Буланин», СПб, 1994.
- книга Н.П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина» (редактор В. Бойко), «Книговек», М., 2017.
- «Пушкин в воспоминаниях современников». <https://as-pushkin.net/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-130.php>
- Кюхельбекер Вильгельм. Зоровавель (с примечаниями автора) <http://kyuhelbeker.lit-info.ru/kyuhelbeker/stihi/zorovavel.htm>

ПАМЯТЬ

Марина ЗАМОТИНА

Остров Лёши Мезинова

Когда мы в Московской писательской организации готовились к общему собранию осенью 2024 года, до Леонида Антоновича Мезинова не смогли дозвониться. Но взносы у него были оплачены, долгов не было. Это меня несколько удивило. Он давно болел. Ещё лет десять назад ко мне приходила его жена Валентина. Мы подготовили письмо в какое-то медучреждение с просьбой об обследовании. Лёня (я так его звала) очень плохо себя чувствовал. Письмо помогло, в клинику Лёню положили. Потом Валентина звонила и говорила, что обследование он прошёл, но положительных сдвигов в состоянии здоровья не наблюдалось.

На этом наше общение прервалось. Знаю, что жили Лёня и Валентина на даче в Кучино постоянно. Номер мобильного, видимо, за много лет изменился. Когда все известные нам телефоны перед собранием не ответили, я решила, что Лёни больше нет.

Но я ошиблась. Он был жив, правда, не здоров. А ушёл Мезинов Леонид Антонович из жизни в феврале 2025 года.

Знала я Лёню давно, ещё с советских времён. Он по паспорту был Леонид, но его звали часто Лёшей – так окрестил когда-то Лёню его друг Юрий Коваль. Они вместе учились в МГПИ им. Ленина (ныне – МПГУ).

Когда мы познакомились, он был членом СП СССР, мы дружили одной хорошей компанией. Почему-то так сложилось, что я много общалась с детскими писателями, хотя работала в творческом объединении критиков и литературоведов. Если я проходила по Дубовому залу ЦДЛ (а делала я это много раз за день, потому как мой кабинет находился над рестораном), и там был кто-то из «наших», то обязательно останавливалась. Надолго или нет, это уж – какая была возможность. Наша компания – это Яков Аким, Вадим Чернышов, Николай Леонтьев, Юрий Коваль, Лёня Мезинов.

Марина Анатольевна Замотина – член Союза писателей России, литератор, журналист, редактор. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

МАРИНА ЗАМОТИНА

Где-то в середине 80-х Лёня был избран Секретарём партийного комитета Московской писательской организации СП РСФСР. Мы были в шоке. Не секретарём партбюро объединения детских писателей, что никого не удивило бы. А всего парткома! Это ж какой уровень!

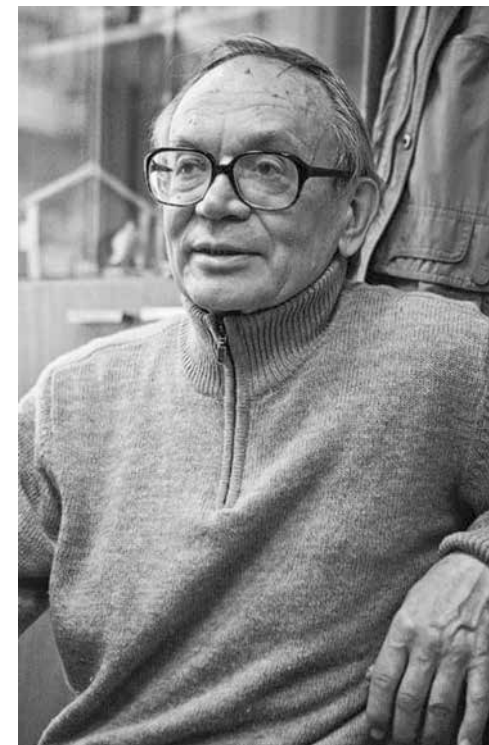
Лёня всегда был добрым, мягким человеком. Никак его образ не соотносится с «Большим человеком» – секретарём парткома! Но он был отличным начальником! Все его помнят справедливым, честным, порядочным человеком! Хотя на моей памяти все секретари парткома в нашей организации были отличными людьми и прекрасными писателями. И Лёня не исключение.

Почему-то во времена нашего активного ЦДЛ-овского общения я его воспринимала как соавтора с Юрием Ковалём, которого я знала и как художника – у нас была ещё одна компания, но по интересам к живописи. С Юрием Ковалём мы общались и вне ЦДЛ – бывали у него в мастерской.

Действительно, вместе с Юрием Ковалём, также выпускником МГПИ, Лёня написал свои первые стихи, рассказы и сказки, публиковавшиеся в детских газетах, журналах, альманахах ещё в 60-е годы прошлого века.

Друзья познакомились в МГПИ. Вот как вспоминает об этом Коваль: «...Я боролся за звание самого плохого студента в институте. И здесь у меня был конкурент – Лёша Мезинов. Это поэт, причём очень хороший поэт. Вот тогда-то, ещё на первом курсе, мы сидели с Лёшкой на заднем ряду нашей ленинской аудитории и скучали на лекции профессора Введенского. Царствие ему небесное, не хочу сказать о нём ничего плохого, но введение в языкознание он читал на редкость скучно. И я Лёшке говорю: “Давай, брат, мы с тобой напишем роман”. Он отвечает: “Давай!” Взяли тетрадку... Дело в первой фразе, в сущности. Стали лепить первую фразу – ничего не получается. Можешь себе представить? Но потом, по-моему, всё-таки я её написал, уж не знаю, но может быть и Лёша. Он говорит (или я говорю): “Лёгкий бриз надувал паруса нашего фрегата”... Так, в 55-м году начался “Суер-Вьер!”»

Сотрудничество друзей продолжалось и после института. Вместе в издательстве «Малыш» они выпустили три книги для детей: «Красная борода» (1967), «Сказка о том, как строился дом» (1966), «Сказка про Чайник» (1966). Вместе под псевдонимами Фим и Ам Курилкины громили графоманов в рецензиях-фельетонах на страницах журнала «Детская литература». Друзей объединяло и то, что они стали детскими писателями, и то, что оба были охотниками, и то, что страстно любили собак и посвящали им свои произведения.

Именем друга Юрий Коваль назвал один из островов в романе «Суер-Вьер» – «Остров Лёши Мезинова».

Но Лёня писал не только с Юрием Ковалём. Он – автор нескольких десятков детских книг, в том числе – «Кукла Фёкла», «Про слона», «Весенний рыболов», «Лучшая собака в мире» и др.

Екатерина Тихомирова как-то писала, что «...Около тридцати книг для детей написал детский писатель Леонид Антонович Мезинов. Однажды, проходя мимо детской площадки, он услышал знакомые строки: “Алка сидела, какао пила...”. Он оглянулся и увидел скачущую по двору девочку, которая между делом читала его стихотворение. Этот эпизод навёл писателя на мысль, что не зря всё-таки он столько лет занимался детской литературой. Его стихи детям нравятся!».

А я как-то в начале 90-х годов случайно купила на развале у метро «Сокол» книгу Лёни Мезинова «Весенний рыболов». И так этому обрадовалась! Не только потому, что с удовольствием стала читать прекрасные стихотворения своим маленьким на то время сыновьям, а ещё и – как будто встретила с другом, с которым давно не виделась.

А мы и в самом деле стали встречаться редко. Московская писательская организации в 1988 году переехала из ЦДЛ в новое здание. А там и 90-е годы наступили, жизнь изменилась.

У Лёни в начале нового века вышла книга, которую я очень люблю – «Лучшая собака в мире».

О чём книга? Как следует из названия, о собаке. Но не только. Если коротко – о наших братьях меньших. Умных, весёлых, отчаянных и смирных. Домашних, а порой и брошенных. Бродячих. А ещё – о детстве автора, его близких людях и четвероногих друзьях. В книге есть реальное место действия. Это подмосковное Кучино, куда Лёня всегда возвращался, где бы он ни путешествовал. Герои Лёниных книг сказок, стихотворений, рассказов всегда находились рядом. В старом семейном сундуке прятались его вымышленные друзья – чудак и судак. А если выйти за калитку, там рядом были берёзовый лес и еловый бор, земляничные поляны. И пруд – как память о войне. Он образовался на месте разорвавшейся фашистской бомбы. Потом для кучинских мальчишек пруд стал любимым местом купания и... первых открытий. Во всех прогулках и прочих дачных событиях юного Лёню и его брата Сашу сопровождала привезённая отцом с войны немецкая овчарка Майка.

С годами из коротких мозаичных картинок детства рождались будущие главки книг. Удивительных находок по всей книге Лёни немало.

«Скоро, очень скоро последнее яблоко свалится к нам с неба и раскроется на две половинки: зелёную и красную. Зелёная – лето, красная осень...».

Друзья Лёни всегда рассказывают о том, как Лёня любил животных. Много ли на свете чудиков, которые не просто пожалели бы покалеченную собаку или брошенную на улице, еле живую кошку, но и привели бы в свой дом, вылечили и оставили бы у себя в семье? Все мы умеем сочувствовать, даже сопереживать. Но, как писала Дина Крупская: «не до самоотречения, не до дна сердца, не до боли. А Лёша такой. У него одно время было шесть собак и три домашних кошки, не считая тех двенадцати полудиких, что без спросу заняли чердак его дома в Кучино. Вернее, сначала их было не двенадцать, а гораздо меньше, но они быстро обзавелись потомством – и продолжают плодиться! “Я же не могу им запретить, – говорит Лёша со вздохом. – И выгнать на улицу не могу”. В Лёшиных глазах живёт печаль

и забота о всяком живом существе, не только о братьях наших меньших (что гораздо проще), но и о людях, даже малознакомых. Эти печаль и забота не то, чтобы появляются временами, когда Лёша вспоминает о чём-то грустном. Нет. Они – как бы неотделимая часть Лёши, и проглядывают даже сквозь его смех. Наверное, эти сложные по описанию и назначению чувства – печаль и забота о других – по большому счёту и есть Совесть, которой людей наделил Всевышний».

Лёня был искренний человек, и жил так, как велело ему сердце. А сердце велело ему жить по принципу: «Кто же, если не я?»

Он писал: «Однажды, стоя в идущем троллейбусе, я заметил бьющуюся в стекло осу. Две, а то и три остановки она в растерянности боролась с невидимой и непреодолимой преградой. В районе Киевского вокзала я изнемог и принялся ловить несчастное насекомое за дрожащие крылышки. Всё происходящее вокруг сразу же исчезло, а мысли и желания сосредоточились на одном единственном побуждении – во что бы то ни стало выволить осу из ловушки. Наконец поймал и быстро бросил в открывшуюся дверь. И сразу же почувствовал, как сам воспаряю вместе с ничем не подозревающей осой».

Книга «Лучшая собака в мире» посвящена собакам, которые стали Лёше друзьями и членами семьи, в ней идёт речь именно об этой стороне его многогранной, непростой жизни, насколько вообще можно словами рассказать о жизни. В книге ничего не выдуманно. Это редкая возможность заглянуть в сердце к другому человеку, услышать его скрытые мысли и чувства. Леонид Мезинов ничему не учит, ни к чему не призывает. Он так живёт. Точнее, он так жил. И таким мы его помним. Вместе с женой Валентиной они кормили Джульдику, Жучку, Мышку и всех котов. И он всегда сожалел о том, что в мире осталось ещё много несправедливости, которую он не смог исправить своими силами.

Владимир Приходько: «Мезинов Лёша, он же Леонид Антонович, родился 3 мая 1938 года в Москве. Рассказы отца, авиационного инженера, впоследствии генерала авиации, давали щедрую пищу мальчишескому воображению. На даче в Кучине хранились тёплые унты: в них летал над Гималаями отец. Сын играл с трофейной овчаркой Майкой – то в лётчиков, то в охотников. И не только с овчаркой».

Многое из его забав попало потом в стихи:

*...Все говорят о судаче,
Что он живёт не так.
Зачем живёт он в сундуке,
Невиданный судак?
Но очень любят судаки
Большие сундуки.
И часто ходят, судаки,
Мечтать на чердаки.*

*...И сам бы жил на чердаке,
Да занят тот чердак.
И сам бы плавал в сундуке,
Но в нём живёт судак!*

Стихи у Лёни многокрасочные, многослойные: своя мелодия, свой лад. Мечта, вырастающая из обычного быта. Сказка и действительность

причудливо соединяются, при этом сказка пародируется, а действительность обогащают романтические черты. Мезинов-поэт вызывает уважение именно душевной честностью.

Как говорит жена Лёни Валентина, прожившая с Лёшей много лет, «собаки – это последние ангелы на Земле. И всегда в настроении!». К собакам примазались две кошки, брошенные под осень прежними хозяевами-дачниками.

А ещё у них целый год жила большая белая курица. «Вот говорят, – это слова Валентины, – “куриная голова”, “куриные мозги”. Наша была умница. Она на даче втёрлась в дом и не захотела уходить. К осени стала как член семьи. Если зарезать, не поймёшь, ты ешь или тебя едят. Доброжелательная, разговорчивая. Не любит одна быть на кухне, просится в комнату. Сидит рядом и смотрит на меня, на Лёшу. Телевизор смотрела. Снесёт яйцо – несла огромные яйца – кудахчет и крыльями шумит. Мы боимся, что городские соседи услышат. Я её в чулан – и свет выключу. Так она перестаёт шуметь. Снесётся в передней за полой пальто – и ни звука. В конце концов со слезами отдали кучинским селянам. И скучали...»

И мы, знакомые, друзья и читатели Лёши-Лёни Мезинова будем скучать без него.

Хотя – с нами же остались его стихотворения!

Кот и корова

Мой старый кот
Сбежал из дома,
Он у меня с рожденья жил,
Я сам кормил его соломой,
Морковкой свежее кормил.
За ним
Ушла моя корова.
Я сам прогнал её взащей
За то, что глупая корова
Не шла в амбар ловить мышей.
Теперь я
Хлеб жую с водою
И не слезаю с сундука.
Кто мне ведро мышей надоит?
Кто мне наловит молока?

В самолёте

Когда ты сядешь
В самолёт,
И он
Покатится
Вперёд,
И вспыхнут
На табло огни:
Внимание!
Пристегнуть ремни!
Не спрашивай,

Зачем они,
А самолёт свой...
Пристегни!
Иначе,
Видишь ли,
Мальчи,
Один ты
В небо
Улетишь!
Ну и кому,
Скажи,
Охота
Лететь вот так...
Без самолёта?

Тритоны

В водах тихого затона
Пели песни
Три тритона.
Первый звался ХАРИТОНОМ,
Пел
Красивым БАРИТОНОМ.
Славно пел
Тритон Антон,
Был он тоже баритон.
Но у третьего тритона
Голос ниже
На ТРИ ТОНА
А уж если у тритона
Голос
Ниже
Баритона –
Значит, это МОЩНЫЙ БАС!
Вот и весь рассказ.

Сом

Жил в речке одной
Преогромнейший сом.
Он был так огромен,
Велик
И весом,
Что даже лягушки,
Увидев сома,
От страха
Сходили с ума!

Он был добряком
Преогромнейший сом,
Великий любитель
Купаться!

Любил кувыркатся
В воде колесом
И в тине усами
Копаться.

Ещё он любил
По утрам собирать
Упавшие звёзды
В речушке.
Поверьте!
Напрасно сходили с ума
От страха
Речные лягушки.
Сома-силача,
Великана сома
Не стоило им опасаться.
Был сом так огромен,
Велик и весом,
Что просто
Стеснялся
Кусаться!

Кукла Фёкла

Тучи по небу бежали,
Тучи солнышку мешали.
Рос грибок,
И цвёл цветок,
И с цветком
Играл щенок,
И сидела около
Чья-то кукла Фёкла.

Струйки с неба побежали,
Стёкла в доме задрожали.
Мок цветок,
И мок грибок,
Мок щенок,
И мокла
Чья-то кукла Фёкла.

Возле дома
У крылечка,
Скачут капли,
Льётся речка...
Дождь цветку
Умыл глазок,
Он грибку расти помог.
С головы до самых ног
Стал пушистее щенок.
И сидела сохла
Чья-то кукла Фёкла.

Картина

По мотивам великобританского фольклора

В старом чулане,
Где пыль с паутиной,
В тёмном углу
Отыскалась картина.
А на картине –
Речка и дом.
Тётушка Дженни
И дядюшка Том.
Дядюшка Томас
Сидит на реке,
Дядюшка
Удочку держит
В руке.
А на крылечке
Тётушка Джен
Варит повидло,
А может быть, джем.
Годы бегут
Над соломенной крышей,
Шепчутся в погребе
Толстые мыши:
Что ж это,
Что ж это,
Что ж это будет?
Скоро ли дядюшка
Рыбы наудит?
Что приготовит
Почтенная Джен –
Может, повидло?
А может быть, джем?

В творчестве Лёни Мезинова, по словам одного из его друзей, «стихи и проза сплетены в разножанровую мозаику, причудливую и гротесковую, в яркий калейдоскоп парадоксов, “сталкивание лбами” метафор и словесных смыслов как преобладающий литературный приём. Своеобразный “мовизм” задорных шестидесятих годов. А сколько ещё разбросано “Лёшиного” по разным книжкам для детей – и своих собственных, и переводов (а зачастую это почти самостоятельная вещь, “по мотивам”!) других замечательных авторов нашей когда-то столь большой и дружной страны».

В библиотеках книги Леонида Антоновича есть. Есть его произведения и в интернете. Будем же мы и впредь читать произведения этого замечательно, доброго и мудрого человека. И вспоминать его слова: «Ведь правда – жили мы, радовались жизни! Вы, нынешние, ну-тка!».

ПОЭЗИЯ

Валерий МУХИН

Валерий Михайлович Мухин — родился в 1942 г. в пос. Кесьма Весьегонского района Калининской области в семье сельского учителя. Окончил Псковский индустриальный техникум, Псковское музыкальное училище, Псковский филиал СЗПИ. Работал музыкантом и певцом в оркестре, руководителем хора, преподавателем в ВУЗе, ведущим конструктором на заводе ТЭСО, заведующим сектором во ВНИИ ЭСО, заведующим рекламой в издательстве «Курсив», слесарем на заводе «Псковпищепром». Автор 15 поэтических сборников, многих публикаций в центральных литературно-художественных журналах. Лауреат литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Пскове).

К 80-летию Великой Победы

Вкус Победы

Нет, я не воевал на той войне —
Душа ещё не вызрела для битвы,
Но слышал я в тревожной тишине
Рыдания и бабкины молитвы.

Нет, я фашистов кровь не проливал,
И целился пока что из рогаток.
Но я уже до боли понимал
Над похоронкой плачущих солдаток.

Лица войны, звериного лица,
Боялся я и прятался в сусеке,
Когда узнал, что моего отца
Она себе присвоила навеки.

Вот потому во сне и наяву,
И днём и ночью — это твёрдо знаю:
Пока я помню, верю и живу —
Войну я, как убийцу, проклиная!

Дичок

Несчастней калеки, ущербней слепца
В эпоху военного ада
Я рос на земле, не имея отца,
Дичком беспризорного сада.

ВАЛЕРИЙ МУХИН

Я пасынком был разорённой страны,
Слезам её горьким внимая,
Не ведая ласки, не зная вины,
Смиренно судьбу принимая.

Зловещие птицы кричали во мгле,
Глумились над сирью долей —
Я только тесней прижимался к земле,
К таинственной сладкой неволе.

О, как, беззащитного, больно меня
Клевала крикливая стая.
Но верил я в солнце среди белого дня,
На чёрной земле вырастая.

И час мой, восторженный час, наступил,
Когда просветлённой весною,
Я жизни и смерти в единое слил
И к солнцу понёс над землёю.

Над памятью старых и новых могил
Исполнил я волю сыновью:
Я злобу возвышенным словом лечил
И ненависть — светлой любовью.

Павшим солдатам

Повсюду на земле российской,
Где с именами, где без них,
Стоят простые обелиски
Солдатских холмиков живых.

И вдоль дорог они не броски,
Скромны и будничны на вид,
И свежей краской иль извёсткой
Раз в год их кто-то обновит...

За нас вы жизни положили
Военной грозною порой;
Землёй сырою вас зарыли —
И сами стали вы землёй.

Шершавыми цветами «кашек»
К нам руки тянутся солдат,
Зрачки проснувшихся ромашек
Глазами вашими глядят.

Живыми вашими устами
Здесь каждый стебель говорит:
«Земля, которою мы стали,
Жива, стояла и стоит!»

Старое фото

Старый снимок. Черты молодого лица.
Нет, таким я не видел живого отца.

Рядом с ним молодая весёлая мать.
Что же нужно ещё? Только – жить-поживать.

Но другое задумал предательский век:
Разве можно, чтоб счастливо жил человек?

Вот – разлука, вот – смерть. Уж глаза закрывал –
Сын родился! Отец перед смертью узнал...

Старый снимок. Черты молодого лица.
Никогда я не видел живого отца.

Ветеран

Он был, как потухший вулкан, –
Таким же суровым и мрачным,
Великой войны ветеран,
Пропитанный дымом табачным.

Волос, не прочёсанный лес,
Седая щетина по скулам,
Отстёгнутый чёрный протез
Валялся под сломанным стулом.

Какой обжигающей тьмы
Коснулся он: раз – и навеки!
И плечи как будто холмы,
И руки стекали, как реки.

А в пристальных серых глазах
Таилась забытая сила...
И только душа, в небесах,
Казалось, о чём-то просила.

Война живёт

Позаросли траншеи, и землянки
Осыпались, но в дебрях тишины,
Где шли штыки, и где ревели танки –
Присутствует дыхание войны.

Ещё не раз пытливые потомки,
Или простой случайный ротозей,
Найдут войны исчезнувшей обломки
И поместят реликвии в музей.

И соловей – другой, и – новый крик...
Война – всё та – живёт среди полей.
Напрасно говорят, что время лечит,
Мы – забываем попросту о ней.

Воевали

Маме

Воевали и землю пахали,
Хоронили дедов и отцов,
На избитой земле вековали –
Утешали измученных вдов.

Надевали обмотки и лыко,
И тонули в российской грязи.
Ну, подумаешь, горе велико:
Коли впрягся в оглобли – вези!

Хоть бессменной была телогрейка
И в дожди, и в звенящий мороз,
Берегли трудовую копейку,
И Россию жалели до слёз.

Ничего у судьбы не просили,
Честно выплакав горе своё,
Умирали, спасая Россию,
Шли и гибли во имя её.

Русская баба

*«Великую Отечественную войну
в России выиграла русская баба...»*

Фёдор Абрамов

Не жалеют русской бабы,
И она, как лошадь, прёт
Через кочки да ухабы –
Сколько может, столь везёт.

В зной ли, в холод леденящий,
В молотьбу, в косьбу, в жнивье...
Чем сильнее баба тащит –
Больше валят на неё.

Был, наверно, прав Абрамов
(Мужику не будь в вину)
В том, что выиграла баба –
Баба русская войну.

Как и раньше, так и ноне
Всю страну на Божий суд,
Как натруженные кони,
Бабы русские несут.

Смерть ветерана

Жил да был ветеран на планете:
Не боялся ни пули, ни зла!
Но в субботу к нему, на рассвете,
В белом саване гостя пришла.

Жил разведчик в бревенчатой хате.
Мял зелёные травы земли...
Но сегодня его, на закате,
По зелёной траве – понесли.

Не согреются битые кости
В заходящих последних лучах.
Словно лодка, плывёт на погосте
Белый гроб на солдатских плечах.

Тихо плакали внуки и дети,
Причитала вдова тяжело...
Схоронили бойца на планете.
Но не сыты ни пуля, ни зло!

Как не любить эту землю

*«Мы стиснули души, мы встали –
Живые и мёртвые – все...»*

Игорь Григорьев

Как не любить эту землю,
Этот закат и восход,
Поле и лес, и деревню,

Родину, русский народ.
Я был обласкан судьбою –
Отрок суровых времён –
Матушкой русской землёю
Вскормлен и усыновлён.

Детство – военная доля,
Полная ужасом битв.
Танками вспахано поле.
Поле могил и молитв.

Страшные, чёрные годы...
Вражьей рукою война,
Смертью крестила народы,
Ад поднимая со дна.

Кровью умылась Россия.
Нам посмотрела в глаза:
– Что ж вы, сынки дорогие?
Больше – ни шагу назад!

Стиснули души и встали,
Встали за землю свою
Крепче железа и стали...
И – раздавили змею!

Как не любить эту землю,
Этот закат и восход,
Поле и лес, и деревню,
Родину, русский народ.

России

О, сколько же смеялись над Россией!
Ей крест дубовый ставили не раз.
И жгли её, и били... Не убили,
Она жива! Не пробил, видно, час.

Она лежит ограблена, нагая,
Сама себя пытаюсь научить;
Сама себе упрямо помогая
Смертельные болезни залечить.

Я к ней склонюсь с сыновним поцелуем
И с верою в великий мой народ...
Расцвет России так же неминуем,

Как неизбежен солнечный восход!

День Победы

Давно вокруг другая жизнь кипит,
Наполненная песнями и смехом...
На пьедестале мирный танк стоит
Войны ушедшей не умолкшим эхом.

По-над рекой Великою привстав,
О мужестве отцов напоминает.
С утра его гранитный пьедестал
Букетами живыми расцветает.

Невдалеке грохочут поезда, —
Встревоженные вздрагивают траки,
И вспоминает танк про те года,
Когда он богом был крутой атаки.

Когда вставали в бой за взводом взвод,
Гремели взрывов ближние раскаты;
Под твёрдое и хриплое «Вперёд!»
К Победе шли безусые солдаты.

И наполнялись мужеством ветра,
В крови кипела ненависть и сила,
Под яростное дружное «Ура»
Уже Звезда Победная всходила...

ПРОЗА

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Ангел-хранитель

Автобиографический рассказ

Анастасия возвращалась домой с лёгким сердцем. До Нового года остался один день и всего один непогашенный долг. Нехорошо, конечно, в новый год с долгами, но погасить его сейчас не было возможности. Зато четвёртому доброму человеку смогла вернуть деньги. Остался близкий друг. Он знает, что Настя обязательно выполнит обещание и всю сумму вернёт в срок, что бы ей это ни стоило. Так что можно не волноваться. Волноваться нужно было Насте. Тогда, в апреле...

На календаре было третье апреля, среда. Единственный рабочий день, который начинался не с раннего утра. Можно было выспаться, поваляться в кровати, не спеша выпить чашечку кофе, чем Анастасия, собственно, и занималась. По доброй традиции смартфон лежал на столе. На случай если позвонят с одной из работ: либо из академии, либо из лица. День был академический, поэтому звонок из лица её слегка удивил. Она даже не обратила внимания на то, что звонили по мессенджеру «Телеграм», а не по Ватсапу, ведь общение с коллегами с обеих работ всегда было в Ватсапе. На аватарке красовалось лицо заместителя директора по воспитательной работе. В голове промелькнуло: «Наверное, хочет сообщить о том, что скоро начнутся курсы по оказанию первой помощи». Больше поводов для их общения быть не могло. Они редко разговаривали.

Взяла трубку, услышала своё имя-отчество и, ответив «Да» на вопрос «Это вы?», собралась было поздороваться, но трубку повесили. Затем пришла смс-ка с объяснением, что у завуча что-то не так с телефоном, и её никто не слышит. Затем была просьба снять трубку, если позвонит некто Савельев по рабочим вопросам. Анастасия написала «Хорошо», допила кофе и начала собираться на работу.

Минут через пять её сборы прервал звонок. Мужчина, представившийся Анатолием

Юлия Геннадиевна Александрова — преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

Николаевичем Савельевым, сообщил ей, что в два часа ночи была зафиксирована попытка перевода в размере ста тысяч рублей с её банковского счёта на счёт Дениса Евгеньевича Капустина, руководителя экстремистской организации, который ведёт подрывную деятельность против нашей страны. Анастасия всё отрицала, но ей даже документ с печатью в виде двуглавого орла прислали. В документе значились её полные паспортные данные, так что сомнений быть не могло. В ужасе от того, что её могут заподозрить в пособничестве террористу, Анастасия занервничала. Ещё бы!

Но больше всего она начала волноваться из-за того, что на неё могут оформить кредит, ведь имея паспортные данные, сделать это очень просто. Вот где страх-то! Настя ни разу в жизни не брала кредитов. Ни на какие цели. Она была твёрдо уверена в том, что на все свои хотелки нужно зарабатывать самой. И работала. Всю жизнь на двух работах. Тяжело? Конечно, тяжело. Но лёгкой жизни никто не обещал. Ситуация усугубилась проблемами со здоровьем. Поэтому Анастасия не снимала пенсию два с половиной года. С того момента, как стала её получать. Это была её подушка безопасности. На непредвиденный случай, ведь одинокой женщине помочь было некому. Все родные умерли, а принц на белом коне так и не прискакал.

Её нерадостные мысли прервал вопрос собеседника об отношении к директору школы. Анастасия удивилась, ибо разговор перетёк в абсолютно другое русло. У неё были прекрасные отношения в лицее и с начальством, и с коллегами, и со школьниками. Там ей было уютно и хорошо, ведь лицей снаружи был абсолютно современным и подчинялся всем новым правилам, а внутри сохранил такой тёплый для её консервативного характера советский дух. Директора школы она очень уважала и сразу дала ей самую положительную характеристику. Потому странным показалось Насте то, что директор школы и несколько её заместителей находятся под следствием, ибо они сливают конфиденциальную информацию банкам. Далее Савельев сообщил, что ей нужно пообщаться со специалистом Центробанка Титовой Еленой Сергеевной, которая поможет в вопросе сохранения её средств путём смены основного счёта. Анастасия сказала, что сейчас этого сделать не может, ибо уезжает на работу, и попросила позвонить ей в конце рабочего дня.

Анастасия Михайловна, конечно, качественно провела занятия (сказывался огромный опыт работы), но весь день была как на иголках. Часа в четыре ей позвонили. Будучи мало-мальски финансово грамотной, она была уверена, что ответственные сотрудники Центробанка и так знают финансовое состояние всех граждан нашей страны, но женщина, представившаяся Титовой, сумела вывести всю информацию о количестве денег на счетах Анастасии. К счастью, на зарплатных карточках суммы были маленькие, так как день зарплаты ещё не наступил, зато на пенсионном вкладе красовалась сумма в восемьсот двадцать пять тысяч. Елена Сергеевна сказала, что нужно срочно положить их на безопасный сейфовый счёт ЦБ, поэтому она передаст данные сотруднику безопасности Центробанка и представителю ФСБ, целью которых является пресечение финансирования террористов и защита простых людей.

А вот дальше началось самое интересное. До позднего вечера двое мужчин с именами Александр и Николай играли с ней в игру «Плохой-хороший полицейский». Александр Сергеевич Темников, «майор ФСБ», был груб, напорист, угрожал ей в случае неповиновения (ведь Насте запретили

общаться с родными и знакомыми, сказав, что тем самым она нарушит статьи 310 и 183 УК РФ о неразглашении информации), в то время как Николай Валерьевич Прудников, «сотрудник безопасности Центробанка», был мил, приветлив и предупредителен, ведь его целью было уговорить, а точнее, уболтать Настеньку поменять местами деньги её и деньги банка, сняв свои со счёта и переведя их на другой, защищённый счёт, до которого Капустин не сможет добраться.

Весь поздний вечер Анастасию катали на такси. Сначала к банкомату, где она сняла деньги со счетов, а потом по банкоматам, где она переводила деньги при помощи виртуальной платёжной системы на безымянную карточку. Делала механически, словно её лишили воли. И страшно переживала, что две купюры оказались порванными, и их банкомат не принял. Николай Валерьевич успокоил её, сказав, что если они в её кошельке, то до них этот мошенник не дотянется. В какой-то момент в голове мелькнула мысль: «А почему на карточке Райффайзен-банка нет имени?» Но эта мысль как-то быстро ушла. Было поздно. Хотелось спать. Слишком много событий случилось с ней за один день. И словно прочитав её мысли, Николай Валерьевич сказал, что прощается до следующего дня. «Почему до следующего?» – спросите вы. Ответу: «Это двухсерийный фильм».

Четверг был у Анастасии Михайловны днём методическим, но вместо того, чтобы повышать свою квалификацию, она продолжила общение с Николаем Валерьевичем и Александром Сергеевичем. Наутро от своих новых телефонных знакомых она узнала, что Капустин попытался оформить кредит на неё в трёх банках. Ей дали послушать «перехваченную ФСБ» запись, на которой разговаривают двое мужчин. В этом разговоре якобы Капустин поручает якобы сотруднику одного из банков решить вопрос с Анастасией.

Правду говорят, что, если ты чего-то боишься, то это обязательно с тобой произойдёт. Теперь перед Настей стояла задача взять кредиты в этих же банках, чтобы лишить Капустина возможности сделать то же самое по её паспортным данным. Первым банком был банк ВТБ. Перед тем, как зайти в отделение, Анастасия полтора часа общалась с майором Темниковым, который инструктировал её, как вести себя там. Когда одни и те же фразы повторились раз в двадцатый, она обиделась и сказала: «Ну я же не дебилка! Зачем столько раз повторять одно и то же?! Я ведь с первого раза всё поняла». Она была очень горда собой за придуманную легенду, зачем ей столько денег наличными: «Я надумала делать перестройку домика на садовом участке. Приезжает бригада из Татарстана. Просили привезти деньги налом, ибо тогда есть возможность получить хорошую скидку на рынке стройматериалов».

Вооружённая легендой и ничего не боясь, Анастасия отправилась в отделение. Как же были рады сотрудники ВТБ, к которым пришёл такой чудесный клиент с безупречной кредитной историей, что радостно выдали ей миллион с маленьким хвостиком. На пять лет. Под тридцать два процента годовых! Где же твоя финансовая грамотность, Анастасия Михайловна?! Ты же учишь студентов азам экономики и финансов! Ну, пусть и на английском. А сейчас не понимаешь, чем тебе это грозит?! Через пять лет ты отдашь банку не один миллион с хвостиком, а гораздо больше двух с половиной! Но у Насти напрочь отшибло мозги. Она первый раз в жизни держала в руках такую сумму денег. Подумать только! Миллион!!! Но радость

её была недолгой. Через полчаса её заставили поступить с этими деньгами так же, как и в предыдущий день с её собственными. Она приехала на такси к банкомату Сбера и под чутким руководством Прудникова отправила полную сумму на всё ту же безымянную карточку Райффазен-банка.

Но на этом история не закончилась. Впереди было ещё два банка. Однако в Почта-банке её ждал сюрприз. Сотрудник банка, похоже, не поверил в её легенду и начал задавать много вопросов, о чём её предупреждали. Но никто из предупреждавших даже не мог предположить, что сотрудник банка окажется бывшим учителем. Учителем истории и обществознания. Рыбак рыбака видит, как известно, издавна. Они поговорили о школе в прошлом и настоящем, о зарплатах. Иван всё же сделал запрос в центральный офис, но так как время было позднее и одобрение на кредит могло поступить только утром, Настя отправилась домой. Бывший коллега хотел её предупредить о мошенниках, и в первый раз за два дня она засомневалась в правильности своих действий и даже позвонила на номер майору, сказав: «А может, вы сами мошенники, а не белые-пушистые, какими пытаетесь прикинуться? Я уже один раз пострадала от мошенников восемь лет назад. Будет печально, если история повторится». Майор, конечно, попытался её разуверить, но продолжал на неё давить, заставив сказать, что больно и взять отгул на работе на следующий день, а сотрудник ЦБ всячески настаивал на том, что завтра нужно доделать работу до конца.

Однако тут вмешался Настин ангел-хранитель. Он, наверное, понял, что Настю пора выручать. Во время её разговора с Николаем раздался звонок в дверь. Это пришла соседка, с которой Настя была в замечательных отношениях. Вера испекла свой фирменный пирог и решила её угостить. Настя взяла кусочек пирога и извинилась, сказав, что у неё важный телефонный разговор. Вера была не в обиде. Предвкушая вкусное чаепитие, Анастасия попрощалась с Николаем, который в очередной раз напомнил ей, что нельзя общаться ни с кем из своего окружения, положила трубку и вдруг заплакала. Горько. Навзрыд. Ей было страшно. И очень одиноко.

Потому она наплевала на слова Николая и отправилась в гости к Вере. Та была женщиной мудрой и рассудительной, и ей не составило большого труда раскрутить Анастасию на откровенность. Под нажимом соседки Настя позвонила завучу. По Вацапу. И выяснила, что та ей не звонила. Она вообще никому из сотрудников не звонила в среду с утра. И только тогда Настя поняла, что во второй раз стала жертвой мошенников и своей доверчивости. Но если тогда, в далёком 2016-м, она потеряла только свои деньги, на которые какая-то малазийская деревня жила минимум год, то здесь ей предстояло выплачивать кредит.

Конечно, в полиции её признали потерпевшей, но что толку? Денег-то всё равно не вернуть. С процентами в первые месяцы помогли друзья, равнодушные коллеги с обеих работ и бывшие студенты. Однако Анастасия понимала, что не сможет выплачивать этот кредит в течение пяти лет. Слава Богу, по её договору можно было выплатить всю сумму сразу. И тогда она в первый раз в жизни попросила денег в долг. Пять человек одолжили ей нужную сумму. Три долга Настя вернула с отпускных. Она никуда не поехала отдыхать, оставшись летом на даче, которую спас её ангел-хранитель, не позволив ей взять ещё два кредита.

И вот сегодня она смогла вернуть очередной долг – маме своего безвременно ушедшего одноклассника, первого друга детства. Настя шла домой и

думала: «Несмотря на одиночество, она очень счастливый человек! Какие чудесные люди её окружают! Сколько человек ей помогли и поддержали и материально, и морально! Пусть в наступающем году всем им будет хорошо!!!»

Р.С. Савельев, а также прочие имена и фамилии сохранены в первоизданном виде. Как предупреждение тем, кому могут позвонить мошенники.

ПОЭЗИЯ

Инесса Яшиновна Ильина – член МГО Союза писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всесоюзного фестиваля патриотической поэзии «Форпост» 2014, 3-е место), награждена медалями: им. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Инесса ИЛЬИНА

Вот ведь какие чудные дела!

Утро

Время, время вихрем кружит,
Рвётся связь между мирами,
Истончается терпенье
На земле и небесах.

Серый день унынью служит,
И с вороньими пирами
По-над пашнею весенней,
Как туман, витает страх.

Бледным утром, странным утром
Тихо движутся минуты,
Птицы робкие не знают –
Можно ль песни распевать?

И тревожат поминутно
Мыслей тягостные путы,
Те, которые не тают
И которых не слышать.

Клетка Птичье счастье

Прельстилась птичка клеткой золотой:
Кормушкой полной зёрнышек и хлеба,
Большой поилкой с чистою водой,
И куполом витым с просветом в небо.

А за окошком сумасбродил май,
На все лады звучали птичьи песни,
И поняла она, что сытый плен – не рай,
Что мир огромней, краше, интересней.

И захотелось пленнице домой!
Сломать замок пыталась понапрасну,
И в этой ситуации несчастной
Смирилась перед жёсткою судьбой.

Настало утро, свет луны померк.
Закономерно всё в живой природе.
Пришёл к закрытой клетке человек
Послушать птичьи трели на восходе.

И удивился: «Птица умерла?!
Еда вода, защита от кота...»
Задумался: «Такие, брат, дела...
Чем птичке эта жизнь была не та?»

Тому, кто осознал свою тюрьму,
Не будет счастья в золотом доме.

Добрые руки

Было такое не раз и не два:
Меня торопили в дорогу дела.
Из дома – бегом, и в метро – со всех ног,
Не замечая, где Бог, где порог.

«Аннушка масло уже пролила»,
Миг – и земля из-под ног поплыла,
Добрые руки не дали упасть,
Ангел-хранитель, на всё твоя власть!

Кто мой спаситель, неведомый друг?!
Много народа ходит вокруг,
Только его среди них не нашла.
Вот ведь какие чудные дела!

С каждым бывает такое в пути:
Ищут ответы, не могут найти.
Кто-то спокоен, хранимый судьбой,
«Нет, это случай!» – спорит другой.

Я не хочу ничего утверждать,
Вольному – воля и благодать.
Думаю я, что в дороге любой
Кто-то стоит за твоею спиной.

Катерина, на тебя вся надежда!

Глава 1

1943 год. Война шла полным ходом. «После Сталинграда наметился перелом», – утешали те, кто приехал в отпуск, но я уже начинала сомневаться в этом. Сводки «Советского информбюро» пугали статистикой, о победном конце мечтали все, но никто не говорил. Даже мой муж: в первое время он писал мне часто, затем – реже, а сейчас – совсем перестал. Настало тревожное затишье, такое, какое бывает только в военное лихолетье.

Мы дружили с детства, а наши родители были соседями. Потом вместе сидели за одной партой. И так – целых десять лет! В какой-то момент каждый из нас понял, что эта привязанность есть жизненная необходимость. Мы боялись признаться в своих чувствах даже самим себе, но время шло, мы становились старше. В селе уже все называли нас женихом и невестой и смущали вопросами о свадьбе.

А я хотела учиться. Конечно, попасть в институт не мечтала, но в училище! Город манил меня, как и всякого, кто его никогда не видел, но много о нём слышал. Мама советовала идти на повара: и работа, и голодным не останешься. Я не противилась, да и других вариантов не было: в райцентре было всего одно училище, в котором преподавали швейное дело (это не моё) и кулинарное искусство. Серёжа тоже не сидел на месте. Уже с 14 лет работал трактористом, с 15 лет – комбайнёром. Ему нравилась деревенская жизнь, но для того, чтобы получить теоретические знания, без которых на практике было не обойтись, тоже нужно было ехать в город.

21 июня у нас был выпускной. Всем классом гуляли до самого утра. Разошлись по домам с первой песней петухов, очень грустной, невестёлой песней. 22 июня 1941 года перевернуло все наши планы и надежды. Началась Великая Отечественная война.

Виолетта Олеговна Зимницкая – молодая красноярская писательница. Победитель литературных конкурсов различного уровня, в том числе Международного литературного конкурса им. Константина Симонова (2022 и 2024 гг.), Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия – земля моя!» (2022 г.), Международного литературно-художественного конкурса-фестиваля «Живой родник» им. Анатолия Жаренова (2023 г.), Всероссийского поэтического конкурса «Позывной – Россия! Поэзия нового времени» (2023 г.) и др. Печаталась в журнале «День и Ночь», альманахах «На высоком берегу» СФУ, литературном альманахе «Творческая среда МоноЛит», в литературно-историческом журнале «Великороссы» и др.

Живёт в Красноярске.

Вечером того же дня пришёл Серёжа и позвал меня с мамой на ужин. Когда мы вошли, они втроём, сын и его родители, сидели за столом. Лица печальные, хмурые. «Должно быть, поругались», – подумала я, но промолчала.

– Вы слышали... война, говорят! – начал Семён Семёнович. – Мы тут посоветовались и решили, что пожениться вам надо, – он указал на нас с Серёжей. – Война такая штука: никого не щадит!

– Опять за своё? Не пушу! – возразила Серафима Петровна. – Ни его, ни тебя. Выдумали: ты старый воевать, а он – какой с него ещё воин? Только школу окончил! – произнесла она и зарыдала.

Моя мама заплакала вместе с ней. Она понимала слёзы жены. До ноября 1939 года мама тоже была женой, а потом её муж умер. Это произошло в Финскую войну на Раатской дороге. Я знаю только то, что отец служил в 163-ей дивизии, которая после перехода советской границы оказалась полностью отрезанной от основных частей РККА. Тогда стояли сильные морозы, провианта не было. Мой отец умер на войне, и я считала его героем, на что мама всегда возражала: «Ушёл бесславно! Он погиб не в бою, а от холода и голода. Вот наша славная Родина! Воюй за неё!».

На следующий день мы расписались. Застолье было скромным и тихим: позвали только соседей. Да и им, надо признаться, сейчас было не до того. Приказ о мобилизации был главной темой разговора. Через пару дней и Серёже пришла повестка: явиться туда-то к такому-то времени. Семён Семёнович тоже уехал. И хотя он мог остаться, председатель не раз говорил об этом, не остался. «Что ж я дома сидеть буду, когда даже мальчишки нынче идут воевать?».

Глава 2

Как и многие девушки, я захотела пойти в медсёстры или зенитчицы, но меня не взяли. «В тылу нам тоже люди нужны», – ответили в военкомате и отправили домой. Мне было очень обидно. Я понимала, что нельзя сидеть сложа руки, что нужно что-то делать. Но как я могу приблизить Победу, не прилагая никаких усилий? Они сражаются на фронте, но война ещё продолжается! Гибнут люди, умирают десятки, сотни, тысячи... Как это прекратить? Значит, воинов должно быть больше! Возьмите меня! Пожалуйста, возьмите! Но никто меня не брал. Спустя некоторое время я встретила Ивана Макаровича, нашего нового председателя. Узнав от кого-то о моём намерении, он заметил: «Серафима Петровна совсем слегла после смерти Семёна Семёновича, и мать твоя хвораёт. Здесь от тебя больше пользы будет, чем на передовой! К тому же, кто в колхозе работать станет? Теперь одни дети да старики остались. А армию снабжать надо. Катерина, на тебя вся надежда!». После этих слов я уже не жалела о том, что осталась в селе.

Работы было много и в доме, и на улице. Кстати, именно в этот год я заметила, что свекровь начала сильно увядать. Она не была старой, кажется, ей не более сорока лет, но каких лет?! Изнурённых тяжёлым трудом и трудной деревенской работой. Я с самого начала взвалила всё на себя. Иначе быть не могло. Серафима Петровна не возражала. Она помогала, если что-то не получалось, или объясняла, как надо, но делала я сама. Теперь нежиться в кровати как прежде было некогда. Катерина, на тебя вся надежда!

Встаю с рассветом. Дою корову, кормлю кур, собаку и кошку. Убираюсь. Раз в три дня топлю баню, зимой – печку в доме. Колю дрова, таскаю ведра. Вяжу, штопаю, стираю, мою полы. Кипячу самовар и наливаю воду в два таза: один – для мытья посуды, второй – для её полоскания. Вытираю пыль и подметаю. Варю варенье, мариную помидоры, солю огурцы. Кошу траву. Работаю в колхозе. Готовлю еду. По субботам к нам в село приезжает продуктовая лавка. В этот день я встаю раньше обычного и отовариваю карточки. Вдобавок ко всему езжу на почту, которая находится в райцентре. Хорошо, если придёт письмо: не зря ездила! А если не придёт – полдня впустую!

Помогаю маме. Теперь, когда я вышла замуж, она осталась совсем одна, и мы понимали это. Свекровь часто звала её к нам, и мама всегда приходила, чтобы скрасить своё одиночество и прогнать нашу тоску. А в последнее время тосковали мы часто...

Ещё читаю письма. В селе грамотных не очень много, а в нашей семье только я. И это всегда был особенный день. Тогда они вдвоём, мама и свекровь, суетились на кухне, ожидая меня. Если возвращалась с письмом, мы радовались и готовили ответ, если нет, то весь день молчали, предчувствуя дурную весть.

Последнее письмо получили в июне 1943 года. Прошло лето, настала осень. Я ездила на почту каждую неделю – ничего да ничего, ни строчки... Писала сама – ответа снова не было. Серафима Петровна утешала меня, но я больше не могла ждать. Всё валилось из рук, всё делалось по привычке. Жила и ждала, ждала и жила. Катерина, на тебя вся надежда!

Раз даже поругалась с почтальоном. В тот день я была в сильном волнении. Столько уже писем отправлено, хоть одно-то должно, просто обязательно было дойти! Почтальон, обидевшись на мою претензию, ответил, что «чужие письма не прячет», что они ему вообще не нужны. Расстроенная, я вышла на улицу и села на скамью. Так прошло минут десять, а я всё ещё смотрела в одну точку. Вдруг кто-то коснулся моего плеча. Я обернулась и увидела того самого почтальона. Его лицо выражало сожаление и сочувствие.

– Простите меня, – сказал он еле слышно и присел рядом со мной.

– Вы тоже. Сама не знаю, что на меня нашло, – говорила я, вытирая слёзы. – Вы вовсе не виноваты в том, что Серёжа не пишет.

– Да, но я виноват в другом, – он протянул мне два конверта. – Недавно срочные письма пришли, уже все разобрали, а твоё одно осталось. Совсем я, старик, запамятовал про него да и отложил в сторону, а потом, видно, забыл.

– Срочные письма? – спросила спокойно. – Чем же они срочнее прочих?

– Тем, что прочие подождать можно, а эти надо вовремя доставить, иначе потом будет поздно.

Тогда я не поняла, что он имел в виду. Я была счастлива. У меня в руках два письма от Серёжи! Чего же больше? Одно датировано концом июля, второе – началом сентября. Желание открыть оказалось сильнее меня.

Как дошла до дому? Что сказала свекрови? Матери? Не помню. Помню только то, что было в «срочном» письме.

Извещение

Ваш муж младший сержант

Алексин Сергей Семёнович

Уроженец гор. Хабаровск

В бою за социалистическую родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, был убит 21 августа 1943 года.

Похоронен в с. Верхне-Смородино Курской области в братской могиле.

Далее не читала.

Свекровь смотрела на меня. С верой! Ещё на прошлой неделе в наше село пришли похоронки. У Свиридовых – все сыновья, у Дмитриевских – отец и сын. Тогда мы обрадовались: Серёжа не погиб с ними в Курске.

Что я могу сказать матери? Больно терять трёх сыновей, а одного, наверное, ещё больше! Одного, единственного, любимого! Моего Серёжу! Неужели это произошло со мной? Зачем мне теперь эта жизнь, это небо, эта земля, если не будет Серёжи? Раньше я жила и ждала, теперь ждать больше не придётся. Все мечты, всё, что мы хотели сделать вместе, потом, когда закончится война, когда... уже никогда не будет сделано.

Что я могу сказать матери? Что он пал за Родину, что я любила его? Что её сын не вернётся?

Что я могу сказать матери?

Катерина, на тебя вся надежда!

Глава 3

Прошло пять лет после Победы. В эти годы изменилось многое. Те, кто ждал, перестали ждать. Те, кто верил, продолжали верить. Моя свекровь верила, а я даже не ждала.

Когда в наше село стали возвращаться фронтовики, я каждый раз придумывала какие-нибудь объективные причины, которые могут задержать Серёжу, потом субъективные обстоятельства. Мне казалось, что Серафима Петровна верит в эти сказки. Но однажды она спросила: «Чего муж твой так долго не едет?» – и посмотрела мне прямо в глаза. У неё был такой взгляд, такой взгляд, что я готова была провалиться сквозь землю, чтобы только не испытывать его на себе. Наверное, тогда она всё поняла. С этого дня про Серёжу мы больше не говорили. Я знала, она верит, что он жив, пусть не здесь, но где-то жив и что он обязательно вернётся. Материнское сердце не могло не ждать. Свекровь боялась лишь одного: умереть, не увидев сына ещё раз. Бывало, она даже стыдила меня и приговаривала: «Зачем возвращаться солдату, коли его не ждут?» После этих слов я начинала «ждать».

Катерина, на тебя вся надежда!

Раньше что бы мы ни делали, Серафима Петровна говорила: «Вот вернётся Серёжа...» Детей родите, за грибами пойдём, построим новый коровник... Но время шло, а он не возвращался, и всё стояло на месте. Теперь все «вот» вмиг исчезли. Эта тема была навсегда закрыта.

В честь пятилетия со Дня Победы наш председатель предложил устроить в селе большой праздник. Мы несли лавки и скамейки, каждый ставил на общий стол то, что у него было. Мужчины надевали парадную форму, а их медали и ордена так и блестели на майском солнце. Мальчишки уже в пять-шесть лет знали все боевые награды. Так у нас было всякий раз, но в 1950-ом всё должно было быть в ещё более крупном масштабе.

Признаюсь, я никогда не хотела идти на праздничное застолье. И расстраивать свекровь тоже не хотела. Уже все догадывались, что пришла похоронка, но я молчала, не желая говорить об этом. Это больно, когда все поздравляют мужей и сыновей, а у нас нет ни мужа, ни сына. Это жестоко! Нас будут жалеть, а мы, как белые вороны, будем смотреть и думать: «Чем мы провинились? Почему у нас не так, как у всех?» Ежегодно приходилось искать отговорки, чтобы не пойти, чтобы не видеть эти радостные смеющиеся лица или, наоборот, горюющие, скорбящие. Кстати, вдовы и сироты всегда сидели отдельно от остальных в конце стола. Я не хотела сидеть вместе с ними. Я всё ещё любила Серёжу и не могла смириться с тем, что он был, а теперь его нет. И только находилась подходящая причина, как свекровь спрашивала: «Катюша, ты уж собралась?» И я напрасно притворялась больной или спящей, мы выходили из дома и шли к соседскому столу...

Катерина, на тебя вся надежда!

За неделю до девятого мая к нам в гости пришёл Иван Макарович. Он долго о чём-то говорил с Серафимой Петровной, а когда я зашла на кухню, готовился было уходить, но, заметив меня, остался. Председатель рассказывал о том, что в этом году на празднике будет конкурс чтецов. Каждый сможет прочитать наизусть свои любимые строки про войну. Нужен только тот, кто организует это дело, поможет детям найти что-то интересное и выучить.

— У нас в селе, сама знаешь, не все грамотные, — говорил Иван Макарович, пытаюсь меня убедить.

— Я это знаю, — отвечала я. — Но всё равно лучше доверить это кому-нибудь другому. Я не приду на праздник.

— Да-да. Твоя свекровь говорила, что будут затруднения.

— Неужели некому этим заняться, кроме меня? Нет желающих?

— Добровольцы и активисты всегда найдутся, но дело в том, что все они уже делают что-то другое.

— Вы хотите сказать, что «позади Москва»?

— Слава Богу, что нет. Я знаю, как тебе со свекровью тяжело приходиться, но в этот раз всё будет иначе.

— Иначе уже никогда не будет! — произнесла я с отчаянием.

— Мне пора. Помни, Катерина, на тебя вся надежда!

Мы готовимся к конкурсу. Сейчас ребята разучивают «Катюшу». Говорят, что прочитать наизусть не смогут, «Катюша» — это «песня, фронтовая песня, её нельзя просто читать!» Катюша. Её зовут так же, как и меня. Дождалась ли она своего бойца, осталась ли ему верной? Да, Катюша — эта та, что умеет ждать, что готова к любым невзгодам, она — собирательный образ советской женщины. Катюша — это каждая женщина нашего села, это Серафима Петровна, это Акулина Романовна, такой была моя мама, такая и я.

И вдруг Катерина поняла, что в её сердце до сих пор живёт надежда. Никто не видел Серёжу мёртвым, она не видела! А сколько без вести пропавших? А сколько контуженных, раненых? Где они теперь? Куда забросила их война? Какими дорогами они идут?

Будут «Священная война», «Синий платочек», «Майский вальс», «Огонёк» и «Прощание славянки». И стихи тоже будут: «Василий Тёркин», «Мужество», «Жди меня», «Зинка» и многие другие.

В детстве Серёжа хотел быть трактористом, когда вырастет. А нынче все дети мечтают стать военными: мальчики — солдатами, девочки — медсёстрами. Это хорошие мечты, но я надеюсь, что они никогда не сбудутся, что им, сегодняшним детям, не придётся взять в руки оружие. Я верю, что их детство и юность не будут загублены, искалечены, что они успеют поиграть. Мы не успели, так пусть они сделают это за нас. Всё можно преодолеть, всего можно добиться, было бы только мирное небо. Этому нас научила война. И пока в каждой семье есть те, кто запомнил этот урок, жизнь будет счастливой, а война не посмеет прийти снова.

Катерина, на тебя вся надежда!

9 мая этого года я запомню надолго. В тот день к нам приехали из военкомата и привезли с собой наших солдат — тех парней, что уезжали на фронт вместе с Серёжей в далёком сорок первом году. Теперь они уже стали мужчинами.

Меж ними был один. Я думала, что это мой муж, мой Серёжа, но ошиблась. Его зовут Сергей, и у него есть «Орден Славы», «Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медали за Сталинград, за Курск, за Днепр. Сергей участвовал в Яско-Кишинёвской операции, битве за Берлин...

И только теперь я поняла, что мой Серёжа не умер. Он стал Сергеем...

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Инну Юрьевну
с Юбилеем!
Желаем крепкого здоровья,
благополучия, успехов
во всех начинаниях!**

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.
Живёт в Москве.

Вот и снова гуси полетели...

Гостинг

Накрывает душу гостинг,
Мы теперь не ходим в гости.
И общенья нам не надо
С тем, кто был так долго рядом.

Друг мой прежний и подруга,
В дни тревоги и досуга
Были вместе мы с тобой,
А теперь всему «отбой».

И без статуса войны
Мы друг другу не нужны.
Нет ни ссоры, ни обиды,
Нет причин и нет Ковида.

Появилось отчуждение,
Будто свыше разрешение
Всем командует центризм
Под названьем эгоизм.

ИННА МУХИНА

Семицветье

На моём столе рабочем
Радуга колдует.
Разбирает всё построчно
И своё диктует.

Суть теорий, их немало,
Новых и известных.
Чтобы мысль не отставала,
Хочет, чтобы я писала
Абсолютно честно!

Это – символ Зодиака.
Я пойму однажды:
Семицветье вечных знаков
Не пребудет с каждым.

Варвара

Памяти Мухиной Варвары Васильевны

«На освящённой
молитвой дороге...»
Ю. Богданов

Варвара – светлая душа,
К истокам веры преклонясь,
Духовную хранила связь.
И под защитой Креста
Переломлялось, что не так.
А горя было – выше сил.
ГУЛАГ и голод. Враг косил.
Блокады выдержав накат,
Не покидала Ленинград.
Но Вера с ней была всегда,
И не осилила беда.
Бестужевка – её стезя
Отдать словесности себя.
Чтоб образ русский сохранить,
Учила классику любить.
И эта связь эпох и лет
Являет родословной свет.
Характер твёрдый и прямой,
Его черты живут со мной.

Обереги

Даже если настигнет напасть,
Обереги не могут пропасть.
И сквозь чёрные выйдя миры,
Снова будут на поле игры.
Это поле светло и темно,
Это всем нам понять суждено.
И разлуку, и радость, и боль
Обереги разделят с тобой.

Осенний день
Ненастья полон:
Свистящий ветер,
Рваный дождь.
Реванш берут
Тоска и холод
И больше радости
Не ждешь.

Дожди, дожди,
Простите лето,
За то, что кончилось оно,
Как чья-то нежность без ответа,
Не суждено, не суждено!

Но если мокрые ступени
Ведут к священному огню,
Молить я стану
На коленях:
«Не оставляй меня одну!»

Декабри

О, декабри мои, меня не предавайте!
Всё, что отдать положено, отдайте!
И радости, и нежности разливы,
Чтоб в декабрых (не в дебрях) быть счастливой.
И в снежном, осеребренном сиянии
Суметь постичь все тайны пониманья.
Чтоб на качелях взлётов и падений
Не оскудело сердце нетерпеньем*.
Обидчикам простить их зло и скудость –
Я, если не забыла, то забуду.
Мне в этом декабри мои помогут.
Я знаю, верю, вот и слава Богу!

**Стефан Цвейг.*

Роман «Нетерпение сердца».

Недоверия параллели,
Словно грани незримых начал,
И баталий словесных метели –
Это судеб ослепших оскал.

Что ты можешь отдать дорогому?
Два крыла лебединых рук,
А звезду затянуло в омут,
В чей-то жёсткий порочный круг.

Но уже на изломе радуг,
Осветляя небес окоём,
Появилась надежды радость
Быть с любимым рядом. Вдвоём.

Без поцелуев губы стонут,
Не помогают джин и тоник.
Мы тонем в буднях серых дней
И это скучно. Ей же ей!

В лесу сегодня тихо-тихо,
Танцует под кустом ежика,
Зовёт она к себе ежей.
Ей будет весело. Ей-ей!

Ты под сосной лежишь на травке,
А кто-то ждёт тебя с булавкой,
Чтоб к юбке прицепить скорей.
И это круто. Ей же ей!

Вечер в деревне

Вечеряли при свечах
И стихи читали.
В печке жаркой на углях
Огоньки плясали.

А над крышею дымок,
У порога снега.
Кто найти друг друга смог,
Окунулся в негу.

Затерялся дом во тьме,
Что тут удивляться?
Завалил тропинки снег,
Чтоб вдвоём остаться.

Сумасшедшие во сне
Губы целовались,
А, быть может, это мне
Снилось да казалось ...

Верни моё сердце обратно,
На место его положи,
Коль вышла такая превратность –
Пора укреплять рубежи.

Верни моё сердце – и точка,
Серьёзно тебе говорю.
Сожгу твою душу я точно,
Поскольку сама я горю.

Верни моё сердце, покуда
Над городом пляшет зима.
Пусть нежность останется чудом.
Пока не сошли мы с ума.

Вот и снова гуси полетели,
Распластали крылья над полями
Предвещая скорые метели,
Расставаясь с осенью и с нами.

Клин за клином – строг у них порядок.
«Строй за строем» – воины они.
За судьбу свою без неполадок,
Перелёты – непростые дни.

Первогодок держат в середине
Чтоб не задержались у межи.
Чёткий строй и клин всегда и ныне,
Только кто их научил – скажи?

Клин за клином. Кто собрал их вместе?
Подсказал, как выжить, где теплей?
И домой вернуться в то же место
На любимой родине своей.

Рассказы

Наш вишнёвый сад

Девятиклассник Миша Чернышёв любил выходить из класса не спеша, хотя сидел возле учительского стола и мог на перемене выскочить в школьный коридор одним из первых. После звонка парни бежали в буфет, на спортплощадку, в тайный уголок за мастерскими с токарными станками, где курили с постоянным «часовым», готовым в любую минуту прокричать: «Атас». А Михаила тянули к себе широкие окна на противоположной стороне коридора, сквозь которые был виден сад, на целый гектар засаженный вишнёвыми деревьями. Особенно хорош он был в мае, будто зовущий прохожих посмотреть на море из бледно-розовых волн. И на всю округу несло благоухание цветущей вишни.

Он не раз слышал от учителей: «Вот какие молодцы строители, выбрали для школы именно это место, будто открывающее вход в посёлок, отгороженный от всего мира рекой и оврагом». Четырёхэтажное здание из бурого, будто обожжённого кирпича с карнизами и лепниной по фронтальной стороне, было видно практически со всех улиц. И каждый первоклассник знал, что в его школе – самые большие и светлые классы с потолками высотой шесть метров. Нет больше таких школ в городе. Не зря, наверное, именно здесь построили новый мост через реку с ледорезами на протоках, с широкими проходами для машин с обеих сторон, со скамейками и фонарями на остановке трамвая и вывеской – «Школа».

На уроках литературы начали изучать пьесы Чехова, и Тамара Ивановна, учитель, приехавшая после Ленинградского университета и думавшая, что задержится в посёлке всего-то на два положенных по отработке года, но живущая здесь уже больше десяти лет, попросила всех ребят прочитать «Вишнёвый сад». Мишка осилил чуть больше половины пьесы, лето было

Юрий Христофорович Михайлов – родился в 1945 году в городе Иванове. По образованию педагог, окончил также Высшие экономические курсы академии им. Плеханова. Работал в региональных и центральных газетах и журналах, в Правительстве СССР и РФ, был одним из создателей газеты «Деловой мир». Автор многих книг прозы. Лауреат ряда всероссийских и региональных литературных премий, награждён Пушкинской медалью к 220-летию со дня рождения поэта. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

тяжёлое, пришлось подрабатывать в местном ГАИ: на телеге, запряжённой лошадкой, он размещал несколько неполных бочек с красками и малярные кисти для обновления дорожных знаков. Работа не тяжёлая, больше чудная и даже смешная для встречавших его на дороге людей, нередко знакомых. Сначала он раскрашивал чёрной и белой красками столб, врытый в землю посередине улицы. Потом красной красил круг на вершине столба. И снова белой – рисовал посередине его «буханку», чтобы все знали: «Въезд запрещён».

Работал он на четырнадцати улицах посёлка, въезд в который был разрешён только на первой, третьей, седьмой и на последней из них. В этом деле ему помогал сосед по дому, участковый милиционер дядя Витя, который как будто бы сам подрядился на ремонт дорожной символики, но все работы выполнял Мишка, даже запрягал на конюшне пригородного совхоза лошадь и сам готовил краски. Деньги платили небольшие, но милиционер говорил, что «плохих денег не бывает и что их всегда мало». А Михаил собирался к новому учебному году купить себе костюм, настоящий, с пиджаком на подкладке: всё-таки в старшем классе будет учиться, пора вылезать из бумажейных шаровар да ковбоек, пошитых мамой из матрасной ткани. После войны тяжело жило большинство семей, где отцы, бывшие воины, остались неработающими инвалидами. В такую категорию попал и глава семейства Чернышёвых, передвигавшийся мелкими шажками с двумя инвалидными палками.

Классный руководитель 9«Б», Тамара Ивановна, объявила своих ребят ответственными за проведение вечера, посвящённого юбилею Антона Павловича Чехова. Но празднование умышленно сдвинули на май, зная наперёд, что украшением торжества станет живой вишнёвый сад, благоухающий до школьных выпускных экзаменов. В школьном театре были собраны лучшие актёры, а от комика Витальки Дедюхина из 9«В» рыдали все, и взрослые, и дети. Он играл в двух миниатюрах: крестьянина в «Злоумышленнике», отвинтившего от железнодорожных рельс «тяжёлую гайку» и дьячка в сценке «Канитель», когда тот, со слов бабки, вписал в поминальный листок фамилии «и за упокой, и за здравие». В таких сценках участвовали многие ребята, им нравилось быть артистами, тем более, настоящие костюмы для постановок обещал привезти поселковый народный театр.

Тамара Ивановна подобрала Михаилу сцену из пьесы «Вишнёвый сад», тот должен прочесть монолог купца Лопухина. Несколько раз он пробежал текст, где Лопухин становится хозяином не только вишнёвого сада, но и всей усадьбы. Роль Ани, дочери хозяйки усадьбы и сада, помещицы Раневской, будет играть очень красивая девочка из 9«А» класса Таня Попова. Её единственный недостаток, отметил парень, она стеснялась носить свои очки и, постоянно пряча их, выглядела на сцене даже забавно.

– Что ты чувствуешь, Миша, читая этот монолог? – спросила учительница. И, не дожидаясь ответа, стала рассказывать о вымирании помещиков, бесцельно и никчёмно проживающих свою жизнь. Но им на смену шёл новый класс, из бывших рабов и крепостных крестьян... Парень всё понимал, но ему было жалко и помещицу, и её окружение, и детей, и родню, ему жалко было слугу, старика Фирса, которого, в итоге, все забыли в закрытом

до весны доме усадьбы. Поэтому монолог Лопухина у него получался довольно грустный, и он чувствовал, что целые абзацы он читает не так, как хотела бы услышать Тамара Ивановна.

Он смотрел другие сценки: перед приездом Лопухина с торгов идёт разговор помещицы Раневской со студентом Трофимовым. На школьном вечере хозяйку дома будет играть сама учительница. У неё грустный-прегрустный, какой-то грудной голос, и её так по-настоящему жалко после слов: «...Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишнёвого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом. Ведь мой сын утонул здесь...» Волей-неволей Михаилу и всем ребятам в зале именно здесь хотелось плакать.

И как Лопухину в этой ситуации можно задорно смеяться и говорить: «...Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... (Смеётся.) Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним... Ну, кончилось. Вишнёвый сад теперь мой! Боже мой, господи, вишнёвый сад мой! ...Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на всё происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется...» (Играет музыка, Любовь Андреевна Раневская опустила на стул и горько плачет).

Или финальный монолог Ани, дочери Раневской, произносит, как настоящая артистка, Таня Попова: «Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... Я благословляю тебя. Вишнёвый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдём со мной, пойдём, милая, отсюда, пойдём!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймёшь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнёшься, мама! Пойдём, милая! Пойдём!»

Ну, как тут не заплачешь? Михаил, больше, чем кто-либо, был уверен, что зрители точно будут сочувствовать Раневским, маме и дочери, а не Лопухину, решившему пустить вишнёвый сад под топор.

Парень так растрогался от слов Тани Поповой на последней репетиции, что невольно вышел с ней из школы, даже не спросив разрешения, чтобы проводить её до дома. Они решили обойти школу справа, хотя там был овраг, и даже довольно широкая тропинка не гарантировала свободный проход до ближайшей улицы в километре от вишнёвого сада. Но им, наверное, повезло: прошли почти беспрепятственно, а, может, впервые увидев друг друга так близко и разволновавшись на репетиции, они даже не заметили размытую в нескольких местах дорогу.

Оказалось, Татьяна жила на Третьей улице, самой тихой и престижной в посёлке, где в ровный ряд выстроилось с десятков двухэтажных домов

на две семьи, с входами с торцов строения. Но Мишка от наполнивших его чувств совсем не разглядел особенности этой улицы. А девушка смотрела на него голубыми глазами, улыбалась ямочками на щеках, слушала его голос, рассказывающий что-то из жизни пацанов на речном затоне, когда весной вода поднимается на пару метров и куканы не выдерживают отловленную вершами рыбу. Остановились они у полуоткрытых ворот дома, выкрашенного тёмно-зелёной краской. Вход в него был один, а двойные двери за лестницей из шести ступенек были плотно закрыты.

– Вот здесь я живу, – сказала довольно обыденно Таня. – Жаль, не могу тебя познакомить с родителями и Нарой... Это моя любимая овчарка, она уехала с мамой за город. А отец вечером заедет за мной, и мы до понедельника будем отдыхать на реке.

Мишка немного опешил, наконец-то разглядев и Третью улицу, и двухэтажный дом на одну семью, и участок огороженной земли, где можно свободно играть в футбол. Его самолюбие, конечно, было задето, хотя он знал, что руководство комбината живёт в построенных для ИТР после войны домах и что специалисты со всей страны ехали сюда, в глухомань, на восстановление предприятия особой госважности. Но он вдруг неожиданно для себя заговорил с неприятной интонацией в голосе:

– Чёй-то ты, помалкивала, что живёшь в «дворянском гнезде»? И много вас?

– Нет, два брата ещё, один учится в институте, второй – в военном училище, но жили мы здесь все вместе. А у нас и в Москве была хорошая квартира, на Садовом кольце... Но отца послали сюда, и он, не раздумывая, поехал, стал главным инженером и главным конструктором. Прощаясь в Кремле, ему руку пожал Косыгин...

– А кто это? – Не удержался от вопроса Мишка. Он всё сильнее чувствовал, как его «ступорит» информация, получаемая от Татьяны. «Этого ещё не хватало, – думал он. – Вот в “Шанхае” (его место жительства в семейном общежитии, впятером в комнате 24 кв.м.) узнают, куда я, с дур-ру, вляпался. Засмеют. Не отмоешься...»

– Отец говорил, что это – самый грамотный руководитель в правительстве...

– Ну да, конечно, слышал я про такого. Куда-то он ездил недавно, за границу, кажись...

– А вот мои два окна в комнате на втором этаже. Рядом – комната с перегородкой на случай приезда братьев, но бывают они теперь редко, только во время каникул. Зайдёшь на чашку чая? – Таня посмотрела прямо в глаза парню. На её лице он заметил, неожиданно для себя, очки в тонкой оправе жёлтого цвета, похожей на золото. Всё-таки она достала их из кармана, может, механически нацепила на нос. – Дома Полина Сергевна, наша родственница, быстро всё приготовит...

– Не-а, пора топать домой. Не будем родственницу мучить...

– Миш, а что ты прикидываешься, будто хуже, чем есть? В чём вина отца, что он главный конструктор? Или вот моя? В том, что я его дочь? Учусь с тобой в одной школе, но в разных классах? Жалко, а то давно бы уже могли подружиться... В общем, как знаешь. У нас скоро вечер, можем ещё раз встретиться, порепетировать наш «Вишнёвый сад»...

Михаил не стал повторять дорогу по краю оврага, пошёл Третьей улицей до конца, разглядев за забором из штакетника, таким же высоким, как

и у Татьяны, ещё один двухэтажный дом с лестницей и двойными дверями. Только окрашен он был в тёмно-синий цвет. «Наверное, дом директора, – подумал он. – Тихо у них, живут хорошо... У директора – гараж для машины. Это он, наверное, ездит на “Волге” новой модели, сам за рулём... А вот её отца я не видел вживую, ни разу, наверное, с водителем ездит...»

В субботу – короткий день, комбинат работал в одну смену, чуть дольше, чем до обеденного перерыва. Это новшество ввели не так давно, но рабочие уже оценили такое послабление в трудовой дисциплине. Народ шёл со смены довольный, даже весёлый, доходил на новой площади с трамвайным кругом, тоже до нового многоквартирного дома с продмагом во весь первый этаж и нырял внутрь его. Авоськи набивали до отказа, особенно много брали хлеба, чёрного и белого, муки, круп, молочных продуктов, конфет, колотого сахара и песка к чаю. Туда же забежал и Михаил, мама ещё утром просила купить хлеба и постного печенья. И пожалел, как сам вляпался в толпу народа.

– Денисов и Попов приехали. Они в магазине... – Новость разнеслась по очередям у прилавков и касс. Люди вытягивали шеи, пытались разглядеть директора и главного инженера комбината. И действительно, к прилавкам и кассам подходили двое мужчин крупного телосложения, останавливались, разговаривали со стоявшими в очередях, в основном, мужчинами, о чём-то расспрашивали продавцов. В винном отделе они попросили две бутылки: водку «Столичная» и «Советское шампанское». Мужики улыбались, радовались такому вниманию начальства, расступились перед прилавком, а те, оплатив спиртное, направились к выходу. У дверей Денисов громко сказал: «Следите за сообщениями. У нас будет праздник...» И надо было случиться такому: совсем скоро в космос полетел Юрий Гагарин...

Но об этом Мишка узнал позже, когда посёлок буквально взорвался от гуляний, и впервые, наверное, он заметил, что пришла весна и что страна послала человека в космос. А он – очень скучает по Тане Поповой, своей партнёрше в чеховском театре. Он подумывал даже написать ей письмо, пробовал начать его несколько раз, мучаясь над листом бумаги, но дальше первых фраз дело не пошло. Решил, что приведёт её в сад и всё скажет о своих чувствах...

Через ледорезы нового моста весной прошли не очень большие льдины, остановка трамвая прижилась, от неё по пологому склону оврага проложили пешеходную дорожку, ведущую прямо к дверям школы. А в гнёздах, чернеющих в зелени деревьев, кричали грачи, рано пришло тепло, рано зацвела вишня, и школьным садом приходили любоваться почти все жители посёлка. Но в прошлом году, летом, было очень много набегов на сад, дежурившие с милицейскими свистками, как правило, женщины-уборщицы, ничего не могли поделать и с учениками школы, и с другими любителями спелых ягод. И все увещевания директора и учителей, что сданная в потребкооперацию вишня пополняет копилку школьной столовой, проносились мимо ушей учеников. Педсовет принял решение: заменить решётчатый забор, окружавший сад, дощатым, и чтобы был он высотой не менее двух метров. Поручение передали ученикам девятых классов, комсоргом в одном из которых был Миша Чернышёв.

Завуч старших классов потрудилась над расписанием, уплотнив «сетку», и в результате два десятка парней после четырёх уроков, плотно поев в буфете, отправлялись на хоздвор. Под руководством учителя труда строга-ли брёвна, замеряли и пилили доски, начали сколачивать целые секции будущего тяжёлого забора. Несколько самых крепких парней встали на копанье ям: ужасная, выматывающая все силы работа. В такую бригаду и попал Михаил, хотя и ростом, и телосложением он явно не подходил, там мышцами играли спортсмены высокого разряда. Но комсorghу никто не стал возражать: пусть попробует и этот тяжёлый труд.

– Так, курцов у нас нет, работаем по тридцать минут, перерыв – десять минут... – Заправлять делами в бригаде стал самый сильный, им оказался перворазрядник Александр Милов, вошедший в сборную области по волейболу. – На секцию забора уходят три ямы, включая промежуточную, облегчённую. Вот на них, первое время, и будут работать Валёк Никитин и наш комсorgh. Миш, ты не против? – Спросил без подвоха Сашка. – Никитин – на подстраховке... Если дело пойдёт, перебросим его в основной состав. А ты, Миш, будешь ещё и координировать высоту столбов. Нахалтурим, будет хана, кругом размечены пазы, верхушку уже не срежешь, придётся снова выкапывать...

Все посмотрели на Михаила, тот не хотел комментировать то, что и так понятно. Но, после паузы, сказал всё же:

– Добро, Сань. Всё по делу. Сегодня – первый день, работаем до трёх часов. Брёвна – сосна и ель, тяжёлые, будем аккуратнее с ними...

Часы показывали полдень, когда ребята, раздевшись до маек, пошли на размеченную территорию, расположенную со стороны оврага. Все понимали, что такое целый гектар изрезанной и неровной земли и как нелегко её будет закрыть забором. Восемь парней принялись за ямы. Пригодились и колышки с верёвками-шнурами, и острые лопаты, специально заточенные учителем труда на электронаждаке, и трёхлитровые банки из-под домашних солений с чистой родниковой водой. За три часа работы с небольшими перерывами бригада вырыла восемь ям, соединила их канавами и отводами для стока дождевых вод. Промежуточные ямы решили пока не трогать, оставили их до завтрашнего дня. А чтобы зримо представить картину сделанного за рабочий день, двое парней пошли за ошкуренным бревном, чтобы опустить его в одну из ям.

Михаил сидел вместе с Сашей Миловым, свесив ноги в выкопанную ямищу. До этого долго спорили: надо ли «бутить» жидким бетоном яму более метра глубиной, чтобы столб даже качнуться не смог в какую-то сторону. Учитель убеждал, что не стоит этого делать: сосна и ель будут в земле чувствовать себя даже лучше, чем в бетонной «чушке». Краем оврага двое парней тащили на плечах четырёхметровое бревно, было видно, как нелегко даётся им эта работа. Рядом с Александром и Михаилом один из них споткнулся на куске глины, потерял равновесие, и бревно с его плеча полетело вниз. Передний парень, не успев закрепить закрутившийся конец, сумел лишь толкнуть бревно плечом. Это спасло голову Милова, но удар пришёлся на шею и ключицу. Второй конец ударил по спине Михаила, который секундой раньше, от испуга что ли, вдруг вытянулся в струнку и увёл тело от прямого попадания дерева в позвоночник. Но спину от лопатки до поясницы бревно разодрало сильно, кровь стекала ручейками.

До «Скорой помощи», вставшей на дороге у поворота к оврагу, их несли на носилках те же ребята. И они видели, что ключица у Милова серьёзно разбита, и пока было неизвестно, что стало с его шейными позвонками. Врачи надели ему бандаж, обложили грудь и плечи тампонами. А Михаил лежал на животе, толстый тампон из ваты и марли на его спине промок моментально, но его не стали менять, было видно, что кровь остановилась, больше не сочится из множества ранок. Бледный, потерянный учитель труда спрашивал бригадира «Скорой помощи»:

– Можно мне с ними поехать?

– Места не хватит, – сказал врач. – Сообщите, кому надо в школе, их родителям. Мы срочно едем в медсанчасть комбината. Она ближе всех от нас и оборудование там серьёзное...

Они лежали в разных палатах, Михаил – в терапии, ему уже несколько раз просветили рентгеном спину, позвоночник был ушиблен, но без серьёзных повреждений. У Александра – палата реанимации, у него всё гораздо сложнее вышло: со сломанной ключицей врачи разобрались быстро, гипс опутал парня, как спрут. Но он повредил и шейный позвонок, что могло сказаться на работе мышц и в целом ног. Врачи предлагали ехать в областной центр, где специалисты травмпункта скажут своё веское слово. А к Михаилу уже приходили директор школы, просил не стесняться, сказать, если что-то не хватает в медсанчасти (здесь никогда не было детского или подросткового отделения), или, например, что-то хочется поесть, и он придёт ещё раз вместе с ребятами, принесёт всё, что надо. Потом долго терзали его, по очереди, следователи детской комнаты милиции и прокуратуры, люди из Рона и Горона. И все спрашивали: сами ли «дети» додумались строить такой тяжёлый, сплошной забор на школьном садовом участке. И всем Михаил говорил без специальной подготовки и согласования с учителями: «Сами. Есть решение комсомольского собрания. Мы взяли шефство над вишнёвым садом. Слишком ломали и портили его, бедного, любители дармовщины...»

Тамару Ивановну, учительницу, а уж тем более, Татьяну Михаил не ждал. К 16 часам должна была придти мама, принести одежду, в которой он пойдёт домой после выписки из медсанчасти. Но это будет завтра, когда с утра его ещё раз осматривают замглаврача и травматолог, а потом – передадут под наблюдение участковой поликлиники. В палате на четыре койки лежали двое рабочих, они отравились каким-то газом, в основном, спали и читали газеты. Не без интереса наблюдали они за разговорами подростка с официальными лицами, потом давали тому ценные советы. Школа жизни у них была, действительно, богатая, особенно они помогли парню в разговорах с инспекторами комитетов по образованию: они были уверены, что забор надо было строить и что это – дело чести самих старшеклассников.

Увидев, что в палату зашли учительница и девушка, красивая, смелая, на парня особенным взглядом, они дружно встали, запахнули халаты, забрали стопку газет и удалились в коридор. Тамара Ивановна тоже пробыла с Михаилом недолго и, сказав, что ей обещали показать Сашу Милова, пошла якобы в ординаторскую.

– Я так боялась за тебя, – сказала Татьяна. Она смотрела на парня сквозь очки, на её глаза то и дело набегали слёзы.

– А я написал тебе письмо, – медленно выговорил Михаил. – И пригласил тебя в наш вишнёвый сад. Там скоро будет целое море белого цвета...

В палату зашли те самые двое рабочих, один спросил Михаила:

– Слышал? Старшая медсестра сказала, что директора школы сняли с работы. Чуть дети не погибли, оказывается...

Барабанные палочки

В словах «муж и жена» применительно к супружеской паре Крикуненко на первом месте всегда стояло имя Софьи, на втором – Виталия. Так их восприняли и новые гости – северяне, которые с крохой дочерью приехали погостить в Киев. Для тёти Сони и дяди Вити это были весьма важные и уже близкие им люди: с их мамой и тёщей – медиком, Софья Михайловна несколько лет отдыхала в Трускавце на лечении почек местными минеральными водами. Физиотерапевт Мария Ивановна не успела в отечественную войну закончить мединститут, стала работать в госпиталях, судьба забросила её на северный участок фронта, где она и осталась на всю жизнь рядом с добрыми и отзывчивыми людьми. Её муж, Андрей Николаевич, был местным партработником, но жена настояла, чтобы он перешёл работать в ГОК. О перспективах горно-обогатительного комбината она узнала от самого важного горняка страны – академика, которого при посещении этого предприятия вдруг прихватил страшный радикулит. А физиотерапевты очень нужны тем, кто хочет поскорее встать на ноги.

Приехали молодые северяне поездом, в СВ-вагоне, их дочка четырёх лет от роду, названная в честь бабушки Машей, была ухожена настолько, насколько позволяли семейный достаток и понимание культурных ценностей современной жизни. По оценке тёти Сони, внучка её подруги была безупречна во всём: в воспитании и поведении, в ухоженности, в одежде и даже в детской стрижке. Такси вместе с встречающим дядей Витей доставило их почти до берега реки, где в двухэтажном доме гостям отдали спальню с огромной кроватью, пуховыми матрасом, одеялом и подушками, а также комнату их сына Леонида, студента. Её хозяин уехал на всё лето в Западную Сибирь, на разработку новых месторождений нефти и газа. После горячей ванны гости уселись за праздничный обед, успев передать хозяйке солидную посылку с рыбными деликатесами и конверт с деньгами. Зять Марии Ивановны – Константин, знал, какая в нём сумма: хватило бы семье из четырёх человек на целый месяц безбедной жизни. Он, конечно, был недоволен такой щедростью родственников, но успокаивал себя тем, что у него в кармане лежал сертификат на полтысячи рублей, а тёща по первому звонку была готова отправить дополнительную сумму денег.

К обеденному столу тётя Соня привела за руку свою маму, Зою Моисеевну, представившуюся незнакомым людям ветераном войны. Она была крепкой на вид женщиной, но в последнее время болезнь вдруг скрутила её, пришлось ходить в сопровождении кого-то из родственников. Некрашенные волосы её, пегие, неопрятные, настолько напугали малышку, что та, прижавшись к отцу, зашептала одними губами:

– Костя, а это кто? – для тёти Сони такое обращение дочери к отцу оказалось настолько неожиданным, что та долго не могла закрыть невольно открывшийся рот. В разговор включился дядя Витя:

– Тю, так это же наша бабуля, Зоя Мосевна, всю войну оберегавшая свой родной дом... Зови её, кроха, баба Зоя. Как ты зовёшь своих деда и бабулю, а?

– Дедушка Андлей и баба Маша... Её зовут так же, как и меня.

– А это баба Зоя. Недавно у неё, правда, инсульт был, слабо ходит, да... Но соловья баснями – не кормят. Налью-ка я по первой рюмочке. – И он начал разливать домашнюю настойку. Всем налил по рюмке, себе – гранёную стопку граммов на сто пятьдесят. – Чиста, как слеза, вчерашнего приготовления, со специями. Ну-ка, определите на вкус, что в ней?

– Ну и балабол, ты... Без остановки! – Почти выкрикнула тётя Соня. – А вот мой тост. С приездом, наши самые дорогие гости в этом году! Прошло больше четырёх лет, как я была у вас в гостях... Помнишь, Тома, ты беременная Машей ходила? А тут уже детка задаёт нам вопросы, да сама на них и отвечает... Будьте здоровы и счастливы. А мы – поможем сделать ваш отпуск насыщенным и полезным. – И, не медля ни секунды, не чокаясь, она выпила рюмку, передёрнула крутыми плечами и съела мелкий огурчик, нелепо разместившийся на её огромной вилке.

Все поддержали тётю Соню, выпили, кроме Тома, а та, незаметно поставив рюмку на стол, начала есть овощной салат. Тётя Соня была практичной женщиной, много лет возглавлявшей большой цех швейной фабрики, насмотрелась на своих работниц в разные периоды их жизни. И уж точно могла определить состояние их беременности. Но сейчас было бы нелепо задавать вопросы дорогой гостье на эту тему, тем более, когда на руках отца семейства сидит дочка детсадовского возраста. «Видимо, ждут второго ребёнка, – всё же решила Софья Михайловна. – А Марья Иванна, чует моё сердце, пока не в курсе этого важнейшего события. Надо созвониться с ней, пошептаться. Она – медик, поймёт и оценит мой вклад...»

Большого застолья не получилось, после окрошки дочка гостей запросилась на улицу, и дядя Витя предложил сходить на пруд, старинный, расположенный рядом с их домом. «Не ради рыбы, для ради удовольствия – прихватим пару удочек». – Проговорил он, допивая, наверное, свой третий гранёный штоф. Однако, был трезв, как стёклышко. Женщины и Тома остались дома, а мужчины с Машей отправились к воде.

– Привет, буржуй, – дружелюбно сказал круглолицый, ещё не старый мужчина, сидевший в специальном кресле рыбака на берегу пруда, под раскидистой ивой. – Познакомь с гостями-то. Я, в своё время, долго служил на Севере, уважаю тот народ...

– Так точно, товарищ полковник, – почти отрапортовал дядя Витя. – Разрешите представить: корреспондент Константин Тюсов, его кровная дочь – Маша, дома у нас осталась – евонная жена Тамара...

– Ответ – не верный. «Евонная» не говорят. Чему ты девочку научишь, дядя Витя?

– Так я по дереву, в основном...

– Вот и я говорю: родственничек... – полковник внимательно посмотрел на Константина, – достался вам – из буржуев. Барабанными палочками торгует.

– Так-так-так, товарищ бывший лётчик. А если бы Костя был не родственник, ты тоже бы сдал меня с потрохами?

– Я – не сволочь. – Искренне обиделся полковник. – И бывших лётчиков не бывает. Любую модель до Су-25 и в воздух подниму, и отутюжу врага, только так.

– Ключёт, – почти крикнул Константин. – Товарищ полковник, поплавка не видно...

– Опять черепахи хулиганят, – сказал несколько раздраженно лётчик. – Вот смотрите, для девочки показываю...

Он медленно стал вытягивать удочку из воды, на крючке болталось что-то круглое, совсем не похожее на черепаху. Рыбак положил добычу на песок, рукой пригласил гостей рассмотреть поближе «улов». К траве у ствола ивы довольно быстро засемила небольшая чёрная черепаха. Червяка, видимо, она успела выплюнуть, его остатки лежали на песке, возле самой воды.

– Ой, смотлите, смотлите! – Закричала Маша и побежала к дереву. – Кто это, Костя?

– Черепаха, – тут же ответил отец, несколько смутившийся от вопроса дочери. – Она, видимо, живёт в пруду? Чудеса, да и только...

– Заберите её, пока отдыхаете здесь, ребёнку будет полезно, – почти вынес приговор бывший лётчик. – А я приглашаю вас к столу.

Он довольно легко поднялся из кресла, достал под сиденьем объёмистую сумку, расстелил на траве белую скатёрку и стал раскладывать домашнюю снедь. Но бутылка с горилкой появилась в середине импровизированного стола первой, вокруг неё разместились огурцы, помидоры, бутерброды с колбасой, банка с этикеткой «Шпроты». Начал ругать себя, но посмотрев на девочку, смягчил тон:

– Вечно забываю набор раскладных стаканчиков брать с собой. Всего два в обиходе будет. Ничего, мы с Виталиком – сто лет соседствуем, выпьем из одного стакана. Тем более, горилка съедает все микробы.

– Так мы только из-за стола, Семёныч. И поели, и выпили прилично...

– Обижаешь. У русских отказываться от угощения – не принято, а уж у хохлов – смертельная обида наступает. Меня, молодой человек, Иваном Семёнычем зовут, фамилия – Петелин, – обратился он к Константину. – Воевал, ранен был, дослужил до пенсии. Наша авиабаза была под Киевом, так вот и остался здесь жизнь доживать. Строились вместе с Виталием, помогали друг другу. И если бы не его изворотливость и сметка, точно бы до сих пор жил без крыши над головой...

– Ладно, Семёныч, не форси фигурой речи. Так любил говорить наш начальник драмкружка в колонии для малолеток.

Дядя Витя настолько спокойно выдал эту новость из своей биографии, что Константин точно поверил: здесь ему доверяют. На душе стало легко, рядом копошилась Маша, пытаясь закопать черепаху в песок, а потом поливая её водой из пруда. «Но надо удила натянуть, – сказал он себе. – Горилка домашняя, это тебе не “Московская” под белой головкой. Так и с копыт можно слететь...» И вдруг его осенило:

– Дядя Витя, пока солнце ещё горячее, мы с Машуткой искупаемся.

– Ты нормально себя чувствуешь? – Спросил дядя Витя.

– Абсолютно!

– Ула, – закричала дочь. – Мы с папой идём купаться...

– Смотри, не расслабляйся, папаша. Пруд только с виду тихий да песчаный. А так и омуты есть, и ямы до пяти метров... – Произнёс со значением дядя Витя. Его перебил полковник:

– Вот, Костя, надуй спасательный круг. Я его использую, когда вдруг происходит сильный зацеп лески. Спокойно выдерживает мои сто кг веса. И пока я закончу с закуской, вы должны вернуться назад. Маша, так, говорит дедушка Иван?

– Тик – так... Мы пошли гулять. Костя, возьми меня на луки.

Боль Константин не почувствовал, но резь в ноге была настолько неожиданной и сильной, что он буквально выпустил дочь из рук. Маша сползла с груди отца, уцепилась за плавки, с испугом смотрела на его лицо. До берега было метров восемь-десять, не больше, но вода уже доходила до пояса, и дочь почувствовала, что сейчас захлебнётся.

– Папочка, делжи меня! – Закричала. – Я же не умею плавать...

– Костик... Что случилось? Дочь держи... – Буквально заорал дядя Витя, готовый прыгнуть с берега в воду. Он почувствовал, как стали холодеть его руки столяра, привыкшие к тёплому податливому дереву.

– Твою мать! – Взревел бывший лётчик. – Давал ведь спасательный круг. Витя, ныряй за девочкой! Я – с отцом разберусь.

В несколько прыжков он очутился рядом с гостем, видимо, потерявшим сознание и уже по шее погружившимся в воду, подхватил его подмышки и, доставая дно ногами, потащил к берегу. Дядя Витя успел выхватить Машу из воды, та даже не захлебнулась, обвинила его шею ручонками, не плакала, с испугом смотрела из-под намокших волос. Воды уже стало чуть выше колен, и люди, прибежавшие к иве на берегу пруда, загорававшие, отдыхающие по случаю выходного дня, увидели кровавый след, тянувшийся за Константином. А тот, придя в себя и убедившись, что с дочерью всё в порядке, волочил правую ногу по дну водоёма, стараясь помочь ветерану, не отпускавшему его ни на шаг.

Ступню ноги почти насквозь проткнул металлический штырь, которым скрепляют бетонные конструкции и плиты, и, похоже, что повреждена была вена, так обильно кровоточившая уже и на земле, куда двое мужчин, один в плавках, второй – в тёмных шароварах и майке, выбрались из пруда. Полковник сгрёб закуски с салфетки, сложил её в несколько раз, открыл бутылку с горилкой и обильно смочил ткань. Затем поднял ногу гостя и тоже облил её домашней водкой. На берегу резко запахло сивухой, люди смотрели на происходящее, не мигая. Обмотав ногу пострадавшего салфеткой, ветеран поднял голову, обратился к небольшой толпе:

– Медики есть среди вас? – После небольшой паузы повторил по-украински. – Медики е серед вас?

– «Скорую» надо, срочно! – Резко ответил кто-то из собравшихся. – Заражение крови может быть...

– Всё верно, – сказал полковник, – мальчишки уже помчались к дому с телефоном... Но щас-то, пусть кто-то профессионально посмотрит рану.

Подошла довольно молодая женщина, сказала:

– Не надо трогать. Жгут мы добавим, и кровотечение само остановится... Расступитесь, дайте ему воздуха.

– А шо я говорив два роки тому? Коли ставок чистили і воду спу-скали? Який дурень, придумав вистелити дно бетонними плитами? Чи не акваріум же тут? – Сказал худенький на вид мужчина.

– Так это было на большой глубине, местами, не сплошным же насти-лом... – ответил кто-то из толпы.

– А забыли, какие бури и течения бывают у нас? – Мужчина с интел-лигентной бородкой выдавал информацию, будто он работник института водного хозяйства. – Ведь мы же с протокой реки соединены...

– Ах, преступники, ах, засранцы и подлецы. В милицию их всех, под суд! И этот райисполком хренов, ничем не могут заняться серьезно... – до-неслось из толпы.

Тропинкой, по левому берегу пруда, буквально неслись две женщины: мама Маши – Тамара и хозяйка дома Софья Михайловна. Вторая голосила так, что её было слышно за версту:

– Господи, помоги! Спаси наших деточек... Мне сказали, что «Скорая» на подъезде. Виталий, а ты ку-да смо-трел? Рыбак, ты чёртов... Безрукий и безмозглый рыбак! Ничего тебе нельзя доверить.

В это время Тамара уже подбежала к лежащему на траве мужу, упала на колени, попыталась развязать кроваво-красную скатерть на его ноге.

– Не надо трогать! – Резко сказала девушка, накладывавшая на ногу жгут. – До «Скорой» пусть всё будет так. Можно ещё полить на ногу водки, но немного...

– А вы кто? – Спросила Тома.

– Медсестра пансионата в Пуще-Водице, – ответила та, – работаю там.

Софья Михайловна уже отобрала у мужа Машу, прижала её к груди, стояла над склонившейся к мужу Тамарой. Та подняла голову, спросила:

– Как дочка?

– Жива-здоровая. Даже не захлебнулась. – И вдруг хозяйка дома стала целовать девочку. Но та со словами: «К папе хочу», – вырвалась из её рук, села на траву рядом с отцом.

– Девочка моя, доченька... – Говорил Константин, глядя её мокрые во-лосы и осторожно проводя пальцами по бровям, щекам, носу. В его глазах стояли слёзы.

– Едет, едет! – Раздалось в толпе несколько голосов. К берегу подрули-ла белая машина, врач не стал осматривать больного при всех, фельдшер и водитель положили его на носилки и загрузили в машину.

Из больницы Константина буквально на третий день вытащила Софья Михайловна, заверив медиков, что у неё дома больному будет не хуже, чем у них, а поликлиника с процедурным кабинетом расположена на соседней улице. Она умела и могла быстро и чётко договориться со всеми: если не срабатывали старые связи, в ход шли деньги. Тот же процедурный каби-нет она выкупила на месяц вперёд, медсёстры приходили на дом и делали перевязку ноги. Несколько раз забегал Иван Семёнович, бывший лётчик, ему очень понравилась Маша, но своей внучки среди четырёх внуков у

него не было. А гость ходил с палкой, выглядел как инвалид, но нога уже работала вполне нормально, и медсестра сказала, что будет ещё пара пере-вязок и можно перейти на «сухие наклейки». Отпуск прерывать северяне не стали, надеясь, что положенные им почти два календарных месяца от-дыха помогут отцу семейства встать на ноги. Дядя Витя вырезал вместо ручки на палке целое произведение искусства, напоминавшее голову льва с открытой пастью. «Точно умелец, – подметил Костя. – Что он мне пытался рассказать о каких-то барабанных палочках? Ему надо о выставке своих поделок из дерева подумать. А он какие-то палочки строгают...»

Как-то за небольшим мужским застольем полковник тоже завёл речь о барабанных палочках, которые Виталий делает якобы на продажу и обе-спечил ими всю музыкальную республику. В то время вокально-instrу-ментальные ансамбли (ВИА, РИА в 70-х годах прошлого века) рождались, как птенцы в тёплом гнезде. И к столяру-краснодеревщику из райдомбыта гонцы ехали практически со всех концов. Дядя Витя не стал скрывать свой приработок от самых близких ему людей, даже показал в сарае станок и стеллаж почти с сотней пакетов, где хранилась продукция с обратными адресами заказчиков. И только после этого он предупредил северянина о том, что им предстоит разговор по существу «необычного дела».

Суть же была простой: Константин должен узнать всё про ВИА у себя дома, пару-тройку пакетов с продукцией дяди Вити он подарит самым по-пулярным ансамблям и будет ждать. Через месяц, даже меньше, к нему обязательно пойдут обращения от этих же и других групп на изготовление так необходимых им барабанных палочек. Их будет поставлять дядя Витя, всё пойдёт тихо-мирно, с расчётами по месту выдачи заказов. «А журна-листу очень просто заводить такие знакомства, – подытожил дядя Витя. – И здесь ты можешь даже в порядке шефства помогать землякам. К про-дукции и деньгам не будешь иметь никакого отношения, а о проценте – мы договоримся позже».

– При Виталии говорю: думай голова, – резюмировал итоги разговора бывший лётчик. – Я-то сразу отказался. Неприлично ветерану, полковни-ку ВВС заниматься такой хреновиной. Согласен? Хотя помогал Виталику прорваться в западные области, там у меня до сих пор есть сослуживцы. И представь себе, те наотрез отказывались участвовать в этих делах, бо-ялись даже вести такие разговоры в местах своего проживания. Хотя мне искренне хотелось помочь соседу, он тяжело вставал на ноги и с работой, и с жильём, и в отношениях с соседями. А сослуживцы мои открыто говори-ли: бойся не нынешних головорезов, их запросто можно поставить на место. Бойся тех, кто ещё не вышел из землянок «лесных братьев». И это – факт, как паскудная лампочка светится у нас до сих пор...

Константин долго думал, прежде, чем начал говорить:

– Дядя Витя, буду откровенен: несколько лет я занимаюсь в газете правовой тематикой, – сказал он. – Да и сам – юрист по образованию, знаю эти проблемы. То, что вы подходите под статьи УК, нет сомнений. Вами точно будет заниматься ОБХСС... Вот тебе и безобидное, на первый взгляд, дело с изготовлением барабанных палочек и торговля ими по обоюдному согласию сторон. – Гость снова замолк, наверное, думал, как сказать то са-мое, что точно бы отрезвило хозяина гостеприимного дома. – Вам повезло с соседом, Иван Семёнычем, который искренне хотел помочь наладить вашу жизнь и разговорился только сейчас, считая меня вашим родственником.

Так и есть, мы больше, чем дальние родственники, наши родители и вы с Софьей Михайловной – дружите давно, относитесь друг к другу с любовью. Но представьте на минуту: ваши пакеты с продукцией увидели бы соседи ближних улиц? Что могло бы произойти?

– Зависть, – сказал дядя Витя. – Сработала бы зависть: вот откуда у него двухэтажный дом! И машина, и сын – в институте, с первого захода попал... Да, мне всё это известно. А что делать? Я же не смогу стоять на колхозном рынке, продавая свою продукцию? Смешно... Ведь у меня просят товар? Просят, ещё как, очередь на полгода вперёд. И что мне делать, Костя?

– Пока не знаю, не сталкивался ни с чем подобным, – сказал журналист. – На ум пришло только одно – система потребительской кооперации. У нас, на Севере, местные жители собирают в сезон бруснику, морошку, клюкву и даже грибы. Хорошие деньги зарабатывают в магазинах кооперации. Давайте так поступим: мне проще разобраться, что к чему в этой системе, наведу справки, узнаю, сообщу вам. Но дело это – непростое, наша бюрократия непобедима... А пока – советую вам по-тихому сворачивать свои отношения с музыкантами. Как бы в беду не попасть, не накликать её.

– Витя, друг мой любезный и сосед нерушимый, – сказал с пафосом Иван Семёнович. – Дело говорит Костя. Гаси долги по заказам и сворачивайся... И чем быстрее, тем лучше. Будем ждать других времён. Может, Константину повезёт с потребительской кооперацией, может, клюнут они на такой музыкальный товар? И как ты воспринял весь наш разговор?

– Всё по делу. Придётся брать отпуск и самому развезти последние заказы. Благо, машина бежит, выручит, надеюсь. Ведь не «теневого же цеха» мне открывать? Тут уж точно лет на десять можно загнать под фанфары...

Аверь в тёплую веранду, где сидели мужчины, с грохотом открылась, на пороге стояла Маша с барабанной палочкой в каждой руке. За ней вышала мощная фигура Софьи Михайловны с улыбающейся физиономией. Она воскликнула:

– Удивим наших мужчин, Машуля! Три-четыре, начали! – Дочь Константина ударила по поверхности барабана, зазвучала знакомая с пионерских времён песенка-считалка: «Старый барабанщик! Старый барабанщик...» Слова, видимо, для дочери пока были ещё труднопроизносимы, плохо она выговаривала букву «Р», путалась в шипящих звуках. Но зато так точно и громко била по детскому барабану, принадлежавшему студенту Леониду, уехавшему в Сибирь, что мужчины невольно залюбовались девочкой.

– Так, все встаём в круг и начинаем движение по часовой стрелке, под барабанную дробь, – командовала бабушка Соня. – Кто не исполнит команду, останется и без ужина, и без горилки. Давай дочка, давай моя золотая девочка!

По полу из дубового паркета ходили трое мужчин, кривляясь и дурачась, словно дети. Первым шёл Константин, держа высоко в руке инвалидную палку с головой льва вместо ручки. А барабанные палочки в руках девочки отсчитывали, наверное, новое время...

Привет из северного Калотта

Живы или нет участники этих событий, вопрос непростой. Прошло более сорока лет со дня той встречи народов Севера, первая из которых состоялась ещё в 1962 году. Своё название она получила от слова «калотта» – шапочка. Такую своеобразную «полярную шапочку» образовывали северные провинции Норвегии, Финляндии, Швеции, сюда же входили Мурманская, Архангельская области, ряд других территорий СССР. (Люди, живущие там, отличаются своей выдержанностью, может быть, даже некоторой наивностью, они как будто хотели показать всему миру, что можно жить дружно, встречаться для решения общих проблем и вместе их преодолевать) – так писала в то время газета «Комсомольская правда».

Накануне отъезда, уже ночью, Кузьмин нашёл в кухонном шкафу две жестяные банки с растворимым кофе и аккуратно высыпал его в супницу. Тщательно промыв ёмкости, влил туда почти две бутылки водки «Столичная». Крышки буквально навинтил на ёмкости и стоял в раздумье: надо ли обматывать их клейкой лентой. На кухню вошла жена, сказала, что дочь наконец-то уснула и только после этого с удивлением посмотрела на мужа и спросила:

– Не поняла, что ты делаешь? А где наш кофе? Он нам с таким трудом достаётся...

– Не переживай: как варили, так и будем варить в турке. А хранить можно, где угодно... Водку мне поручили разлить по банкам члены делегации. Опытные, из райкома партии, они сто раз бывали за границей, сказали, что официально разрешено провозить всего две бутылки на человека. Но их дарят, как правило, в первый день визита. А что делать потом с гостями, забежавшими неофициально, чем их угощать? Большой вопрос. Вот и придумали, как через таможенную, на всякий случай, если будут досматривать, провезти нашу водочку...

– Господи, Дима, ты заговорил, как настоящий алкоголик.

– Да я-то тут при чём?! Ведь коллектив может пострадать... А так каждый из мужиков прихватит пару банок с собой, вот будем и коротать время, и встречать неожиданных гостей. Поняла, дурочка ты моя, специалист высшей категории.

– Ну, не знаю – не знаю. Хотя слышала, что финны могут здорово загудеть, не хуже наших мужиков. Но это, говорят, их традиционная беда. Может, потому, что долго жили вместе с нами, ха-ха-хихи, – тоненько засмеялась жена, чтобы не разбудить дочь, плохо засыпавшую последнее время. Она сталкивалась с жизнью и бытом коренных северян-саамов: в поселковой школе, где училась, было несколько детей из семей оленеводов. А те, в свою очередь, не смущаясь, говорили, что финны – им ближе всех по родословной линии. Но в отличие от соседей местные саамы почти не пили крепких напитков.

– Время отъезда остаётся прежним? – Спросила жена, начав готовить чайник к заварке. – Давай пройдемся по списку покупок...

– Да, боже ж ты мой, я всё помню. Только не знаю, будет ли свободное время и как его найти?

– А ты не лезь на трибуну, журналист должен смотреть и записывать впечатления...

– Спасибо за совет, Константин ты мой, Симонов... Кстати, в редакции начали читать его дневники, потрясающе откровенные. А зачем ты чайник завариваешь, ночь на дворе?

– Так для утра стараюсь, чтобы не спеша посидеть с тобой за чашкой чая. Автобус от обкома пойдёт?

– Но по нашей улице, обещали подобрать меня по пути.

— Ну вот, и областная газета объявилась... – Сказал каким-то надтреснутым голосом толстый мужчина в роговых очках. – Если не ошибаюсь, Кузьмин Дмитрий Степаныч пожаловал к нам? А почему не от обкома садитесь в автобус?

– Так всё равно по этой дороге едем. Другой-то нет... – Кузьмин заулыбался, увидев в салоне старых знакомых: молодёжного лидера области и секретаря райкома партии, с которыми познакомился на предварительной встрече делегации, и те посоветовали ему «зарядить» кофейные банки водкой.

– Товарищ Швыдкой, не будьте бюрократам, – негромко сказал партсекретарь, – это я посоветовал товарищу Кузьмину ждать нас у своего дома. Проходите Дмитрий, у нас тут место свободное имеется... Вы кассеты взяли?

– Кассеты? Какие? А, – догадался, наконец, Дмитрий, о чём спрашивает парторг, – конечно, взял.

Трое мужчин, двоих из которых журналист уже знал, восседали на сиденьях, развёрнутых друг к другу. Когда он уложил небольшой чемодан из мягкой тёмно-жёлтой кожи на заднее сиденье, оказавшееся почему-то полностью свободным, и оставил у ног только походный кофр с фотоаппаратурой, молодёжный лидер первым пожал ему руку, сказав:

– С прибытием! Николая Николаевича (Ник Ника) ты уже знаешь, – он показал на партийного секретаря, – участник войны, райком возглавляет почти десять лет. Меня зовут Григорий. А вот рядом с тобой восседает такой большой человек, что мне страшно говорить о нём... Это герой соцтруда, депутат, бригадир лучшей бригады порта – Павел Чельшев. Добавлю лишь: рост – за два метра, вес – под сто сорок кг. Ударом кулака может свалить быка... – И первым рассмеялся своей шутке.

Его улыбкой поддержал Ник Ник, и тут же по салону разнёсся громозвучный смех самого Павла. Перестав смеяться, он сказал:

– Про быка – не знаю, родился в городе. А вот подковы приходилось разгибать. Как-нибудь покажу...

Автобус давно выехал за черту города, набрал скорость, в салоне гудели вентиляторы, из радиоприёмника в отсеке у водителя лилась хорошая джазовая музыка. Голые скальные сопки отошли вглубь материка, им на смену пришли зелёные, уже можно сказать пологие, но всё ещё высокие холмы, поросшие сосной и берёзой. Сюда горожане обожают приезжать за грибами: в удачный сезон корзину подосиновиков на два ведра можно было набрать, максимум, за час. Слева от дорожного полотна то и дело сверкали солнечными бликами небольшие озёрные чаши, без впадающих в них

ручьёв и речек, как будто сама земля поила их водой. Справа – сквозь лесные заросли иногда прорисовывалось полотно скоростной железной дороги, буквально утыканное вокзальными и сортировочными станциями.

Примерно через час пути, а всего до переходного погранпункта предстояло ехать не меньше пяти часов, Ник Ник, выслушав для знакомства соседей, коротко и без эмоций рассказал о себе и предложил откусить, чем бог послал. Все посмотрели на Дмитрия, тот понял, что от него хотят попутчики, открыл кофр и достал банку из-под кофе, установленную в специальном кармашке в строго вертикальном положении. Особенность этого кофра была такова: он «правильно» стоит только в одном положении – вертикальном. Жёлтый чемодан с заднего сиденья переключался на колени мужчин, на него положили газету и стали раскладывать еду, приготовленную жёнами для мужей в дорогу. Григорий приступил к вскрытию кофейной банки.

– Неправильный шаг, – сказал Ник Ник, – этим должен заняться хозяин. Он упаковывал банку, знает, как её открыть...

Дмитрий подцепил ногтем изоляционную ленту, снял её с крышки банки и попросил перочинный нож. Секунда, и крышка открылась, он передал банку Григорию. Тот поднёс её к носу, втянул воздух, сказал:

– Никогда не пил кофейную водку. Офигеть можно...

Раскладных охотничьих стаканчиков было всего два, приходилось дожидаться своей очереди, но это не портило настроения. Тост от Ник Ника, по старшинству, был традиционный: за знакомство и дружбу, которая нас всегда выручает и даже спасает. Тост Григория был со смыслом: мол, нас можно положить с проституткой в постель, но утром, уходя, мы ей всё равно скажем: «А коммунизм мы построим!» Когда Дмитрий сделал первый и довольно большой глоток светло-коричневой жидкости, спазм перехватил ему горло: резкий вкус водки никак не сочетался с запахом и вкусом кофе. Все смотрели на него, и он, найдя мужество и силы, допил до конца стаканчик этой гремучей смеси. А тост его был о войне, о наших солдатах, которые лупили финнов и спокойно раздолбали «неприступную линию Маннергейма». Павел сказал два слова о том, как он рад видеть всех и как будет любить таких товарищей всю оставшуюся жизнь.

Пришлось доставать из НЗ вторую банку, шутя-шутя, а с остановками и разговорами было выпито почти по полбутылки водки на человека. Правда, ели хорошо: бутерброды с икрой, лососевой рыбой, пирожки с мясом, отдельно – с луком и яйцами, кусочки домашнего торта. Видимо, это позволило всей компании, без исключения, держать марку людей, лишь слегка повеселевших после общения. Григорий сказал: «Жаль, не знал, что в партийной газете есть такие отличные парни, давно бы взял тебя, Дмитрий, на работу в молодёжную газету». Ник Ник вмешался в разговор: «И сейчас не поздно, вернёмся, рассмотрим этот вопрос приватно. Кто тебе может запретить?» А Павел пригласил всех съездить на их портовскую турбазу, сказал, что сёмгу от трёх до пяти кило он гарантирует на каждый заброс рыболовной снасти.

Почти на самой границе с соседями автобус остановился в лесном массиве, где у финнов в разработке были делянки. Поразили их техника, порядок и чистота на лесных вырубках, порадовали дружелюбие и радушие соседей. Кстати, многие лесорубы неплохо говорили по-русски, просили на обмен значки и мелкие сувениры. Дмитрию досталась яркая фигурка Йоулупукки, нынешнего финского деда мороза, который постоянно живёт в

горах Лапландии. А всего-то век назад он назывался «Рождественским козлом» и разносил детям подарки на Рождество Христово.

На погранпереходе автобус простоял не больше десяти минут: похоже, официальные делегации такого уровня вообще не досматривались ни таможенниками, ни пограничниками. Подоспел обед, по приглашению местных финских властей поели в небольшом городке, на полпути к центру провинции – Рованиеме. Всё было чинно-мирно, с супами-пюре, запечённой рыбой и брусничным морсом, без алкоголя и даже без пива. Отдыхали приехавшие в уютных одноэтажных домиках, в комнатах на двоих с собственными кухнями и сверкающими белизной плиток ванными комнатами. Вечером – танцы в зале приёмов местной мэрии, но совсем рано, вроде бы по северному обычаю, да плюс с учётом длинной дороги, их уложили спать. Правда, они успели познакомиться с переводчицей, милой белокурой финской девушкой, на вид лет двадцати пяти, без обручального кольца на левой руке. Её звали – Хелка, что в переводе, как выяснил журналист, означает Успешная.

Центр провинции – Рованиеме, небольшой по меркам любой более-менее крупной страны городок, меньше ста тысяч населения которого проживает в постройках коттеджного типа. Но было много и не очень высоких, 2-3-этажных домов, где жили по несколько семей, естественно, со всеми удобствами, во дворах – гаражи для машин. У Хелки Дмитрий узнал, что в городе давным-давно открыта православная церковь святого апостола Андрея Первозванного, вот он и решил зайти туда, чтобы выяснить: откуда именно здесь более тысячи православных верующих собираются на богослужения. И, конечно, многих из делегации поразил местный колорит: объединение в один комплекс муниципалитета и городской библиотеки. Посетители учреждения могли не только получить все услуги, связанные с чтением книг, организацией культуры и досуга, но и одновременно решить свои повседневные жилищные и хозяйственные проблемы.

Дмитрия поселили вместе с Павлом в двухкомнатном номере отеля, и тот сам предложил ему выбрать комнату и право первому занимать ванную, сказав: «Я моюсь, как тюлень, утонешь после меня в брызгах...» Он, оказывается, умел нормально и разговаривать, и даже смеяться обычным голосом, видимо, просто немного перевозбуждается в компаниях. Героя труда он получил не так давно, пока ещё не привык к ношению звёздочки, рассказал журналисту, что у него есть два дубликата награды из латуни, так, на всякий случай (не дай бог, потеряется). В морском порту, где он трудится, когда-то работал его отец, ныне пенсионер, младший брат и его жена, оба закончив техникум, служат там же диспетчерами, вот скоро, наверное, поедут в Ливию, где огромный грузооборот, нашей продукции поступает туда на миллиарды рублей. А у него самого, у Павла, сын и дочка – школьники, жена временно не работает, так уж случилось, из-за болезни. Закончил он свой рассказ словами:

– На жизнь хватает, государство мне хорошо помогает, только работай... Вот и пашу, как папа Карло, так говорит мой учёный брат. А по поводу водки в кофейных банках – ты не обижайся. Это ребята тебя разыграли, чтоб не скучно было ехать. Да и на тебя им хотелось посмотреть, чего ты

стоишь в мужской компании... Но испытание ты прошёл на «отлично», точно знаю, Ник Ник сказал. Имей в виду, он – надёжный человек, фронтовик, народ его любит, в нашем порту каждый хочет с ним за руку поздороваться. А с Григорием – воспринимай всё ровно наполовину, быстро карьеру делает, может сбоку оставить, даже и не заметит...

Дмитрий, честно сказать, обиделся на этих чёртовых функционеров, которые его разыграли, но не настолько, чтобы порвать с ними всякие отношения. «Водку пили вместе. И школа, пригодится в жизни...» – Подвёл он для себя итоги этого урока. Он не сталкивался, кроме как по работе в газете, с жизнью комсомольских или, тем более, партийных чиновников. Видал их поближе только тогда, когда в составе бригад работал на выборных конференциях, правда, на банкеты его не приглашали да и некогда было: типография ждала выхода газеты в свет, чтобы многотысячный тираж развезти на самолёты местной авиации, поезда и спецмашины и чтобы как можно скорее доставить его в города и сёла, разложить для читателей на прилавках киосков «Союзпечать».

После торжественного открытия встречи, на которую приехали высокие гости из скандинавских стран, а также первые лица ряда северных областей из СССР (как они добирались и на чём, никто не знал, поговаривали, вертолётчики доставили их), после длинных интервью руководителей для местного и центрального телевидения все пошли на фуршет, к доброй сотне «шведских столов». Дмитрий поработал от души, побеседовал с рядовыми участниками форума, сфотографировал их, встретился с настоятелем русской православной церкви (встречу помогли организовать Ник Ник и Хелка). Правда, парторг уточнил: это – инициатива журналиста и вся ответственность лежит на нём. О какой ответственности он говорил, было непонятно: в провинции проживало много русских семей, разговаривающих дома только на родном для них языке, и все они оставались православными.

На концерт и танцы некоторые гости не пошли, решили погулять по городу, проветриться. Григорий подошёл к журналисту, сказал, что хотел бы с ним поговорить наедине. «Вот выпало поручение: проводить Хелку до дома, а заодно обсудим наши будущие дела...» – Голос был тихим, чтобы не привлекать внимания посторонних. Дмитрий кивнул, забросил кофр на плечо, показывая свою полную готовность к походу. Заканчивалось полярное лето, длившееся два месяца, когда солнце почти не заходило за поросшие лесом сопки, снова и снова извещая жителей о том, что световой день продолжается. Шли берегом небольшого ручья, впадающего в черте города в реку.

– У нас ловят рыбу или с импровизированной набережной, или прямо из домов, стоящих на берегу, – сказала девушка и рассмеялась приятным грудным смехом.

Помолчали, Григорий был озабочен своими проблемами, беседу не поддерживал.

– Вы местная? – Спросил Дмитрий Хелку, решив включиться в разговор.

– Нет. Закончила в Хельсинки университет, приехала сюда преподавать русскую литературу и язык, но возникли проблемы с набором слушателей... Вот так и переключилась на работу переводчиком. У нас здесь небольшой штат, приходится на такие массовые мероприятия набирать дополнительное количество переводчиков. Ищем их даже в семьях, но там, как правило, чисто разговорники. Помогают и очень хорошо переселенцы...

– Дима, брать интервью будешь потом, – вдруг включился в разговор Григорий, – что ты замучил девушку? Послушай сюда... Мы приглашены в гости. Так, Хелка? Так, спасибо, за приглашение. А подарка у нас нет. Надо зайти в магазин и что-нибудь купить. Да плюс о вине не стоит забывать...

– Слушайте, ребята, – перебила его девушка. – Если я вас пригласила, то у меня всё есть для гостей. А о подарке подумаете позже, у вас ещё официальный выход в магазины планируется, там цены будут снижены специально для вас, ха-ха-хих, – засмеялась она, выдавая великую тайну.

– Ну, хорошо, – смирился Григорий, – мы, кажется, подходим к дому...

Дмитрий не увлекался романами о разведчиках, но тут явно среагировал: «Откуда он знает дом Хелки? – Подумал он. – Ни фиги себе. Я никуда не вляпаюсь, глядя на белые ночи?»

Дом был двухэтажный, кирпичный, покрытый светло-серой краской, с двумя подъездами по бокам. Окна – из одной рамы, но с двойными стёклами, видимо, герметичные, сделанные по-зимнему варианту. Поднялись на второй этаж, на площадке – две двери, девушка открыла одну из них. Дмитрия удивило то, что следом за маленькой прихожей располагалась кухня с большой плитой и вытяжкой на потолке. По стенам, в круговую, шли двери, штук пять, не меньше. Хелка по очереди стала их открывать: приличных размеров зал со столом и десятком стульев сменила большая спальня с огромной кроватью и шкафом во всю стену, затем шёл кабинет с массивным письменным столом, телевизором и аудиосистемой. Таких современных колонок журналист не видел даже у руководства своей газеты. За последней дверью – открылась современная ванная с душем, туалетом и биде.

– Проходите в зал, руки помоем перед ужином, – сказала Хелка. – Я буду немного занята, можете включить телевизор или послушайте музыку...

Когда они остались одни, Григорий посмотрел на Дмитрия каким-то незнакомым, странным взглядом, заговорил с паузами:

– Сейчас я принесу вина и лёгкой закуски. Ты посиди, послушай музыку, я включу, не волнуйся... А я уйду на полчаса, подождёшь меня, без нервов. С Хелкой мы дружим давно, встречаемся на всяких мероприятиях несколько раз в году... В общем, через час мы будем ужинать. Хорошо? И о твоём будущем подумаем. Мне всё равно надо менять редактора молодёжки, там старик уже, всем мОзги запарил... – Напор в голосе был такой, что Дмитрий решил промолчать, не задавать лишних вопросов. Правда, успел подумать: «Вот зачем я ему понадобился. Ширма нужна. Ах ты, соколик...» Была, правда, мысль: «Вот встану и уйду сейчас же. Благо, дорогу в отель знаю, не потеряюсь». Но в это время в дверь зашла Хелка, внесла поднос с бутылкой вина, несколькими яблоками, бутербродами с икрой и рыбой. Сказала:

– Григорий сейчас в ванной, но просил принести сюда вина и закуски... Так по-русски будет правильно звучать эта фраза? А я уже разогреваю ужин. Но всё равно: приятного аппетита.

– До встречи, – сорвалось у Дмитрия с языка. – Ужин – это замечательно. Буду ждать...

Звучали волшебные аккорды Токкаты и фуги ре минор Баха. Дмитрий от усталости в столь трудный день почти уснул, когда его заставил вздрогнуть сильный стук в дверь квартиры. Видимо, кто-то не смог дозвониться и решил применить силу кулака. Он вышел сначала в кухню, стук в дверь повторился. Он буквально на автомате открыл её.

– Я же вам говорил, товарищ Швыдкой... Здесь журналист Кузьмин, – раздражённо, буквально выкрикнул Ник Ник, когда увидел в дверях Дмитрия. – Вы не видели Григория в последние два часа? – Спросил он, не глядя тому в глаза.

– Нет, не видел после банкета. А мы – переводим некоторых участников форума с финского на русский, нужен подстрочник...

– А это что? Бах звучит?

– Да. Под музыку легче работается...

– Успешной работы. – Сказал Ник Ник и крепко пожал протянутую журналистом руку. – Материал будете сдавать срочно?

– Да, прямо в номер.

Ник Ник взял под локоть солидного мужчину в очках, того самого, который приставал к журналисту в автобусе, и повёл к лестнице. Дмитрий услышал концовку фразы:

– Что, что я доложу первому? Что? Где мы будем его искать?

– Зачем искать? У всех свободное время, к отбою он сам придёт в гостиницу... – Голос парторга был уже невозмутим и спокоен.

Редактор молодёжной газеты готовил к публикации отчёт с очередного праздника северного Калотта, который только что закончился в Швеции. Корреспондент рассказала ему эпизод о том, как ей повезло с переводчиком финского языка по имени Хелка, в чьей стране когда-то тоже проходило заседание Колотты. Та умело и точно переводила финского гостя, а потом передала привет русскому журналисту Дмитрию, фамилию которого она, к сожалению, так и не вспомнила.

– Его фамилия Кузьмин, – продолжила рассказ журналистка, готовившая отчёт. – А зовут – Дмитрий. Я нашла его корреспонденцию в партийной газете... Не знаете такого? – Заулыбалась она, глядя на редактора.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 13 книг стихотворений. Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века» и медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!» и др. Лауреат премий МОО СП России им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Московии». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

Любви огонь безбрежный

Я вижу рай...

Я вижу рай земли обетованной,
Где доброта вошла в сердца людские,
Встаю с зарёй, чтоб встретить день желанный –
Найти тот край, где души золотые.
Сияет солнце яркою жар-птицей –
Хочу, прозрев, внимать Господним знакам,
Через преграды мрачных туч пробиться,
И просветлеть своим духовным зраком.
Во мне горит огонь воображенья,
Сжигая неуверенность надеждой –
Во снах ловлю я Божье откровенье,
И жду зари – любви огонь безбрежный.

Стихи для любимой

Мне нравится шорох инея,
Когда иду по промёрзшей траве –
Вживаюсь в небо предзимнее,
Слушая шёпот любви в синеве.
Это не ветра дыхание
Со мной говорит, по-свойски шутя –
Сердца огня полыхание
Песни поёт, кровь по кругу вертя...
Бьётся бессонно, безвременно
С молитвенным зовом тонкой души –
К небу лазурному трепетно:
«Стихи для любимой мне нашурши!..»

СЕРГЕЙ ГАЗИН

Фея

Элле

Явилась ко мне фея
Под звуки клавесина –
Сошла с небес, вестимо,
На аромат кофея.
Она спустилась тихо
На крылышках лучистых...
Как жаль, исчезла быстро,
Хотя и не трусиха.
Сбежала от Кощея
Она из старой сказки,
Пока он в дикой пляске
О ней забыл, пьянея...
В мой сон в час откровенья
Вошла из любопытства –
И, вспыхнув, словно искра,
Зажгла стихотворенье!
И прям из сна – оттуда
Она, взлетев Жар-птицей,
Моей предстала чтицей!
О, это ли не чудо?!

Во вселенской тишине

Где стихи и акварели –
Там поют виолончели
Во Вселенской тишине...
Знать, почти глухой Бетховен
Слышал ток реки верховья
Наяву, а не во сне.
И шедевры из Симфоний
Пополняли мир мелодий,
Что звучат у нас в сердцах...
Он романтик ясноликий,
Не глухим, – в веках великим
Принят был на небесах!

ПРОЗА

Кукушка

Ранняя осень 1914 года. Восточная Галиция. Части Юго-западного фронта продолжают наступление против австро-венгерских армий.

Корнет Трубецкой вынул из кармана своих кавалерийских шароваров серебряные часы. Открыл крышку. Стрелки показывали 10 часов 47 минут.

Уже почти час гусарский полк стоял в узкой долине, ожидая белой ракеты, которая означала сигнал к атаке на вражеские позиции, которые были где-то там впереди.

Справа тянулся скат холма, покрытый красивым лесом, окрасившимся уже в жёлтые, красные и коричневые цвета.

На левом фланге, вплотную с гусарами, стоял кубанский казачий полк.

Трубецкой задрал голову и стал наблюдать за маленькими облаками, медленно ползущими по синему небу. Затем перевёл взгляд на казаков в ярких, непривычных для него, мундирах. В сиреневых черкесках с газырями и наборными поясами, чёрными шароварами с малиновыми лампасами. На головах, несмотря на тёплую погоду, низкие папахи с малиновым верхом. У каждого на поясе, кроме шашки, в ножнах виднелись рукоятки кинжалов.

Корнет Александр Трубецкой, командир второго взвода первого эскадрона в прошлом году выпустился из Николаевского кавалерийского училища. Скоро, совсем скоро, он вступит в свой первый бой. Сначала Александр нервничал. Внутри живота у него появилась даже какая-то странная мелкая дрожь, которая потом сменилась на безразличную усталость. «Быстрее бы! Сколько можно стоять? Лошади тоже утомились».

Летела паутина и липко цеплялась за гусарские фуражки. Стояла тишина, в которой слышалось только, как фыркали кони. «Быстрее бы!»

— Дивись ты! Павутина лётае да лётае! — вдруг донеслось из казачьих рядов.

Сергей ГОРБАТЫХ

Сергей Анатольевич Горбатов — родился в 1959 г. в городе Новороссийске. Учился в Ростове, Горьком, Москве. Долгое время работал в Ростовском речном училище. С 1998 г. живёт в Буэнос-Айресе.

СЕРГЕЙ ГОРБАТЫХ

— Молчать!

И вновь тишина.

«Сколько ещё ждать? Может атаки сегодня и не будет? Чего тянут?» — вздохнул Трубецкой.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! — послышалось из леса.

— Кукушка разошлась! Вот стервь! — сзади тихо произнёс вахмистр Попов. — Не к добру! Ох, не к добру!

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

В синеве неба вдруг появилась белая ракета.

От неожиданности Александр вздрогнул, потом резким движением вынул свою шашку из ножен.

— Вжик! — пропел стальной клинок.

— Вжик! Вжик! Вжик! — послышалось со всех сторон.

— Вперёд! — раздался громкий крик командира эскадрона ротмистра Родионова.

— Ай! Ай! Айда! Гайда! Ай-да-да-да! — кубанцы уже рванули с места. Припадая к шеем своих коней, они страшно и громко свистели и орали. — Ай! Ай! Гайда-да-да-да!

Обогнав гусарский полк, они рассыпались на левом фланге в лаву и галопом летели на вражеские позиции.

Вахмистр Попов обогнал Трубецкого и находился справа.

— «Янтарь», давай! Давай родимый! — Александр ударил шпорами своего жеребца. — Не отставай, «Янтарь»!

В тумане пыли, поднимаемой конскими копытами, Трубецкой видел только силуэты в гусарских мундирах.

Наездники молчали. Хрипели лошади, роняя на землю белую пену из своих ртов.

— Та-та-та-та -та! — раздалось впереди.

— Та-та-та-та! — это уже справа.

«Австрийские пулемёты!» — догадался Трубецкой.

Впереди начали падать лошади вместе с всадниками. Вокруг пыль, ржание лошадей, людские крики...

— «Янтарь», быстрее! Быстрее! — Александр с силой всадил шпоры в коня.

Среди гусарских мундиров появились казачьи черкески. Всё смешалось...

— Та-та-та-та! — казалось, что пулемёт совсем рядом. — Та-та-та-та...

«Янтарь» вдруг споткнулся, перешёл на шаг, а потом стал медленно заваливаться на правый бок.

Трубецкой быстрым движением вырвал носки сапог из стремян и сильно наклонился влево. Упал на землю, сильно ударившись спиной. Вскочил на ноги.

«Янтарь» весь залитый кровью бился в агонии.

«Пристрелить, чтобы не мучился!» — мелькнула мысль у Александра.

Он хотел вынуть из кобуры револьвер, но правая рука ему не подчинилась. Трубецкой не мог сделать ею ни одного движения! Только сейчас он заметил, что из рукава мундира обильно течёт кровь, а потом почувствовал очень сильную боль.

— А-а-а-а! — застонал Александр.

Он хотел достать револьвер левой рукой, но она, как чужая, безжизненно висела плетью. Ни боли, ни крови... Пальцы не шевелились, рука в локте не сгибалась.

«Перевязать себя не смогу. Умру от потери крови. Нужно идти назад! Там в лесу штаб, санитарный обоз... Быстрее! Как можно быстрее!»

Трубецкой быстрым шагом пошёл туда, откуда начиналась атака. Ножны мешали. Путались под ногами. Раза два он едва не упал. В голове засела только одна мысль «Назад! Быстрее! Быстрее! Истеку кровью»!

По ладони правой руки скатывалась струйка горячей крови и капала на землю.

«Быстрее! Быстрее!»

– Ваше благородие, пидсобыть! Ваше благородие, – Трубецкой вдруг услышал совсем рядом, незнакомый голос.

Он поднял голову. Справа, в шагах десяти, прислонившись спиной о круп убитого коня, на земле сидел казак. На малиновых погонах желтели нашивки. От его чёрных шароваров и нательного белья остались только короткие верхние части. Голые ноги от колен до самых сапог были забинтованы.

Корнет бросился к нему.

– Приказный, ты сначала мне руки перебинтуй! Кровью исхожу. Руки не шевелятся...

– Ваш благородь, у меня индивидуального пакета нету! На себя изтратил. Ноги мне перебило, не ходют... – виноватым тоном, оправдываясь, произнёс казак.

– У меня есть! В планшете! – Трубецкой стал перед приказным на колени, для того, чтобы тот смог дотянуться до его рук.

– К мене прытулитесь, ваш благородь! – попросил тот. – Так сподручнее будэ!

Казак быстро расстегнул планшет и вынул бинты.

– Попэрвах отрезать трэба! – он одним движением вынул из ножен свой кинжал и быстро отрезал у корнета рукава кителя и нижней рубахи.

– Из дырки хлещет! – тихо произнёс казак, ловко бинтуя правое предплечье Трубецкого. – Готово! А на другой руке малэнько крови. Две дырки! Ты дывысь! Наскрозь пули прошли. Наскрозь! Дырки е, а крови нема! Готово, ваш благородь!

Только сейчас Александр рассмотрел лицо приказного. Тот наверное был года на три старше его. Усталые тёмные глаза, чуб каштанового цвета, выбивающийся из-под папахи, усы скобкой, нос с горбинкой...

– Спасибо тебе, приказный! Теперь пойдём! – почти бодро произнёс Трубецкой.

– Так якже мы пидэм, ваш благородь? У менэ ноги не ходют. Чи перэбили их, чи ...

– Я сейчас повернусь к тебе спиной. Ты уцепишься за мои плечи. Я встану с колен и пойдём. Я буду конём, а ты всадником. По-другому никак, – объяснил корнет. – Ты мою шашку к себе на пояс пристегни! Негоже офицеру без шашки!

– Я поняв, ваш благородь! – улыбнулся казак.

Приказный, несмотря на свою худобу и невысокий рост, оказался довольно тяжёлым. Трубецкой с трудом поднялся с казаком на спине с колен и медленно зашагал.

– Ноги можешь поджать? – спросил Александр.

– Пиджать? Могу! Они не ходют, но стгибаются, ваш благородь!

– Так давай согни свои ноги и крепко держись ими за мои бёдра! Руками – за грудь! Не за лоб, а то ты мне голову оторвёшь! За грудь! – объяснил Трубецкой.

– Щас зроблю, ваш благородь! – быстро отозвался приказный.

Идти стало легче. Где-то далеко сзади слышался шум боя.

«Интересно прорвали мы австрийскую оборону или нет? Думаю, что прорвали! Куда австриякам против нашей конницы», – подумалось Трубецкому.

– Ваше благородие, я вже думал шо мени лабэць пришёв! – тихо засмеялся приказный, – а тута вы идёте.

– Что значит лабэць? – не понял Трубецкой.

– Конец по нашему значит! Ведь у нас в кубанских станицах не говорят, а балакают. Язык наш так и зовётся – балачка, – охотно пояснил приказный.

– Ух ты! Не знал! – искренне удивился корнет. – Почему замолчал? Рассказывай о себе что-нибудь!

– Звать меня Куница Василий. Родом я из станицы Старонижестеблиевской, – начал приказный. Есть у меня гарна жинка. Одарка. Дарья значит. Е доця. Малэнька щэ. Живём мы добрэ...

Казак пытался говорить правильно, но срывался на родную балачку, и от этого его смешанная речь звучала необычно и очень красиво.

– Василий, у тебя вода есть? В горле пересохло, – перебил казака Трубецкой.

– А якже, ваш благородь!

Приказный вынул флягу, отвинтил крышку.

– Вы, ваш благородь, стойте! – попросил Куница.

Корнет остановился. Казак стал его поить. Вода была тёплой и почему-то пахла чабрецом.

– Хватит! Спасибо! Пошли далее! – сказал Трубецкой и медленно, покачиваясь, зашагал.

Было жарко. Яркие солнечные лучи слепили его. Александр старался смотреть вниз, на землю.

Его лоб стал мокрым. Крупные капли пота потекли по лицу, попадая в глаза.

– Василий, у тебя носовой платок есть? – морщась, поинтересовался Трубецкой.

– А якже, ваше благородие! Есть у менэ утирка! Чистая! Вы взмокрилы. Щас я вам лицо и очи вытру.

– Глаза не нужно! Лоб вытирай! – попросил корнет.

Приказный левой рукой держался за грудь офицера, а правой промокал его лоб носовым платком.

Трубецкой чувствовал, как уходили его силы. Ноги стали тяжёлыми, «свинцовыми». Шаги делались всё короче и короче. Хотелось остановиться, упасть на землю, а потом долго лежать на спине и бездумно смотреть на синее небо.

– У нас в станице ерик е, так там сазаны в три аршина водятся. А сомы! Сомы в два пуда бывают, – рассказывал Куница.

– Приказный, сколько мы прошли? – едва прошептал корнет.

– Версты полторы отмахалы... Нэбогато ще осталось. Втомылысь вы уже, ваш благородь. Отдышка у вас. Продых нужен вам, ваш благородь, – жалобно вздыхая, произнёс казак.

– Никакого продыха... Идём... – едва прошептал Трубецкой.

Перед его глазами появилась пелена. Она становилась плотнее и плотнее. Корнет уже ничего не видел. «Может, и правда отдохнуть? Нет! Нельзя! Если я остановлюсь и сяду на землю, то уже больше уже не смогу встать. Тогда мы здесь останемся... Возможно, навсегда... Надо идти! Только вперёд!»

Трубецкой уже почти не шёл, а лишь топтался на месте. Вдруг у него закружилась голова, и он начал медленно оседать. Последнее, что корнет услышал перед тем, как потерять сознание, был крик Куницы:

– Ваш благородие! Нас побачили! Люди бегут! Бегут! Ваш благо...

– Стук! Тук! Тук! Так! – стучали колёса вагона на стыках рельсов.

Санитарный поезд шёл на восток. В одном из переполненных ранеными вагонов, на нижней полке сидел Трубецкой. В полевом госпитале ему вынули пулю из предплечья правой руки. Левая же продолжала безжизненно висеть вдоль тела.

– Корнет, две пули, одна в предплечье, а другая в кисти руки прошли навывлет, но, очевидно, разорвали ваши сухожилия. Их нужно сшивать. В условия полевого госпиталя мы таких операций не делаем, – кратко объяснил усталый хирург с красными от бессонницы глазами.

В вагоне стоял сильный запах крови, гноя, немытых человеческих тел и нечистот. Днём и ночью слышались крики, стоны раненых.

Пальцы правой руки у Александра шевелились, локоть сгибался. Однако донести ложку ко рту он не мог. Два раза в день его кормил жидкой кашей молодой санитар в грязном халате. Перед сном он поил корнета тёплым сладким чаем.

На короткой стоянке в Киеве Трубецкому сделали перевязку. Александр спал сидя. Не было мест. Он мечтал только об одном: быстрее выздороветь и вернуться в полк на фронт. Перед этим ему бы очень хотелось повидать маму. Хотя бы на несколько минут. Услышать родной голос, прижать её к себе.

Санитарный поезд иногда делал остановки для заправки паровоза водой и углём. Тогда же из всех вагонов выносили умерших и грузили их на телеги.

Пошёл слух, что поезд идёт на Москву. «Недолго осталось! Слава тебе Господи!» – прошептал пехотный поручик тоже раненый в обе руки, сидящий рядом с Трубецким.

Вот и Москва. Играл духовой оркестр. По платформе бегали гимназистки с цветами, и шёл митинг.

Выгрузили почти половину вагона.

– Остальные едут до Петрограда! – объявил начальник санитарного поезда.

«Вновь попаду в город, где учился в кадетском училище, а потом в Николаевском кавалерийском! – обрадовался Трубецкой. – Само Провидение ведёт меня туда!»

Раннее утро. Санитарный поезд остановился в Царском Селе.

– Трубецкой! Где находится корнет Трубецкой? – вдруг послышался чей-то незнакомый голос в коридоре.

«Меня спрашивают? Кто и зачем?», – Александр вышел из купе.

Навстречу шёл высокий полковник с повязкой красного цвета на левом рукаве кителя.

– Вы корнет Трубецкой? – обратился он к Александру.

– Так точно, господин полковник! – попытался бодро ответить Трубецкой.

– Корнет, мне приказано доставить вас в Лазарет Её Величества. Где ваши вещи?

Через полчаса автомобиль остановился напротив флигеля в парке.

Полковник помог Трубецкому выйти.

– Корнет, я должен сопроводить вас в перевязочную. Затем душ и размещение в палате.

– Благодарю вас, господин полковник! – растерянно ответил Александр.

В невероятно чистой перевязочной стояла тишина.

– Садитесь, господин корнет! – предложила ему высокая женщина в белой косынке и переднике с нашитым на нём красным крестом, показывая на стул. – Сейчас я промою вам раны и поменяю бинты. Когда буду снимать старые, возможно будет больно, но вы уж потерпите!

Высокая женщина говорила тихо, ласково и улыбалась. Рядом с ней стояли ещё две совсем юные сестры милосердия.

У всех очень знакомые ему лица. «Где-то я их уже видел? Где? – мучительно начал вспоминать Александр. – Господи! Господи! Так это же императрица Александра Фёдоровна! Молоденькие сёстры милосердия – Татьяна и Ольга – великие княжны! От меня же исходит дурной запах немытого тела и старых бинтов! Какой позор!»

Александра Фёдоровна разрешила влипший в рану бинт на правой руке, а потом ловким движением вырвала тампон.

Было больно, но Трубецкой закусил губу и не произнёс ни звука.

В палате, куда его поместили после перевязки, уже находились поручик лейб-уланского полка Малама и вольноопределяющийся Степунов.

Трубецкой вытянулся во весь рост на удобной кровати, застеленной свежими белоснежными простынями и мгновенно заснул.

– Корнет Трубецкой! Корнет Трубецкой! – Александр открыл глаза.

Перед ним стояла сестра милосердия.

– Вы меня простите, но уже час дня. Ваш завтрак! Я вам оставлю поднос. Приятного аппетита! – она улыбнулась и вышла из палаты.

Малама и Степунов уже завтракали.

– Едва не проспали, корнет! – весело хохотнул Малама. – Кормят здесь вкусно! Не отказывайтесь! Ха-ха!

В два часа в лазарет повалили посетители. В их палату вошли сразу шесть человек. Все они были родственниками и знакомыми Степунова. Ему принесли цветы, сласти и стопки книг.

После их ухода вольноопределяющийся немедленно предложил:

– Господа, всё что вы видите у меня на столике: конфеты, печенье, пирожные употребляйте! Кто сколько захочет! Прошу вас!

– А книги можно брать читать? – поинтересовался Трубецкой.

– Конечно! Не только можно, но и нужно! Так же вы можете заказать те книги, которые не успели прочитать или хотите это сделать. Я закажу! Ведь моя семья и друзья из Питера и навещают меня каждый день, – объяснил Степунов.

Трубецкой не хотел сластей, а вот книги... Они были его страстью.

– Благодарю! – вежливо ответил он.

В шесть часов принесли обед. В девять – вечерний чай, а затем потушили свет.

День в лазарете начался в семь часов утра. Всем померили температуру, затем – утренний туалет. Трубецкого умыл и побрил санитар Архип – здоровенный мужик, лет тридцати.

Затем подали утренний чай.

В восемь часов начала обход старший врач лазарета, хирург княжна Гедройц Вера Игнатьевна.

– Корнет Трубецкой, я вас жду без четверти одиннадцать в своём кабинете, – объявила она после осмотра его повязок.

– Слушаюсь! – вытянулся Александр перед хирургом.

Вид старшего врача лазарета ему внушал какой-то совсем непривычный трепет. Ведь Гедройц была высокой с широкими, как у мужчины плечами, сильными, совсем не женскими руками и очень строгим, некрасивым лицом.

В девять часов послышался сигнал автомобиля. Это приехала государыня с дочерьми Ольгой и Татьяной.

Комендант Лазарета Её Величества полковник Вильчковский встретил монарших особ рапортом. Весь персонал госпиталя выстроился в коридоре. Женщины прикладывались к руке императрицы, делая реверанс.

После чего Александра Фёдоровна совершила обход всех палат вместе с Ольгой и Татьяной, здороваясь с каждым раненым за руку, а затем ушла работать сестрой милосердия в перевязочную.

Ровно без четверти одиннадцать Александр уже сидел перед старшим врачом.

– Корнет Трубецкой, ваша правая рука эволюционирует после ранения довольно успешно. Вы уже можете начинать делать различные физические упражнения для восстановления её функций. Особенно я вам рекомендую стараться писать что-нибудь по несколько часов в день, также пальцами работать с мячиком для тенниса. Разгибать и сгибать локтевой сустав советую до ста раз, – строгим тоном объяснила Гедройц. – Что касается левой руки, то нужна операция по сшиванию порванных сухожилий. Её я вам сделаю на следующей неделе. Вы меня поняли? У вас, корнет Трубецкой, возникли какие-либо сомнения?

– Никак нет, Вера Игнатьевна! – бодро ответил Александр, несмотря на то, что у него была целая куча вопросов. «Гедройц – один из самых известных хирургов нашей империи. Я должен ей довериться и всё!» – решил он для себя.

В палате возле кровати поручика Маламы сидели великие княжны Ольга и Татьяна и беседовали с ним.

Трубецкой от неожиданности застыл возле двери, не зная как себя вести.

– Чего же вы остановились? – мило улыбнулась Ольга. – Проходите Александр!

Теперь она сидела на стуле возле кровати Трубецкого, а он сам, считая, что в присутствии монаршей особы не имеет права сидеть, стоял в двух шагах.

– Александр, откуда вы родом? – поинтересовалась Ольга.

– Из Нижнего Новгорода, Ваше Императорское Высочество!

– А кто ваши родители? Есть ли у вас сёстры и братья? – великая княжна вновь улыбнулась.

– Отец – полковник. Служит на Кавказе. Мама дома. Ждёт его и меня. Братьев и сестёр нет, – почти по военному доложил Трубецкой.

– А когда вы писали последнее письмо маме? – вдруг спросила Ольга.

– В первый день войны! – Трубецкой почувствовал, как краснеют его щёки.

– Александр, вы ранены в обе руки, если хотите, я от вашего имени напишу письмо маме? – предложила великая княжна. – Вам, наверное, это очень сложно сделать?

– Благодарю, ваше императорское высочество! Я могу писать правой рукой, – Трубецкой готов был провалиться под землю от стыда.

– Александр, вы не тушуйтесь! Если вам будет трудно писать, то я вам помогу, – Ольга вновь улыбнулась, показывая свои ровные белоснежные зубы.

– Благодарю вас, Ваше Императорское Высочество! – Трубецкой вытянулся по стойке смирно.

После ухода посетителей Александр попросил у одной из сестёр милосердия лист бумаги с карандашом и попытался писать.

Оказалось, что это было очень тяжело! Пальцы отказывались его слушаться. Буквы получались какими-то квадратными с сильным наклоном влево. Десять фраз Александр писал почти день. Затем он подписал конверт без указания обратного адреса. «Если мама узнает, что я ранен и нахожусь в госпитале, она немедленно приедет сюда! Эта новость и дорога нанесут удар по её и так больному сердцу. Маму я должен беречь!»

Трубецкой дал три рубля Архипу и попросил, по возможности, отправить в ближайшие дни это письмо из Петрограда.

– Сделаю, ваше благородие! – заверил его санитар.

– Корнет Трубецкой, завтра операция! – объявила ему старший врач Гедройц. – Как вы настроены?

– Я готов, Вера Игнатьевна!

– В этом я и не сомневалась. Хочу вас предупредить, корнет, что ассистировать мне будет сама государыня. Операция будет проводиться под эфирным наркозом, – хирург сделала паузу и посмотрела на Александра.

– Я готов, Вера Игнатьевна! – повторил Трубецкой.

– Хорошо! Хорошо! Только вы, корнет, должны знать, что эфир вам развяжет язык. Многие офицеры, прежде чем заснуть, говорят разную чушь, поют песни и даже непристойно выражаются. Прошу вас только об одном: молчать! – предупредила Гедройц.

– Вера Игнатьевна, я не пророню ни слова! – пообещал Александр...

После операции он пришёл в себя уже перед вечерним чаем.

В теле была слабость. В голове стоял лёгкий шум.

Возле его кровати сидела незнакомая сестра милосердия – пожилая женщина.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Хорошо! – ответил Трубецкой.

– Тогда я пойду телефонировать государыне во дворец. Она просила сразу же известить её о вашем самочувствии после того, как вы проснётесь! – сестра милосердия поднялась со стула и вышла из палаты.

– Корнет Трубецкой, вы просто молодец! Во время операции вы не издали даже лёгкого стога, – похвалила его на следующий день Гедройц. – Через несколько дней начнёте делать левой рукой самые лёгкие упражнения. Будем наблюдать...

Шли дни за днями. За окном уже лили холодные дожди. Голые кроны деревьев качались под порывами ветра...

В лазарете ничего не менялось. Всё шло по установленному распорядку.

Трубецкой запоем читал книги и разрабатывал деятельность рук. Правая уже полностью восстановила свою работоспособность, а вот с левой были проблемы. Трубецкой мог только лишь шевелить пальцами да слегка согнуть руку в локте, и всё.

– Будем наблюдать! Будем смотреть! – каждый раз повторяла ему Гедройц.

Одним серым утром в лазарете вдруг начался лёгкий шум. Забегали санитарки со швабрами и вёдрами. Сёстры милосердия облачились в новые ослепительно белые передники и косынки.

– Государь сейчас приедет! Это точно! – с уверенностью заметил поручик Малама.

Через час во двор въехал царский автомобиль.

– Я же сказал! – Малама вскочил со своей кровати и начал поправлять на ней одеяло.

Раненый в ногу Степунов продолжал лежать. Трубецкой спрятал книгу, которую читал, в свою тумбочку.

Резко отворилась дверь палаты, и в неё вбежал мальчик лет десяти в матросской форме.

– Здравствуйте, господа офицеры! – звонким голосом громко прокричал он, а затем поздоровался за руку со Маламой и Степуновым.

«Цесаревич Алексей!» – сразу же понял Александр.

– Это вы корнет Трубецкой! – спросил цесаревич, протягивая ему руку.

– Так точно, Ваше Императорское Высочество! – вытянулся перед наследником престола Александр.

– Папа мне рассказывал о вас! Это вы, будучи сам тяжело раненым, вынесли с поля боя раненого солдата? – цесаревич с любопытством смотрел на него своими необыкновенными красивыми глазами.

– Так точно, Ваше Императорское Высочество!

– А вам было тяжело нести на себя того раненого солдата? – Алексей даже задрал вверх свою голову, чтобы хорошо видеть лицо Трубецкого.

– Тяжело, Ваше Императорское Высочество! – признался Александр.

– Корнет, а сколько вёрст вы его несли? – красивые большие глаза цесаревича стали ещё больше.

– Я думаю, – начал отвечать Александр, и в этот момент в палату, дверь которой была открыта, неслышно вошёл государь.

Все замерли...

Император также поздоровался со всеми за руку. Затем поинтересовался самочувствием каждого.

– Вот вы какой, корнет Трубецкой! – государь с интересом рассматривал высокого Александра. – Мне доложили о вашем подвиге. Я горжусь, что в российской армии служат такие офицеры, как вы, корнет Трубецкой. Спасибо вам!

Александр окаменел. В палате стояла звенящая тишина. Только из коридора доносились чьи-то лёгкие шаги.

– Сергей Николаевич! – произнёс государь.

Из-за спины императора показался полковник Вильчковский с серебряным подносом в руках.

На нём лежал крест, покрытый белой эмалью на георгиевской ленте.

– Это ваш орден Святого Георгия четвёртой степени! – государь взял крест с подноса и прикрепил его к карману пижамной куртки Александра. – Благодарю вас, корнет!

– Рад стараться, Ваше Величество! – выдохнул растерявшийся Трубецкой.

Прошёл ещё месяц.

На очередном осмотре старший врач Гедройц долго и тщательно осматривала левую руку Трубецкого.

– Завтра на выписку, корнет! – почему-то тяжело вздохнула она.

– А в полк когда, Вера Игнатьевна? На фронт? – даже подскочил от неожиданности со стула Александр.

– Корнет, о чём вы? Какой фронт? На сегодняшний день вы являетесь инвалидом. Ваша левая рука так и не восстановилась, как положено. Думаю, что через несколько месяцев нужна будет ещё одна операция, – тихо объяснила ему хирург.

– Вера Игнатьевна, так я же... Так я же... Какой же я инвалид? – с ужасом в голосе шептал Трубецкой. – Какой же я инвалид...

В Нижнем Новгороде на привокзальной площади он взял извозчика.

Смеркалось. С реки дул холодный ветер, швыряя в лицо острые снежинки.

– Зябко! – поёжился Трубецкой.

– А как вы хотите, барин? Волга ведь уже стала... Зима наступает. Скоро пролётку свою на полозья буду ставить. – Степенно, напирая на букву «о», объяснил извозчик – пожилой бородатый мужик в старом тулупе.

Александр не узнавал города. Он был серым и пустынным. В окнах домов уже зажигались лампы. Повалил снег...

– Любезный, здесь останови! – попросил Трубецкой. – Вот держи рубль! За провоз, да и на чай с баранками тебе хватит. Согреешься!

– Благодарствую, барин! – с достоинством ответил мужик, принимая деньги.

Дом Трубецких. Старый со стенами, обшитыми досками. Из трубы поднимался серый дым.

Калитку ещё не заперли на ночь. Он вошёл во двор. Учащённо забило сердце. Сейчас Александр увидит маму! Неужели это не сон? Неужели он дома?

Трубецкой поднялся по скрипучим деревянным ступенькам. Тихо отворил дверь и вошёл. В гостиной было тепло и уютно. Ярко светила керосиновая лампа. Мама сидела в своём старом любимом кресле и что-то вязала.

– Варя, дверь закрывай! Сквозняком всё тепло вынесет! – мама положила вязание на стол и подняла голову. – Сашенька! Сашенька! Сынок!!! Сыночек! – она бросилась к нему, прижалась к его холодной шинели.

Он правой рукой обнял её, маленькую, хрупкую и любимую...

– Сашенька, ты приехал! Приехал! А вчера я письмо от папы получила... Сегодня ты... Господи, я самая счастливая женщина на свете... Я...

– Щёлк! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – раздалось совсем рядом.
 – Сашенька, ты слышишь? Часы пошли! Целый месяц стояли, а ты при-
 ехал, и кукушка закуковала! Это к добру, Сашенька!
 – Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – заливалась кукушка.
 – Это к счастью, Сашенька!

ПОЭЗИЯ

Татьяна ХЛЕБЯНКИНА

**Редакция журнала «Великороссь»
 поздравляет Татьяну Александровну
 с юбилеем!
 Желаем крепкого здоровья,
 неиссякаемого вдохновения
 и творческой радости!**

Татьяна Александровна Хлебнякина – член Со-
 юза писателей России, член клуба писателей ЦДЛ,
 председатель комиссии по литературному насле-
 дию С.А. Клычкова при СП России. Окончила аспи-
 рантуру при Академии переподготовки работников
 искусства, культуры и туризма, Высшие литера-
 турные курсы при Литературном институте им.
 А.М. Горького. Татьяна Хлебнякина стала инициатором создания Музея журавля
 в Талдоме и двух межрегиональных фестивалей: экологического Фестиваля журав-
 ля (с 1995 г.) и литературного – проходит один раз в два года – авторской поэзии
 и песни «Серебряный журавль» (с 2005 г.). Автор шести книг «Берег Памяти»,
 «Благовест», «Скрижали Сердца», «Притяжение Души», «Я не видал давно Ду-
 бравны», «Литература – это сокращённая Вселенная». Побеждала в конкурсах
 и фестивалях «Поэтическое Подмосковье», «Серебряный Журавль», «Серебряная
 Псалтирь», «Одной душе даны, как птице, крылья», «Литература Талдомского
 края» и др.

Живёт в Талдоме.

Корзину вам подснежников несу...

Ползимы я уже прожила.
 А зима как два белых крыла...
 В середине застывший январь...
 Всё читаю я жизни букварь.
 А со мною святой Серафим
 И с надеждой молюсь:
 Победим!!!
 Эту зиму и эту войну
 И спасём от разрухи страну.

Корзину вам подснежников несу –
 Лесную и волшебную красу!
 Кто говорит, что в мире нет чудес?
 Век 21-й. Техника. Прогресс...
 Природа – это таинство и чудо!
 Снисходит к нам блаженство отовсюду...
 А в Рождество рождение чудес!
 Быть может, потому Христос воскрес!

Сгораю на костре Любви!
Спаси, оклики, позови!
Но тишина опять в ответ
И тает жизнь, и гаснет свет

Любовь?! – зачем и почему?
Я это чувство не пойму...
Пусть от бед хранит всегда
молитва... Но скажите: «да!»
и мир изменится в тот миг...
К любви источнику приник...
А что ещё для счастья надо?..
Любовь – вот лучшая награда!

Поэты умирают за стихи,
и возраст тут совсем не важен...
Пусть будут хороши или тихи...
А сердцем каждый молод и отважен.
Христос воскрес!
Не впервой
звучит над миром
это слово
Да будет воскресать он снова
под сенью мира и небес!
Воистину Христос воскрес!

Скачет воин на коне!
Люди русские, ко мне!
Только так мы победим
и Россию защитим!

Художник мир нарисовал...
Ещё не кончен вечный бал...
Преобразился этот свет...
Прекраснее таланта нет!
Быть я художником хочу...
В мечтах к чудесному лечу...
И происходят чудеса!
Надежда. Вера и... Гроза
объединяются порой...

А дом родной всегда
со мной!
Россия. Родина. Родня!
Есть всё, что надо, у меня.

Десять дней гуляем! Святки!
Пьём и пляшем без оглядки!!
Скоро Старый Новый год
Пейте больше чай, компот!
Не скучать!
Ходить в музей!
Чаще навещать друзей!
И, конечно, галерею...
С ней я точно не старею.
А затем Татьянин день!
Поздравлять мне всех не лень!
С днём студентов и Татьян!
Был студент? Вновь будешь пьян
От любви, воспоминаний...
Новых встреч и ожиданий.

Как хорошо:
Есть те, кого люблю!
И даже если по ночам не сплю,
Переживаю, значит, я за Вас!
Чтоб Свет над миром ныне не погас!
И долго, и с надеждою молюсь!
И Землю потерять свою боюсь!

Когда звонят колокола

Я не устала от чудес!
А, главное – Христос воскрес!
Два ангела ещё явились
И вместе с музой удивились:
Стихи пишу я – почему?..
И – как?.. Сама я не пойму!
Но не писать их не могу...
Служу так Богу... Как могу...
Когда звонят колокола!
Душа по-прежнему – жива!
Наперекор и вопреки...
И думы о тебе легки...

Я у вас улыбаться учусь...
 ...Что вы, шутите?
 ...Я не шучу.
 И учусь я о вас забывать,
 Чтобы бед и страданий не знать...
 Ах, опять этот день не попад!
 То ль снежинки, то ль звёзды летят
 Сквозь меня, сквозь века и года...
 Но не встретимся мы никогда.
 Потому что... Вы заперли дверь...
 Только нужно ли это теперь?..
 Я всё время стою на краю
 И последние песни пою.

Зима наступила. Закат.
 Снежинки, как звёзды, летят.

*Памяти поэтов Серебряного века:
 Сергея Есенина, Сергея Клычкова,
 Николая Клюева...*

Расстрелять поэта...—
 Так и надо?!
 Может, это лучшая награда?!
 Или же повесить, утопить...
 Без Поэтов в мире проще жить?!
 Без поэтов в мире,
 Без Поэта
 Правды и Надежды вовсе нету...

*Посвящается профессору
 Н.М. Солнцевой*

Как пишутся стихи?
 Не ведаю, не знаю...
 Но Вам с любовью их
 Я нежно посвящаю!
 Пусть рифмы не попад,
 Неверные спряженья...
 Но буду я писать
 Стихи... До изумленья!
 Улыбки Вашей жду,
 Поддержки и участия!

И ведаю:

писать

стихи —

нет выше счастья!
 До изумленья...
 И знаю я: писать стихи —
 такое счастье!

Сердце тихо-тихо бьётся
 в глубине души колодца...
 А надолго ли — не знаю
 Всё о встрече я мечтаю
 Не во сне а наяву.
 Ради этого живу.

Они уходят незаметно...
 Но был ведь бой?!
 И пот, и кровь...
 И каждый день и миг
 со смертью...
 А где же земляков любовь?
 Фамилии на обелисках...
 С другой войны
 прошли века...
 А лики где?!
 Они же близко...
 Они ушли за облака...

Я по улицам этим брожу...
 Здесь просторно и множество света...
 Но любви также не нахожу
 (а так хочется что-то и где-то...)
 Сердцу ответа...
 Снова в Польше...
 А, может, в Крыму...
 По Болгарии ночью гуляю...
 Что со мною?..
 Опять не пойму...
 И о Грузии
 (и о Праге я)
 Тоже мечтаю...

Черногория манит волной,
Ресторанною вкусною рыбой...
Но опять просыпаюсь...
С Москвой
И сугробов ворочаю глыбы!
За водой на колонку хожу,
В магазины, аптеки, музеи...
А ещё в РДК, галереи...
Но с надеждой на йогу брожу
И как будто совсем не старею...
Громко песни и гимны пою
И поутру надеюсь на чудо...
Ах, за что ж я Россию люблю?!
И её никогда не забуду...
Может, манит нас клич журавля,
Лебединая верная песня?
Знаю: вам не прожить без меня,
Если сердцем пронизаны вместе...

В сказку открылось окно...
Кажется, время пришло
чуду случиться сейчас...
Падают звезды на нас...
Или же это – снега?..
Или колдует пурга?
Льётся малиновый звон
из недоступных времён...
Стражи – берёзки стоят,
тихо снежинки летят...
Хочется зиму, не лето...
Где ж эта сказка?.. –
там где-то... Кажется, это в Дубне...
Или привиделось мне...
Падают звёзды и снег...
Тихо идёт человек...

Андрей наш ушёл на войну...
Спасёт ли он мир и страну?
Спасёт ли детей, чью-то мать?..
Казак наш ушёл побеждать!
И снова команда: вперёд!
И совесть, и долг нас зовёт! –
погибшие наши бойцы,
прапрадеды, деды, отцы!

Спасали не раз они мир!
Теперь наш черёд наступил!
Фашизм и нацизм не пройдёт!
И солнце победы взойдёт!
Солдат наш ушёл на войну!
За здоровье в храме ему
молитва и память звучит!
Я верю: враг будет разбит!

На вашем стекле прилепился листочек
Как будто сказать
Что-то доброе хочет...
И кружатся листья вблизи и вдали
А сердце всё шепчет:
Спаси. Сохрани...
Летят журавли уже месяц на юг...
А я всё надеюсь: вернутся к нам вдруг...
Вернутся мои золотые года...
Вернутся родные... Увы... Никогда
А что же вернётся?
Зима и весна!!
И лето наступит... Раз осень прошла...

Эта Женщина в окне
В чём-то розовом и белом...
Эта Женщина в окне
Хрупким Сердцем овладела...
Пишут ей давно стихи
И рисуют живописцы
Эту Женщину в окне...
Но летят мгновенья быстро...
Неоконченных поэм
Посвящают ей немало...
Что-то Женщине в окне
В этой жизни не хватало...
Мы расстались навсегда
Нас не будет в этом мире...
Потому пишу стихи,
Чтоб потомки не забыли
Эту Женщину в окне...
Взгляд её, улыбку, ласку...
Эту Женщину в окне... –
Неразгаданную Сказку...

Утро доброе! Ура!
К Журавлям спешить пора!
Вместе с ними полетать,
На болотах побывать...
Даже есть Музей Болот!
Будут лекции там! Вот!!
Будет вкусный Фестиваль!
Журавли зовут нас вдаль!
И заглянет к нам в оконце...
Кто? – Оранжевое Солнце!

Я купила сегодня цветы
У детей недалеко от дома
Их улыбка родной красоты
Мне, наверное, с детства знакома...
Ах, ромашек цветных лепестки
Нам с надеждой и верой кивают
Мы опять далеки и близки...
Можно, я про тебя погадаю?..
Может, сбудется...
Может быть, нет...
Всё же в счастье я искренне верю...
Может, что-то мне скажешь в ответ?..
Может, в счастье я ныне поверю?
Может, скажешь мне: «Да!» ...А не: «Нет»?
Может, всё же откроешь мне двери?..
Угостишь... Напоишь... Пригласишь
заходить к вам почаще под вечер...
Отчего же сегодня грустишь?..
Пять минут, может быть,
Нам до встречи...

Поэтам

Поэты проливают кровь
За Веру, Родину, Любовь,
За честь свою и за страну!!
Поэты едут на войну...
Храни молитва Вас и Бог!..
Поэты едут на Восток,
На север, запад и на юг
И завершают жизни круг
Не на кровати и в тиши...
Их подвиг – это крик Души!

Поэтам нужен шар земной
Красивый, добрый, голубой..
Кто верит – тот в душе Поэт!..
Пути иного просто нет...

На воздушном шаре полетать,
С высоты красоты повидать!
Прикоснуться к Солнцу и к реке
Мир обнять...
Растаять вдалеке...
Опуститься в море, океан
Там найти свой главный талисман
Иль пройти по полю босиком
Это счастье! Быть, где отчий дом!

Весне мы скоро скажем:
До свиданья!
До новых встреч,
Веснянка, не прощай!
Ты выходи скорее за калитку,
С улыбкой Лето доброе встречай!
Пусть будет всё:
И дождь, и солнце в меру.
Ещё здоровье, радость, счастье, мир!
А мы придём на новую премьеру
И соберёмся на Вселенский пир!

Похожи вы на Нефертити...
Как ни крутите,
Ни вертите...
А дальше сравнить боюсь...
Вдруг в вас нечаянно влюблюсь...
Ну, а кому какое дело?
Любовь нечаянно созрела...
И не спросила никого...
Ну, разве Бога одного...
А что ответит даже Бог,
Когда покинет свой чертог?
Бог дух, Бог сын и Бог отец?
В кого же верить, наконец?

А верить нам во что-то надо...
Ведь вера лучшая преграда
Для тёмных дел, для дел плохих...
Вот почему пишу сей стих...

Под знаком Пушкина – живу

Под знаком Пушкина – живу, –
Хоть это и не видно...
Вслед за Ахматовой – пою,
Страдая, очевидно,
От невозвратности Судьбы,
Ошибок и падений...
О невозможности борьбы
И в Вечность – озарений;
За боль России и Земли,
За жалкую старушку...
О, современники мои!
Всех взяли нас на мушку –
Коронавирус или – фэйк?!
Не ведаю, не знаю...
Молюсь: «России – помощи!» –
Я Бога призываю
И Божью Матерь, всех Святых,
Пусть Храмы в ночь закрыты...
Стоит – Россия, Русь – стоит!!!
И Слово не забыто:
Оно – целительней Огня,
Оно – Воды Живее...
Вот Колокол гудит, звеня...
И Совесть мы имеем:
Нет, не пропала... Нам Щедрин
И Бог Со – Весть послали...
...Под знаком Пушкина – живу
И Веру не теряю...

Мой букет

Расцветают мои незабудки
Даже ландыши просят в свет
Ты ещё подожди полминутки –
Я Тебе собираю букет!..
Розы колются, пряны гвоздики,
А от лилий кружит голова...

От черёмух кружит голова...
А тюльпанов роскошные лики
В разноцветьи утопят Слова...

Мой букет самый скромный и нежный
В нём живёт и Любовь, и Надежда...

Одуванчик

Полянка маргариток
И жёлтенький цветок...
Весёлый одуванчик
Нам грусть прогнать помог!
Он даже улыбался
От Роя смелых пчёл...
Он даже рассмеялся
Нас за собой повёл
В прекрасную дорогу,
В леса, за облака...
Весенний одуванчик
Целую я слегка.

Весенние стихи 2-3 апрель-май

Всё ближе родные Дубровки,
Где клином летят журавли,
И домики в справной обновке,
И алая кромка зари...
Сидим мы в беседке за чаем:
Есенин, а рядом – Клычков
И дружно стихи все читаем,
И ищем истоки у слов...
И бродим лугами, лесами...
Навстречу кружат глухари...
Мы ищем таинственный камень,
Где Правда сокрыта внутри!
Похоже, всё это мне снится...
Спешу я в прощальный полёт..
И тает слеза на ресницах...
А Бог с нетерпением ждёт
Заблудшие сирые души.
И встречу готовит с утра...
Ты Сердце внимательно слушай,
Что шепчет?..
– пора, друг, пора...

Солнышко

Солнышко светит,
Солнышко греет,
Солнышко нашу планету лелеет!..
Глянь же скорее
С любовью в оконце
И повторяй:
Пусть всегда
Будет Солнце!

Китежский Павлин

Павушка, Павлинчик!
Жизни Красота!
Распускает веер своего хвоста!
Это просто Чудо –
Китежский Павлин –
Так Клычкова звали..
Богом был храним..
Но пора настала..
Хоть и был Герой
И прошёл горнило
Первой Мировой... –
Пострадал за веру,
За любовь к земле..
И несём мы скорби
И цветы Тебе!

Сады Победы

Не зря сражались
Наши деды!
В честь их цветут
Сады Победы!
За веру проливали кровь!
За правду, Родину, Любовь!!
Жизнь – это несколько мгновений!
Жизнь – это смена поколений!
Рывок за грань,
Всегда – вперёд!..
Вселенная бесстрашных ждёт!

Воистину воскрес!

Сошёл Огонь!
Христос Воскрес!
И Благодать
Летит с Небес.
Народ парит над всей Землёй.
И Бог един!
И Он со мной!
Мы верим в разум и Любовь,
Чтоб каждый год рождаться вновь!

Тюльпаны

Как прекрасны вы, тюльпаны!
Мы от ваших чаш и пьяны!
Или, может быть, пьяны?
В окружении Луны..
Светит нам тюльпанов Солнце
И Весна стучит в оконце!
Март ещё, Апрель и Май
Дарят нам тюльпанов Рай!!
Красных, Жёлтых, голубых..
А ещё – Любовь и Стих!

Памяти наших воинов и земляков

Щедрин. Дорофеев.
Писатель. Святой
и воин.
Все пали за веру.
Домой
возвратились
не сразу. В гробу
и в бронзе
такую Господь дал судьбу..
Помянем святые теперь имена:
Сергей. Александр. Михаил.
А страна
склоняет знамёна
и память поёт..
Гордится героями
мир и народ

Крещение-2023

Исцели меня, милый Господь!
Исцели мою душу и плоть!
Исцели, если можешь помочь,
нас, убогих в Крещенскую ночь!
Исцели нас молитвой, крестом!
Исцели покаяньем, постом!!
И крещенской купелию и
нас любовью своей исцели!

крещенский снег, крещенский дождь!
С надеждой ты спасенья ждёшь!
А благодать летит с небес!
Христос крестился и воскрес!

Ёлка детства

В ёлку детства я вернусь!
Не заплачу – улыбнусь...
Шишки посчитаю...
Может, полетаю,
может, помечтаю...
И себя узнаю
в маленькой
Танюшке.
И её игрушки –
и Мальвину, и Пьеро...
Быстро детство так прошло...

Будет Новый год хорошим

Будет Новый год хорошим,
будет вьюга и пороша,
будет ёлка, апельсин!
Новый год ещё один
или даже не один!
Будет солнце,
будет мир!
Вновь выходим мы в эфир:
песни добрые поём –
замечательно живём.
С Божьей помощью живём...

Лето тает. Время тает

Под черёмухой душистой коротали вечера...
Ах, черёмуха родная, как ты быстро отцвела!..
Август гроздьями покрылся тихо рдеющих рябин.
Мы расстались на крылечке –
я одна и ты один...
Шаловливые котята не дают теперь скучать,
Журавлята и цыплята спешаю́т подрастать.
Охраняют два Барбоса наш старинный добрый дом...
Мы расстались – не навеки, и общаемся при том...
Но чего-то не хватает,
Голос тает вдалеке.
Лето тает, время тает, и уходит налегке.
Время тает, улетает
С журавлями налегке...

Серебристый Ландыш, Белая Сирень

Серебристый Ландыш, Белая Сирень...
Мы с тобой гуляли вместе в майский день...
И была цветенья самая пора...
Вот и целовались в парке до утра!
А потом расстались – кажется, на миг...
Но уже три года я веду дневник.
Часто вспоминаю этот чудный день:
Серебристый Ландыш, Белую Сирень!
Где же ты, мой милый? В небесах, в морях?
Милый мой, любимый... В дальних ты краях!..
Жаль, что редко пишешь...Только каждый день
Верю – вспоминаешь Ландыш мой, Сирень...

Памяти воина Никиты

Распятый и сожжённый
Никитушка солдат...
Что о тебе, бездомном,
В народе говорят?..
И двадцати не прожил ты
Сиротских грустных лет...
Ушёл ты за Победой...
Но не дождался... нет...
Прикрыл своею грудью
Россию, ДНР,
Спасая мир Планеты...
Но гибнуть не хотел...

Тебя ждала невеста...
А, может, не ждала?..
...Запишем в наши Святцы
Героев имена!

Моя Молитва о Мире

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий!
Помилуй меня, грешную
и весь мир земной
и всю тварь, в нём пребывающую:
птицу, рыбу и гада!
И продли их жизнь
на многая благая лета
здесь
и во Вселенной Твоей
ныне и присно и во веки веков.
Аминь...

Из цикла Лист Ожидания

Я записалась к Вам в лист ожидания...
Так и живу – в предвкушении свидания...
Точный диагноз не ясен, конечно...
Знаю одно: я, увы, не безгрешна...
Дом утепляю скорей до мороза...
Жаль, что замёрзла дарёная Роза...
Бася одна согревает, мурлыча.
Мяса не дам – соблюдаю обычай.
Рыбку сварю я котам в утешенье...
И нарисую... стиха – варенье...
Нет, я, пожалуй, не заплачу...
Хоть схороню себя в придачу
Не первый... не последний раз...
Но оживаю я для Вас...

Как грустно мне без Вас!
Считаю день и Час
До нашего свиданья...
Чтоб встретиться нам снова,
Друг другу молвить Слово...
А День опять морозный,
И мёрзнут даже звёзды...
Нам с Кисою тепло...
Мороз стучит в окно!

Я Ёлку наряжу –
Морозу покажу:
Жду от него подарка!
Пусть Ёлка светит ярко,
Встречая Новый год!
И он растопит лёд
В сердцах и в наших душах.
Колокола послушай!
Поставь за МИР свечу...
Вот всё, что я хочу...

Ручка

С Вашей ручкой крепко сплю...
Потому, что Вас – люблю!
Ну, понятно, юмор это...
Жаль, что кончилось вот Лето...
Жизни близится Черта...
Та? А, может быть, не Та?..
Киса тоже крепко спит...
Даже изредка храпит...
Спрячет в лапы чёрный нос –
Значит, точно жди мороз!
Яблоки ещё в саду...
Я получше – Вам найду!
Может, в гости позовёте?
Или сами вдруг придёте?..
Буду – не могу – не ждать...
Как всегда. Сегодня – в пять!
Съели б яблочный пирог...
Помолюсь, чтоб Бог – помог!

Ангелу – Дар и я

Ангелу хотелось полетать...
Высота значенья не имела...
Хрупкое девическое тело
испытало смерти благодать...
В Лавре нынче бьют колокола!
Это Сергей заново родился!
Ангел и ему бы пригодился...
Он спешит его к себе принять...
Ангелу хотелось полетать...
Девять одолев ступеней в небо,
ангел воскресает в быль и небыль...
Ангел улетаёт, чтоб летать...
К людям прилетает помогать...

Памяти поэта Александра Блока

И день, и ночь дождь отпевал
Поэта Сашу Блока...
И слёз уже Девятый вал...
О, как судьба жестока!
Уйти в зенит на взлёте лет...
Иль заново родиться?..
Пишу я реквием – сонет,
Быть может, пригодится,
Чтоб всё сказать и всё понять?! –
Жизнь – с самого начала...
«Возмездия» не будем ждать, –
Ворона прокричала.
...И пробил Час... Ушёл ТОТ век...
Родился новый Челю – Век!
...Но здесь, в Михайловском соборе,
«Девушка пела в церковном хоре...»,
Словно и не было той сотни лет...
Слышу я Голос: «Не умер Блок, НЕТ!»
...Вечно живёт во Вселенной Поэт!!

ПРОЗА

Ирина ПИЧУГИНА

Дядя Юра

Предместье Шебекино. Тяжело ухаёт большая гаубица, но лесные серые вороны почему-то не реагируют. Они заняты другим – высоко над ними в сером рождественском небе кружит со-колок. Ночью выпал тонкий снежок, а сейчас по нему быстро и целенаправленно идёт пожилая женщина. А за ней, выплыв из ворот, мчит по следу, спеша догнать и пойти рядом... думаете – собака? Такая кудлатка кривоножка, сердитая с мещански-ограниченным взглядом – не укушу, так облаю?

А вот и не угадали.

За нею преданно и верно спешит... гусь! Он явно не прогуливается по своим делам, а шлё-пает широкими лапами вослед хозяйке сродни хорошо обученной овчарке. Мы поравнялись со странной кавалькадой.

– Что это у вас – сторожевой гусь?

– Ой, да. Не поверите, так везде за мной и бегают, ну чисто пёс! Смотрите, сейчас другой деятель появится...

Мы старательно смотрим – из ворот, рас-пушив хвост трубой, мчит опоздавший к началу похода кот. Гусь притормозил, обождал кота и величаво пошлёпал далее, за хозяйкой.

– Шутите? Ручной гусь?

– Да вот выходит так, дочь подарила к про-шлому Рождеству, говорила – к столу. А как его к столу? Я только дверь открываю, так и он тут бежит, крыльями трепещет, чуть не падает. Я в клеть – и он туда. Я на улицу – и он следом. А теперь и кота пристраслил – так мы все вме-сте и ходим. Куда я – туда и гусь кота ведёт... ну как его такого зарубишь? Он же разговари-вает! Вроде как всё понимает...

Мы поглядели на гуся, тот зашипел, почуяв наше внимание.

– Это свои, тише, тише, свои!

Гусь замолк, но прикрыл собой хозяйку, так надёжнее. А рядом с ним на снегу расфуфырен-ный кот присел умыться, пока суть да дело.

Гусь коту не товарищ?

Ирина Николаевна Пичугина (Дубовик) – уроженка Урала. В 1980 г. окончила Московский Ин-ститут иностранных языков им. М. Тореза, работала преподавателем кафедры иностранных языков в Московском Институте лёгкой про-мышленности, затем переводчиком в филиале АН СССР (Институт Химфизики). Печата-лась в газете «Завтра», в коллективных сборни-ках «Георгиевская лента 2021-2025», «Русь моя 2022», «Дебют 2021».

Живёт в Белгороде.

Ну, это вы бросьте.

Гусь — он на диво умная животи́на и на многое способен. Сторожевые гуси всем известны по сказам из Древнего Рима.

Тогда гусей уважали.

Не то, чтобы потом их не уважали, но только сугубо в яблоках и с поджаренной корочкой.

Правда, не мы.

Что же до нас, конкретно нашей семьи, то было такое, когда мы вальяжно сидели на яйцах и курице. И было это в самом конце восьмидесятых — начале девяностых, когда серые толстостенные трубы, годные для прокладки их по дну северного моря, чтобы прокачивать нефть, газ, или что придётся, по странному стечению обстоятельств в магазине носили название «макароны». Они, эти макароны, продавались на вес и брались обезумевшей очередью из жителей авиационного военного городка с боем.

— Так, граждане, карточки на продукты отовариваю только при наличии лица, на которое талон!

— Так у меня муж на дежурстве...

— Ничего не знаю, есть лицо и на него талон — отовариваю. Нет человека — нет и макарон!

— Ой, Петя, бога ради, скажите ей, что вы мой муж... и... Люся, Люсь! Можно у тебя детей занять на два набора талонов?

— Да я вот же — со своей пришёл... как же так, продавщица решит, что я мусульманин какой!

— Да ладно, что она лица запоминает? Просто мелькните перед прилавком, а я скажу, что муж прибежал.

Смущённый «двоежёнец» с трудом пробивается через плотную и шумящую толпу, таща за собой на прицепе чужих двоих «заёмных» мальцов.

— Люсь, тебе огромное спасибо! Женщина, видите — вот они, мои! Нас четыре человека! И ещё масла на всех четверых — видите? Все мы здесь! Вот в эту банку и лейте!

Красная от злости цербер-продавщица уже машет алюминиевым мерником на длинной ручке, доставая из пятидесятилитровой фляги четыре меры подсолнечного масла с недоливом... Вот же, чепуха какая вспоминается... на постном масле.

— Молодой человек! Да-да, вы! Тот, который с детьми у прилавка... Вы не уходите, ладно? И у меня мужем будете? Как будто с детьми отец...

Так отчаянно шепчет ещё одна жертва «нового порядка» продмага.

Растерявшийся свежеспечённый уже многожёнец и многодетный отец-молодец обречённо машет рукой и остаётся торчать у прилавка, выручая всех подряд: жён сослуживцев, чужих и прочих, чьи половинки отбывают дежурство или службу в части.

Взятые с боем макаронные трубы, масло, мыло и сигареты мы с детьми с триумфом относили дяде Юре в деревню.

Кто такой дядя Юра?

О, это был замечательный человек!

Начать с того, что нам он никаким боком «дядей» не был. Был он нам вообще никем — но в один миг стал всем! Тогда, когда возник этот искусственно сотворённый продуктовый «дефицит».

На самом пике разлома советского устройства и наглого воцарения «безвременья» дико разбойничьего «капитализма» в наши наивные и мягкотелые массы злобные заокеанские «шептуны» подбросили идею: «Пусть сливочное масло будет дороже, но в продаже!» А чтобы эта самая аморфная народная масса затвердила сию мантру потвёрже, уже продавшиеся за «копеечку малую» большие начальники обречённой Страны Советов еду со складов в магазины завозить перестали. А остатки этой пресловутой «еды» начали выдавать по талонам. Бумажкам, которые и поныне храню в своей коллекции «забытых вещей». Из тех, что «свежо предание, да верится с трудом».

Итак, высокомерно-интеллигентные дамы, генеральские жёны, выгуливая пухлых и холеных внучат, всю работу на «Радио Свобода», разнося на весь двор, что «лучше дороже, да в продаже». Не зная, что через пару лет падут жертвой своей умной тупости, так как «дороже» станет настолько, что они в магазин на свою генеральскую грошовую пенсию будут ходить, как в музей — просто поглядеть на «йоргут»... или «йогурт», чёрт, язык сломаешь!

Но тогда мы, жёны молодых офицеров, были вынуждены проявлять чудеса изворотливости и следопытские таланты, чтобы не оставить детей без завтрака-обеда-ужина.

Так и вышло, что я, безжалостно подгоняя двух малышей, ковыляющих и постоянно спотыкающихся по весенней каменистой грунтовке, которая не по-детски уже обила им все ботинки и пальчики ног, спешила в недалёкую деревню. Ту, что за переездом и колхозным полем. Знаете, это как сказать, недалёкую — полтора часа в один конец! Гнала нас страсть к исчезнувшему из овощного магазина картофелю: жареному, пюре и в супе. Дефицитная морковь в будущем супе тоже была бы нелишней.

Но все селяне, встреченные в деревне и по дороге, только махали на меня руками — весна! Самим мало что осталось от зимних запасов! А один, жалостливый, поглядев на измученных детей, сказал:

— Попробуйте в доме, что за окраиной села, у дяди Юры. Только он жмот.

«А вы все — образец щедрости», — подумала я, но вслух мудро промолчала, только кивнув, что совет услышала.

От полной безнадёги мы побитыми фрицами побрели за село. На самых выселках, среди бесконечных огородов и голых ещё деревьев увидели... мощное хозяйство. В основном то был огород, чисто трёхполье, а ещё круглый деревянный дом с высокой остроконечной крышей, прямо как из книжки «Волшебник Изумрудного города», по всему периметру огороженный сеткой-рабицей, которая образовала широкий променад между собой и стенами странно-круглого дома. Кроме того, серый пейзаж украшала серия разномастных сараев, штабеля клеток и крохотный, на одну комнатку, домишко под двускатной крышей. Из трубы его, как на детской картинке штопором вился вверх печной дымок. В воздухе вкусно и уютно пахло травяной подстилкой для скота, комбикормом, варёной картошкой, мокрой землёй, чистыми животными — весь тот незабвенный букет ароматов, что всегда встречал вас в хороших и крепких деревнях вашего детства.

Увидев нас, боязливо топчущихся у деревянной изгороди с калиткой, сколоченной из кривых сухих сучьев, из круглого остроконечного домика вышел... Нет, не жевун в голубой шляпе с бубенчиками, как я ожидала,

а высокий пятидесятилетний хозяин в старой, аккуратно залатанной телогрейке, старых изгазванных брюках типа «штаны» и башмаках повсеместного деревенского фасона. На голове уже не сидела, а явно приросла выдававшая всяческие виды мохнатая кепка.

– Здравствуйте, простите, пожалуйста...

– Здравствуйте... Ищете кого?

– Мы вот из военного городка, ищем, ну, не продаст ли кто нам картошки... А никто не продал... Может, у вас?

Сказала и сжалась, ожидая ледяной душ деревенского презрения пополам с превосходством через губу – попрошайки городские!

Но действительность продолжала оставаться сказочной. Нет, нас всё-таки вышел встретить житель волшебной страны!

– Есть картошка, вам сколько?

– Да вот, чтобы мы в сеточке унесли... Понимаете, детям без картошки...

– Вот этим детям без картошки? А зовут вас всех как?

Мы назвались по очереди, хозяин поглядел, подумал о чём-то и бодро сказал, что он – дядя Юра и картошки сейчас «этим детям» вынесет, только достанет из подпола, так что постоите здесь. Мы тут и стояли, переминаясь с ноги на ногу у калитки сказочного лешего – раз войти не предлагали. А леший – дядя Юра – уже нёс нам... отборнейшую, чистую и сияющую здоровьем картошку! Таковую не забудешь никогда! И ещё он тащил морковь и пару свёколок.

– Это в подарок, «этим детям», больно глаза у них большие. Вам, девушка, может, и яйца нужны?

Я обомлела. Вот это да!

– Нет, ну, что... да конечно, да! Нужны очень! У нас не достать сейчас...

А у вас, вы можете дать нам немного?

– Дам. Сколько десятков?

Десятков! В магазине уже полгода яиц нет...

– А сколько можете продать?

– Три десятка. Вам больше не допереть до дому.

Не допереть? Да я в зубах потащу!

Но добрый леший дядя Юра тут же добавил:

– Да вы приходите два раза в неделю, я вам буду собирать, сколько снесут. У меня курятник, о – какой!

И показал рукой на тот чудной круглый дом с внешними стенами из рабицы. Смотрите-ка, там по круговой дорожке уже гуляли куры и петух. Они старательно выклёвывали под ногами молодую травку, а в заднем полукружии, отделённом от переднего воротцами, густо зеленели новые всходы.

– Это я сам придумал – курам витамины нужны, я им овёс сею. Сначала на одной половине прогулки, потом выпускаю с другой стороны, а на этой, где вытоптали, подсеваю. А что, может, молока тоже надо?

Вдохнуть, я вдохнула, но вот выдохнуть не вышло. Так и стояла, сияя глазами, подавившись воздухом и словами восторга.

А дядя Юра, уже наш родной дядя, страшно довольный произведённым эффектом, стоял и ждал, пока слова, застрявшие у меня в горле, разберутся, кто там у них первый в очереди.

– Спасибо! Спасибо, нам нужно, ой, спасибо!

– Да я понял. Вот в пятницу приходите – всё вам и дам. И яйца, и молоко. И мужа прихватите, чтобы картошки. Мешок дам.

Чуть не кинулась к нему на шею, дети тоже будто забыли усталость и, почувствовав, что они нравятся, очень нравятся этому деревенскому лешаку, расшалились под добрым взглядом дяди Юры. Расплатившись на удивление малой суммой, мы взяли покупки и пошли восояси, веселясь и прыгая от восторга.

Так оно и пошло.

Мы ходили сюда дважды в неделю и роскошно жили на продуктовом великолепии от дяди Юры.

А тот просто усыновил нас всех.

Жил он сам бедно и в той самой крохотной хатке, что менее всех остальных «хором» впечатлила нас в первый наш приход. Комната-кухня с печкой, пожалуй, тут второму человеку и не поместиться. Самодельный стол, сколоченный из досок, диван с непременным гобеленовым ковриком с оленями, стоячая раковина-рукомойник, длинный сундук и вешалка с гвоздями для одежды. Из роскоши был только маленький телевизор.

Вот и всё.

Но и этот скудный быт ему казался не нужным. Вся его жизнь проходила на дворе: то в курятнике, то в коровнике, то у кролей.

Или он занимался огородом.

Обширным и разнообразным.

Так как стояла промозглая подмосковная весна, то я спросила его выделить мне грядку под морковь, чтобы запасти на грядущую зиму и не обременять лишней работой его самого. Он милостиво выделил землю, только потом поняла я, какой это был щедрый жест доброй воли. Я копала грядку на целине, скорее – неумело ковыряла в земле лопатой, потом сажала семечки, с его точки зрения, только портя семена неглубокой заделкой. В результате морковь у меня взошла плохо, зато сорняк удался великолепно!

Дядя Юра смотрел-смотрел на мои чудачества, да и стал всё делать сам – и как же у него «заколосилось»! Вероятно, был он из породы тех людей, о которых говорят – с «зелёными пальцами». Всё на грядках его кучерявилось и тучнело, наливалось и пленяло здоровой силой. Не то, что моя чахлая «моркошка»... В результате, овощи на зиму я всё равно покупала с его гряд, унавоженных куриным «гуано» и настоями коровьего «выхода на гора». Понемногу он раскрывал перед нами с мужем душу, говоря о строгой матери, о сестре, что не очень удачно вышла замуж, о племянниках, с которыми не нашёл общего языка... Что греха таить, временами он запивал, но нечасто. А с тех пор, как мы стали на наши талоны покупать ему хорошую водку, местное «бродилово» он бросил.

И выглядеть стал лучше.

Потом неожиданно заговорил о том, что хорошо бы ему примириться с сестрой и племянниками. Мы поддакивали и поддерживали – кровь гуще воды, не так ли?

Работяга он был, куда тебе с добром! И смекалкой Бог не обидел – пусть не очень учён, но до всего дошёл своим умом и хозяйство устроил как часы – лучшее в деревне! За то ему завидовали – неустанно и широко распускали злобные сплетни. В сети этих наветов попала даже наша старонная семья: с точки зрения деревенских – как это вдруг начала шастать к нелюдиму бирюку молодая с детьми? Это почему и зачем? Явно тут шелудивая собака порылась...

Но мы были не местные – с нас как с гуся вода, пусть себе вредные бабы чешут языками, может сточат дочиста и замолчат.

Мы приносили дяде Юре в подарок все папиросы «Беломорканал» и сигареты «Прима» из своих пайков, постное масло и макароны, которые он запаривал и кормил «курей» – всё равно, эту мучную гадость более никуда не пристроить – не есть же их, в самом деле? Мыло дяде Юре тоже шло впрок – он делал раствор и поливал огород от вредных насекомых. Хотя жил один и семья не сложилась, зато он опекал мать, к которой иногда наезжал, слал ей деньги. А наши – «эти дети» – скоро стали тёплым светом в одиноком окошке ему, бобылю, никогда своих малышей не имевшему.

Часто дядя Юра позволял «этим детям» гладить кроликов, но кормить – ни-ни!

– Они сильно нежные, всякую заразу хватают, прям на лету. Нет, не давай этот лист! Видишь, здесь вокруг много ядовитой травы, ну, для кроля ядовитой. Нет, и эту не щиплите... А эту можно. Да, эту. Нет, в клетку не суй, трава же грязная! Грязную тоже им давать нельзя – помыть надо. Вот так, да. Нет, и мокрую не суй! Сначала пусть высохнет... если мокрую траву дать, они тоже заболеют, и не вылечишь...

Короче, не кроли, а короли.

Однажды мы пришли, а на дяде Юре лица нет! На вопросы он отвечал, чуть не плача, что куры заболели! Он лечил их всю ночь, а теперь будет поить водой с капелькой йода. Мы поняли, что ему не до нас и тихонько ушли.

Зато на следующий наш приход сияющий господин своих подопечных выдохнул:

– Вылечил! Помог йод! Вон какие бегают!

Коровы мы так и не видели – она была «священное животное», не для нас, непосвящённых. Но молоко от неё мы получали исправно, и какое! Жирное, сливок больше половины банки.

Его животные и были нашему дяде Юре родной семьёй, но без глупых сантиментов – только до срока!

А в положенный срок мы получали оципанную свежезарубленную курицу. Поэтому лично наша семья «голодное время» прошла так гладко и богато, что всем друзьям на зависть! Не раз нам пеняли, что мы единолично пользуемся этим источником благоденствия в столь скудное время... Мы стыдливо кивали. Да, пользуемся. Но ведь это случай, который мы честно выбегали сами...

Но!

Более никого «отоваривать» дядя Юра не соглашался – лишь мы одни пришлось ему по сердцу, надорвали его жалостью, когда однажды изувеченными и измученными сиротами возникли у ограды его «государства».

Своих кроликов он звал по именам, и это сыграло с нами дурную шутку. Одним богатым на сопли и кашель зимним днём за продуктами сгулял в гордом одиночестве наш папа. Домой вернулся он смущённо-испуганным.

– Вот, поглядите, что нам дали! Продали вместо курицы.

И достал из-за пазухи кролика.

– Это Федя.

– А зачем? Что мы с ним делать будем? С кроликом-то в квартире?

– Да сказал мне зарубить и съесть. Сам он не может... Федю-то... того...

– Заруби-ить? Ты? А как это? Прямо насмерть?

Муж посмотрел на меня несчастными глазами, в которых бушевала паника, но сказал твёрдо:

– А что? Вот зарублю и всё. Уходите отсюда, я его в ванной прикончу.

Мы забились в самую дальнюю комнату и сидели там перепуганными жертвами, ожидая криков, стука топора... не знаю, чего ещё.

Но было странно тихо и жутко.

Потом из ванной комнаты, пошатываясь, вышел или, скорее, выполз по стеночке мой дорогой супруг, майор авиации и отличник боевой и строевой, кандидат наук, между прочим.

– Дай скорее валерьянки, сердце прихватило...

– Феде?

– Какое – Феде, вот он, подлец, сидит и ушами шевелит, ты мне на-капай...

В общем, смертоубийства у нас не случилось по причине того, что «этот подлец» был – Федя, у него были мягкие ушки и испуганные беспомощные глаза, муж оказался военным пацифистом, а дети устроили горячий и протестный рёв.

Назавтра Федя уже сидел в родной дядеЮриной клетке, а мы обедали стандартной курицей. Тем и окончились попытки дяди Юры разнообразить наше меню.

Три долгих года длилась наша идиллия, пока нам не пришла пора уезжать из военного городка, рвя по живому и оставляя в сердце незаживающую рану. Расставались мы тяжело.

Переписывались, перезванивались... пока на дорогах жизни не истёрлись все следы. Но сегодня Вам, и только Вам, наш дорогой и незабвенный спаситель, добрый волшебник среднерусской деревни посвящаю я этот рассказ...

ПОЭЗИЯ

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Родилась в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса «Путешествие в страну чудес» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия».

Живёт в Москве.

Музыка в любви

Талант поэта

Бывает в творчестве полёт и в даль стремленье,
Пределов нет проплыть моря, пройти пески,
И наступает искромётное мгновенье,
Когда поэт пером ведёт огонь строки.
Читателю строка подарит наслаждение,
А может поманить вдруг птицей в небеса,
Излечит словом, пробуждая от забвенья –
Талант поэта проявляет чудеса.
Когда в стихах есть звуки музыки душевной,
Что дарят сердцу доброту и красоту,
Становится строка для мира откровенной,
Неся в себе всей правды Божьей чистоту.

Зимний вечер

Зимний вечер дивно тихий,
Сказка за окном,
Месяц в небе светлоликий
Всё окутал сном...
Дремлют ивушки, берёзки –
Тишина кругом!
Белоснежные причёски
Дышат ветерком.
В вальсе кружатся снежинки,
Блещут серебром –
Пишут зимние картинки
С чувством и теплом.

ЭЛЛА КУЗНЕЦОВА

Знать, художник, что от Бога,
Создаёт мечту!..
Замираешь от восторга,
Видя красоту.
Это сказка или чудо,
Или волшебство?
Всюду снежные верблюды –
Сказки торжество!

Музыка мгновений

Когда есть музыка в любви,
Там в унисон стихи с душою
В потоке сладостном крови
Поют и катятся волною.
И в этой радости стихов
Есть восхищенье звездопадом,
Благоуханием цветов,
Когда идёшь с любимым рядом.
Чем совершеннее душа,
Тем больше у неё волнений,
За то и музыка мгновений
Ей более всего слышна.
И есть настроенность души,
Чтоб чувства передать словами,
Услышать ветерок в тиши
Мелодией за облаками.

Харон

1

Зима выдалась лютой. Старожилы в местах этих про стужу такую отродясь не слышали. Вдобавок снегов навалило – до невозможности, – только и делали все по утрам, что из-под сугробов тех выгребались. Потом, когда уж миновали все сроки, а зима всё не проходила, и сомнение стало брать, пройдет ли, в конце-то концов, враз жара навалилась, льды и снега стали таять наперегонки, а вслед за жарой – разверзлись и хляби небесные.

Маленький, тихий и добрый Коренек напора такого не вынес, а может, просто накопилась у него обида какая, что так долго его подо льдом в заточении держали, но только он в одну ночь взбесился, как бык ярый, вздыбился, разорвал чуть подтаявший лёд, понаделал торосов, к бесам снёс деревянный мостишко, простоявший чуть не полвека, и, считая дальше всё на пути, понёсся к матери-речке – похвалиться своею силой.

В селе Марьино, что стояло на взгорке, почему вода село и не тронула, оставалось всего-то четыре двора, да шесть человек – остальные либо разъехались, либо умерли – погибало село. Остались лишь те, кому некуда было податься, или кто просто хотел здесь век свой дожить. Но об этом между собою не говорили – незачем выходило.

2

Старик не спеша возился по дому, краем уха слушал голос распоясавшейся речки и думал, что ещё никогда Коренек далеко так слышать ему не случалось: ну разливался весной, ну бузил понемногу, но чтобы такое... А ещё он думал, что лодка, слава Богу, в надёжном месте припрятана и Кореньку ни в коем разе до неё не добраться, хоть тресни! От этой приятной мысли старик даже задвигался шибче: для хорошей рыбалки – лодка первое дело, куда же без лодки.

Александр Крамер – пишет рассказы, публикуется в русскоязычных СМИ разных стран – Германии, Украины, России, США, Канады. В 2009 г. несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», в 2013 г. – в сборник рассказов «Десять домиков» (Израиль), в 2020 г. – в «Антологию русской литературы XXI века» (Волгоград), а в 2024 г. – в сборник фантастики «Формула XXI» (Волгоград).

Живёт в Германии.

Он как раз вынимал из печки картошку, когда в дверь постучали негромко и, не дожидаясь ответа, вошли Марья Синцова и Фёдор Морозов. Постояли немного у двери: Марья обувкой всё шаркала об половику, будто подошвы хотела стереть, а Фёдор (он во всякое время года мёрз сильно) на пуговицах кожуха играл – чудно, как на баяне. Старик их не тормозил: раз пришли, значит, дело есть, куда торопиться – так и стоял с горячей картошкой в руках. Потом Марья и Фёдор молча сели на табуретки, к столу, лицом к старику, Фёдор снял кепку, пожевал немного сухими губами и, дождавшись, когда старик наконец поставит картошку на стол, сказал с расстановкой: «Митрич... Василий Заварза... ночью... помер», – и замолк, внимательно глядя в глаза старику. Старик без единого слова спустился в погреб, принёс оттуда бутылку с самогонем, миску помидоров солёных, разлил мутную жидкость по гранёным стопкам, молча выпил со всеми, с громким стуком поставил стопку на стол, упёрся руками в столешницу, а взглядом в Марью и Фёдора и сказал жёстко и внятно: «Туда, скоту, и дорога!»; потом снова стали молча сидеть: Фёдор пуговицы на кожухе тербил, старик бороду пятернёй рвал, а Марья, подперев худую щеку, то и дело вздыхала тихонько, да охала, неизвестно о чём. Спустя время Фёдор вроде проснулся, налил себе сам из бутылки, но до рта не донёс, поставил стопку обратно на стол и высказал, наконец, то, зачем вообще они с Марьей пришли:

– Митрич, а ведь Заварзу-то надо бы похоронить. Петро подсобит мне маленько, и гроб к вечеру готов будет. Настасья да Марья всё, что положено по их бабьей части, сделают. За тобой дело только. Телефон оборвало, сам знаешь. Вызвать нельзя никого. Да и лежать покойник в доме не должен один, не положено так, не по-людски. К тому же – теплынь. Нужно гроб переправить за речку, а там скажешь Тимофееву Николаю, и на Холодную гору он гроб уже сам с братьями снесёт. Лодка у тебя целая, так что тебе и переправлять. Мы с Петром, когда гроб сделаем, скажем; вместе утром его к речке свезём, на корме твоей лодки укрепим, как надо, всё будет лады. Тебе, конечно, решать, а только иначе никак. Решай, что ли, Митрич, – и стопку в рот опрокинул.

3

Большим село Марьино никогда не считалось, но дворов сто все же когда-то стояло, это во-первых, а во-вторых – за величиной той никто вроде особенно и не страдал. Всё в селе то же водилось, что и за речкой: телевизоры, радио, магнитофоны разные – почти у всякого в доме, телефон имелся на почте... Нормально, скучать выходило некогда, работали – головы не поднять – какая там скука. Вот грязи людской – поменьше имелось и вправду – да разве ж это изъясн?

Это потом, когда скурвилось всё и разъезжаться народ стал от безысходности, – развал во всём начался, а до того нормально жилось в Марьино, лучше бы и не надо.

За речкой, за Кореньком, находился посёлок, Кировский; так его этим именем никогда и не называли. Говорили презрительно «пгт» или, проще, – «за речкой». Ещё говорили «там», но это уже когда совсем сердитые были. Выйти замуж «там», или жениться «за речкой» считалось признаком... выскомерия, что ли... Непонятно, как и сказать.

А за Марьиным стояли леса, да какие... Со всей округи съезжались сюда поохотиться, за грибами да ягодами сходить, да в озёрах лесных покупаться – благолепие – словами не передать!

4

Василий Заварза малолеткой из своры таких же, как он, дуrolомов, ничем особенным не выделялся, может, как большинство, и остепенился б когда, да только вот не успел... Однажды с оравой тамошнего поддатого шакаля изувечил он какого-то проезжего мужика, а тот от увечий и помер. Получил за это Заварза тюремный срок, да пропал.

После, как отсидел, незнамо где шлялся; вернулся только годов через двадцать-двадцать пять, под сорок, видать, мужику уже было. Лето только ещё начиналось: только-только рожь занялась цвести, грибы первые появились, да сорняки вовсю из земли полезли. И он, значит, с сорняками теми и вылез. Родные его, и мать, и отец, к тому времени померли, дом пустой стоял, заколоченный, но обитать имелось где, ну и ладно.

Чуть не полгода прожил Заварза затворником – из дому разве что в магазин, да в баню за речкой показывался, но ходил всегда гоголем – куда там! А знакомств никаких он тогда ни с кем не водил; даже с корешами своими старыми знаться не стал: чудно это было. Да, однако, чего про него знать-то надо, и без всякой его помощи очень скоро узналось: биографию его синим по белому чётко на нём прописали. Особенно занимательно она в бане читалась. Мужики зареченские посмеивались, конечно, но между собой, деликатно, – обижать-то, да злить его пока вроде не за что выходило.

Ближе к зиме выправил Василий Заварза себе документы охотничьи, ружьишко подержанное на толковище за речкой купил и стал подолгу в лесу пропадать. Возвращался почти что всегда с добычей, но ни с кем не делился, как другие, – видать, продавал, но где и когда – про то неизвестно, так, догадки одни.

5

Старик поздно женился. Как со службы армейской вернулся, годов через семь или восемь. Через год после свадьбы родился у них с Александрой сын, Виталька. Хороший парень рос, добрый, тихий такой, ни на кого из родителей характером не похожий. Деревенская ребятня его не особенно за тихость эту в компаниях привечала. Чаще всего оказывался он сам по себе: книжки читал все подряд, в лес мог надолго уйти, да ни с чем возвратиться, с рыбалки таким же манером, – и что он там день целый делал, никому про то не известно – на вопросы все улыбался только; и глядел всегда так, будто в даях небесных что вдруг увидал, да молчал.

Вот учился он хорошо, так опять его в классе за это не очень-то жаловали; говорили, с вопросами не лез никогда, сам до всего доходил, а объяснять что – не сильно охоч, и списывать у себя не давал. Одно слово, – парень со странностями. И хоть странности эти его никому не мешали, а ребята держались от него в стороне; да ему, или только казалось так, всё равно это было.

6

Неизвестно, где и когда это вышло, может, случайно в лесу повстречались, может, иначе как, но только Заварзу и старикова парнишку стали часто вместе встречать. Поначалу они просто у речки сидели, да по большей части молчали, глядя в разные стороны. Потом, когда первая пороша упала, стал Заварза Витальку на охоту с собою прихватывать – на денёк там, на два, на выходные. А под Новый год и совсем на неделю на заимку ушли.

Александра – та с первого дня из себя выходила буквально, всё пыталась непонятную эту дружбу порвать, – да куда там... Скандалы стали в доме случаться раз за разом, чего раньше никогда не водилось, только и это не помогло. Парень всё больше и больше отбивался от дома и подолгу пропадал у Заварзы.

И ещё меняться Виталька стал, на глазах просто парень менялся. Ведь спокойный до этого был, добрый, улыбался всегда... Ну нелюдим немножко, так то, что ж за беда? А тут дерзости стал говорить Александре, голос на неё поднимать... Учиться опять-таки стал кое-как, а школьных своих знакомцев – вообще сторониться. И так быстро всё это с ним происходило, да заметно, что бабы в селе промеж собой стали громко шептаться, и до старика с Александрой, конечно, шептание то доходило своими путями.

Старик до поры в это дело не лез, только со стороны наблюдал. Видать, думал: перебесится парень, осенью в техникум, как раньше ещё договаривались, в город уедет, – всё само собой и прекратится. Потом только, когда Виталька раз на всю ночь из дома ушёл, встретил он Заварзу на речке, что-то коротко зыкнул, воздух рукой рубанул, да пошёл, но с тех пор встречи эти пореже сначала стали, а потом прекратились и вовсе.

Только поздно старик в то дело вмешался. Не прошло и недели, как Заварзу от парня отвадили, вернулся он вечером с работы домой, а Виталька его в петле ременной висит, и Александра без памяти на полу, и ещё на столе записка солонкой придавлена:

«Папа, мама, больше я не могу. Жить с этим не могу и сказать не могу. Ни о чём сказать не могу. Внутри всё болит, и сил терпеть дальше нет. Простите меня, пожалуйста. И его тоже простите. Он тоже не виноват. Просто так получилось. Надо бы мне вам сразу про это сказать, когда всё только ещё начиналось, да я побоялся. Нельзя говорить такое. И стыд такой перед вами и перед всеми... просто жить невозможно. А теперь уже поздно. А может, и сразу поздно было, я не знаю. Но теперь мне уже не страшно совсем и скоро не больно будет. Простите. Я вас очень люблю.»

7

Старик и Заварза нос к носу столкнулись ещё на похоронах, но старик лишь кудлатой башкой крутил бешено, да зубами скрипел, ни слова тогда не сказал. А дней через несколько сошлись они таки возле ларька. Заварза только рот свой фиксатый ему навстречу ощерил, да сказать ничего не успел. Старик саданул его молча и страшно под дых и дальше пошёл, будто муху какую прибил, а этот остался в пыли ногами сучить, да рот раззевать.

На другой раз, когда случай свёл (сам-то старик, понятно, встречи с ним не искал), всё как и в прошлый раз получилось; разница единственно в том состояла, что Заварза вздумал... непонятно что: то ли обороняться, то

ли сам нападать?.. Да только снова всё кончилось, как и в первый раз – старик смолоду силу имел такую, не передать!

Третьего раза не было. Заварза его дожидаться не стал, собрал своё барахло и ночью смотался, даже дом родительский не заколотил, только и видели.

8

Лет двадцать прошло, пока Василий Заварза снова в краях марьинских объявился. Но гоголем на этот раз уже не ходил: жёлтый весь, скрюченный, по наружности – мерзкий раздавленный старикашка. Пришибленный был до того, что когда Митрич на пути у него попадался, семеня из всех своих сил в обратную сторону; а отчего мандраж его бил – непонятно, старик его пальцем не трогал, и не пытался, только зыркал недобро из-под диких бровей, так об это не ушибёшься.

Но, видать, совсем плохо приходилось бывшему зеку. Через два дня на третий он то в зареченскую больницу таскался, то в районную ездил, да поздно схватился – помер, и года не протянул.

9

За ночь разлившийся Коренек чуток поуспокоился, и ветер слегка поприших. По всему выходило, что природа надумала всё ж таки в русло своё вернуться. Давно бы так.

Солнце только что встало, когда все уже собрались возле дома Заварзы; спустились все вместе на берег, и гроб на тележке свезли, укрепили на лодке, постояли недолго, помолчали; сильно пахло тёплой землёю, рекою... а ещё отовсюду непонятный весенний дух исходил, и от духа этого душу томило и сердце щемило легонько; а река до сих пор сильно шумела, но не грозно уже; пичуги лесные и полевые концерт свой весенний затеяли: заботы людские их не касались и не должны были.

Старик тихим в то утро выглядел, молчаливым ещё больше обыкновенного, только всё бороду рвал пятернёй без жалости всякой. Когда гроб на корме укрепили, сел он на вёсла, вывел лодку на середину реки, бросил якорь, посидел немного, опустив руки в быструю воду и исподлобья глядя на соседей своих, оставшихся на берегу, потом привстал, аккуратно столкнул гроб с кормы в быструю мутную реку и погрёб помалу домой, в своё Марьино.

ПРОЗА

Иван НЕЧИПОРУК

Иван Иванович Нечипорук – коренной горловчанин, родился 24 июня 1975 г. В довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортёра и ведущего литературной рубрики. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного университета (филфак, заочно). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Публиковался в литературных журналах: России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Болгарии, Германии, Канады, Австралии. Зампредседателя Межрегионального союза писателей (Луганск), член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Живёт в Горловке.

И да будет всё по воле Божьей...

«Нас убьют за то,
Что мы гуляли по трамвайным рельсам...»
Я. Дягилева

Читать стихи у памятника Пушкину –
Сродни прогулкам по трамвайным рельсам.
И в городе, где русский мир придушенный,
Попробуй только, вздумай, вознамерься.

Идея нации с замашками обвальщика
Всегда витает где-то очень рядом.
И своры криворотых лютых мальчиков
Уже пасутся, в нас стреляя взглядом.

Но по бульвару, по-сентябрьски тусклому,
Идём открыто, гнёт отбросив тяжкий,
Мы бьёмся с ветром силой слова русского,
Пока не встретятся нам чёрные фуражки.

Ангелы рядом

Когда прилетают снаряды,
«Ангелы где-то рядом...»
Ангелы вместе с нами
Испытывают наш страх.

В этих свинцовых играх
боль не унять, не спрятать,
И не унять тревожных
слов на больных устах.

Каждой тревожной ночью
Ангелы видят воочью,
Как разрывает судьбы
неукротимый огонь...
Каждую ночь снаряды
воют сквозь тьму по-волчьи,
Вихрем несёт сквозь время
всадника бледный конь.

Пуля

*«Пуля, им отлитая, просвищет
Над седой, вспененной Двиной...»*

Н. Гумилёв

Застыла боль бетонной сваей.
Пришла беда, когда не ждут.
Посеяв свет – я пожинаю
Твою безумную вражду.

Не понимая, как всё плохо,
Я был в сомнениях не смел.
И как, скажи, Мариенгофа
В тебе совсем не разглядел?

А дружба, как макулатура
В утиль за грош сдана тобой...
Лети сквозь тьму, как пуля-дура
Над вспененной седой Двиной.

Первый снег

Первый снег! Он был и не был
Над Глубокою моей.
Посмурневши, смотрит небо,
Как свершает ветер требы,
Среди тощих дымарей.

В контурах домов разбитых
Снег оставил робкий след...
Обречённо и сердито
Дверь сквозь век стучит копытом,
Под веригами примет.

Что ни вечер – арт-дуэли,
Смерть опять пускает яд.
Снег под утро вновь расстрелян,
И в осколках от шрапнели
Клёны, скрючившись, стоят.

Пусть

Пусть река искрится
Просинью весны...
Пусть тебе приснится,
Будто нет войны.

Рыжею куницей
Промелькнёт рассвет...
Пусть тебе приснится,
Будто смерти нет.

Пусть звенит синица
Над сосной седой...
Пусть тебе приснится,
Будто я живой.

Октябри

Под светом утренней зари
Душа моя кровит.
Я впитываю октябри
Чужие и свои.

И давит гнёт тоски сильней,
Мгновеньями шурша.
На улицах разбитых дней
Грустит моя душа.

И осень в багрянице снов
Не жухнет, а цветёт.
А в сердце вечная любовь
Зовёт меня вперёд.

Вновь тени войны колобродят
По комьям разбитой земли.
И к слову о падшести родин
Ужасные вести приходят
Под гул канонады вдали.

В крови утопают посёлки,
И пульс превращается в дрожь.
Тут рвутся сквозь время осколки,
И множит facebook кривотолки.
И ранит циничная ложь...

Ночь Преображенья

В эту ночь второго Спаса
Каждый холм – Святой Фавор!
Террикон вдоль пыльной трассы
Смотрит в небеса в упор.

В небе месяц, словно жёрнов
В тёмно-звёздной синеве.
А с вершины рукотворной
К небу льётся чистый свет.

Комендантский час пустынен...
Чёрных улиц монолит
К свету тянется, к вершине
Силой Ангельских молитв.

Елене Н.

За невзрачным окном растекается осень,
Небо плачет навзрыд и стучится в стекло.
Мы опять не у дел, мы у неба не просим
Ничего, наше время тоски истекло.

И мы выйдем во двор, несмотря на погоду,
По кленовому насту пройдем сквозь туман,
Там, где сквер холодами тревоги обглодан,
Там, где тонут во мгле первозданной дома.

Этот смутный октябрь пожалел позолоты,
И зелёной почти опадает листва...
Только нам всё равно, позабыв про заботы,
Мы сквозь дымку бредём, собирая слова.

Донбасские дороги и просторы,
А в небе то ли ветер, то ли плач.
Мелькают терриконовые горы,
И кланяются до земли опоры
На линиях электропередач.

Изрытый мир, бетонные палаты,
И мытари на перекрёстках трасс.
И убегает вдаль копры и хаты,
Рыдает дождь в предчувствии расплаты,
И тает за окном родной Донбасс.

Преддекабрьское

А за кордоном – снежная страна,
Реалии ноябрьских откровений.
Мой путь через посты и сумрак бранный,
Где страх, как набежавшая волна
На грани у растерзанной вселенной.

Где всё спокойным кажется на вид,
Но дребезжит рассудок чайным блюдцем.
Снежинки в окна призрачные бьются,
Там ёлка прошлогодняя стоит,
Всё ждёт, когда хозяева вернутся.

Не прощай, но просто до свиданья!
Наши тени пусть проглотит ночь,
И разделят нас не расстоянья.
Размышлений поздние терзанья
Не способны нам уже помочь.

И да будет всё по воле Божьей,
Только он нас может вразумить:
Не питаться сплетнями и ложью,
И упрёками друг друга не тревожить,
Оставаясь чуточку людьми.

Я вдыхаю эту осень,
Это пряное амбре –
Запах тополей и сосен
В задымлённом октябре.

В небе кое-где зарницы
И разрывов дальних гул.
Ветер под ноги ложится,
Подвывая на бегу.

А пути мои не гладки,
Звёзды канули во мрак,
И шагаю по брусчатке
Под истошный лай собак.

Хмурый небосвод нелётный
Накрывает город тьмой.
И под грохот миномётный
Я в ночи спешу домой.

*«Мы всюду. Мы нигде. Идём
И зимний вечер нам навстречу...»*

Александр Блок

Я всюду! Я нигде! Завис меж двух миров,
И осень – ангел тьмы идёт за мной по следу.
Мне кажется, что я психически здоров,
Но почему-то жизнь порой подобна бреду,
Где всё в одном котле: и радости, и беды,
Где я утратил вес, друзей и отчий кров.

Я всюду! Я нигде! Звезда моя коптит,
И время ставит мне сплошные многоточья.
Притягивает зло моя душа-магнит,
И сердце по ночам досадой кровотоцит.
Поник я, как тростник, но разум верить хочет,
Что для чего-то Бог ещё меня хранит.

Вьюжное

Здесь времени неукротимый бег
По улицам и выгнутым проспектам
Вгрызается в вальсирующий снег,
Просыпанный из облачных прорех,
И говорит на вьюжных диалектах.

Скрипят, искрясь, деревья из стекла,
И разбиваются природные устои.
Горит любовь, а вьюга принесла
Надежды, что ослабнут путы зла,
И вспыхнет вера яркою звездою.

«В душе слова о Родине лелею...»

О поэзии Владимира Скифа

Книга избранных стихотворений и поэм известного русского поэта Владимира Скифа «Страдающий пламень» (С.-Пб, Издательство «Маматов», 2025), как новогодняя ёлка, вся сплошь украшенная именами известных всему миру поэтов и писателей, красующихся на своих строчках-ветвях. Ну просто россыпь поэтических имён перед глазами! Тут тебе и Александр Проханов, и Юрий Кузнецов, и Алексей Прасолов, и Анатолий Передреев, и Николай Рубцов, и Василий Шукшин, и Владимир Набоков, и Александр Межиров, и Виктор Астафьев, и Михаил Вишняков, и Осип Мандельштам, и Владимир Соллогуб, и Николай Гоголь, и Сергей Клычков, и Саша Чёрный, и Пётр Орешин, и Иван Приблудный, и Алексей Ганин, и Демьян Бедный, и Константин Бальмонт, и Марина Цветаева, и Георгий Кольцов, и Василий Жуковский, и Евгений Боратынский, и Валентин Распутин... При этом перед нами не просто возникают имена некоторых писателей и поэтов, упоминающихся по ходу того или иного стихотворения или же цитируются строчками из них в качестве эпиграфов, но многим из этих поэтов посвящены буквально целые поэмы! Так, например, одна из этих поэм так и называется – поэма «Валентин Распутин», которая первой после двух подборок стихотворений идёт в книге Владимира Скифа. И в четырнадцатой главке этой поэмы, которая называется «Публицист», он отчаянно пишет:

*...Сбита планка небес. Сбита планка
Не сравнимой ни с чем высоты,
Оттого мир похож на подранка:
Он – такой же несчастный, как ты.*

*В бездну сброшены ориентиры
Верных мыслей и важных забот.
Правят бал нынче анти-кумиры
Под знамёнами мнимых свобод...*

Николай Владимирович Переяслов – поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился 12 мая 1954 года в г. Красноармейске Донецкой области. Окончил Литинститут им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Руководитель ряда творческих семинаров для молодых авторов. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других.

Живёт в Москве.

Являясь жителем великой и бескрайней Сибири, обитая на берегу знаменитого озера (в народе его называют морем) Байкала, поэт мог бы сыпать с высоких небес, словно лёгкий белый снежок на наш мир, строки лирических стихов о любви и природе, а он, хоть и умеет всё это прекрасно делать, со страницы на страницу сыплет на нашу несчастную землю свои горькие строчки о беде и горе. *«Я живу бедою жгучею, / Посреди родных высот. / В проволокую расколочую / Превращается осот»*, — пишет вместо красивых метафор и ярких поэтических образов поэт Владимир Скиф. Не случайно он сравнивает нашу Россию с трагическим кораблём «Титаником», который однажды раскололся, напоравшись на острый айсберг. Но поэт всё-таки верит в силу своей великой Родины и своего друга Распутина, о чём и говорит читателям пятнадцатая глава из его поэмы «Валентин Распутин», которая называется «Мир железа»:

*Кто нас полюбит, кто разбудит,
Заставит выбраться со дна?
Быть может, Валентин Распутин?
А может, новая война?..*

*Наш мир и вправду неуютен,
Бессилен заново расцвести.
Но если рядом есть Распутин,
То значит, и надежда есть.*

Каждый настоящий поэт — это обязательно отчасти пророк и ясновидец, который из дня сегодняшнего может увидеть многое из того, чему суждено совершиться только завтра-послезавтра. Грядущую войну с Россией предчувствовал ещё за несколько лет до сегодняшней поры Владимир Скиф, но о ней также писал и Валентин Распутин.

Практически у каждого русского человека живут в душе образы многих литературных героев или просто персонажей, а также самих писателей, включая любимого нашим народом Валентина Григорьевича, и поэтому он ощущает себя не одиноким на земле и верит, что Россия однажды непременно восстанет из праха и окрепнет. *«Всё несбыточное сбудется, / И низринутся враги. / Боже праведный, Распутину / И России — помощи!»* — так, нисколько не опасаясь многочисленных недругов нашей страны, во весь голос говорит перед всей нашей страной и миром Владимир Скиф.

Спросите себя, каким должен быть русский поэт, о чём должны говорить всему миру его стихи? Подумайте, какие тайны должна открывать людям его поэзия. И вы поймёте, что правда — это и есть тот самый главный

стержень поэтического творчества, который пробуждает собой совесть всего нашего народа, совесть самой нашей Родины. *«Неужто этот русский голос / Уже навеки отзвучал? / Молчун Распутин, беспокоясь / О русской доле, не молчал. // Ему внимали грады, сёла, / Родная церковь, тёмный лес. / Звучит его бессмертный голос, / Как голос совести, с небес»*, — так писал в своей поэме о Валентине Григорьевиче Распутине его друг Владимир Скиф. И подхваченное из рук Валентина Распутина знамя Русской Правды перетекает из стихотворения в стихотворение, из поэмы в поэму, из рассказа в рассказ, и из одного произведения в другое, чтобы не погасла вовеки вера людей в Русское Слово и продолжала длиться в столетиях наша отечественная литература. Ведь литература — это не просто развлечение и баловство словами, литература — это дух народа, сама душа его. И с каждой новой поэмой возрастает любовь русского народа к литературному творчеству, крепнет сила духа россиян и всё мощнее становится наша держава. Вот и в поэзии Владимира Скифа всё гуще встречаются имена наших любимых русских поэтов, и всё чаще возникают на страницах его книги адресованные им стихотворения и поэмы.

Так, например, следующая его поэма книги «Страдающий пламень» посвящена известному сибирскому писателю-драматургу Александру Вампилову, которая так его именем и называется — «Александр Вампилов». В восьмой главе этой поэмы, которая называется «Открытие памятника в Иркутске», Владимир говорит:

*Век оступился, задохнулся
От боли острой, ножевой,
Когда Вампилов не вернулся
С Байкала в грустный город свой.*

*Как коршуны, кружили ветры,
Стучала молния в крови.
Он не доплыл четыре метра
До жизни, славы и любви...*

Так же отчаянно, с искренними любовью и болью, Владимир Скиф выводит в своих поэмах «Николай Крюков», «Лермонтов», «Пушкин» и ряде других работ блистательные поэтические строчки, посвящённые великим русским поэтам. Посмертную высокую хвалу Николаю Крюкову воздаёт в своей поэме о нём Владимир Скиф, и ничуть не меньший почёт воссылает он в другой своей поэме, посвящённой поэту Михаилу Лермонтову.

Стихи Владимира Скифа хочется бесконечно цитировать, они то текут, словно урчащие ручейки или реки, а то рокохут, как дробь армейских барабанов, но если мы хотим постичь ритмику и музыку его поэзии, то нужно переносить сюда все его стихи и поэмы. А пройти мимо них, не процитировав хотя бы одну-две строчки из его замечательных поэм, просто невозможно, настолько они музыкальные и поэтичные. *«Неповторима Болдинская осень: / Желтеют полушарья тополей, / И снова небо сквозь века пронесёт / Пульсирующий угол журавлей...»* Подобные стихи хочется слушать и слушать, радуя себе душу и сердце, но мир сегодня до предела перенасыщен злом и враждой, натравливая народы друг на друга. И потому сегодня в стихах всё меньше и меньше слышится слов о любви, и всё больше и злее грохочут за окнами танки и пушки. Война, как туман,

расползается по миру. Но эта война идёт с нашей стороны не за богатства. Она – за мир, за счастье и за Россию.

«Клубится море многоликое, / Над Машуком – кровавый свет. / Стихотворение великое / Не умирает двести лет. // Но также землю жгут неверные, / И души ходят босиком, / И мне всё кажется, что Лермонтов / Стоит живой под Машуком».

Читая стихи Владимира Скифа, невольно чувствуешь себя в солдатском окопе посреди Донбасса, улавливая свист пролетающих над головой снарядов или же слыша, как стрекочут в небе беспилотники самолётного типа. «Я был в Донецке, – говорит в своём стихотворении «Донбасс» Владимир Скиф, – Господи, помилуй! / Там было всё другое. Благодать. / А нынче, став большой Саур-могилой, / Донецк разгромлен Гернике под стать. // Мне всякий раз становится всё горше, / Когда представляю нынешний Донбасс. / И душу мне расклёвывает коршун, / И падает во тьму иконостас...».

Но стихи русских поэтов не сдают своих позиций, и Донбасс никогда не встанет на колени.

Одной из лучших поэм Владимира Скифа является его поэма «Пушкин», что представляет собой поэтический роман в рифмах. В ней соединены воедино история России, лица друзей и врагов Пушкина, Арина Родионовна и Натали Гончарова, дуэль на Чёрной речке и целый ряд других событий печального рода. Горького рода: *«Ещё у Пушкинского лба / Печаль не накричалась, / А у дорожного столба / Уже пурга качалась... // Разлуку колокол поёт, / По снегу длятся тени. / В ночи пред Пушкиным встаёт / Россия – на колени».*

Книга поэм Владимира Скифа «Страдающий пламень» – это не просто его воспоминания о судьбе гениальных русских поэтов, но погружение в бездну всей истории нашей России. Владимир чувствовал, что из своего глубокого далека Пушкин видел грозящие нашей стране опасности и, стараясь предупредить нас о поджидающей впереди лет грозной беде, в тридцать первой главе своей поэмы «Пушкин» он писал:

*Звонит в веках старинная подкова,
В бездонном море плещется волна.
И оживает пушкинское Слово,
Предупреждает – близится война.*

Ещё одна поэма Владимира Скифа в его книге называется «Сергей Есенин» и, хоть она и написана в память о знаменитом русском поэте Есенине, она встречает читателя богатой россыпью ярких женских имён, таких, в частности, как Анна Изряднова, Айседора Дункан, Августа Миклашевская, Галина Бениславская, Лидия Кашина. И вся эта гирлянда имён, прошедших через судьбу Есенина, свидетельствует ни о каком распутстве, а исключительно о его щедром и любвеобильном сердце. А точнее – о распахнутой всему окружающему миру душе.

И как же наш современный сегодняшний поэт может равнодушно относиться к окружающей его жизни, к людям, к природе, к нашей отечественной культуре и родному краю? Есть в нашем мире политика, а есть – поэзия,

и никто ещё не может с уверенностью сказать, что политика важнее поэзии. Поэзия – это красота, а красота – это самая главная сила в мире.

*В Константинове тихо. Вселенская грусть
То и дело Россию крылом задевает.
В небеса, словно зеркало, смотрится Русь,
И вглядеться в себя на земле забывая.*

*В Константинове осень. Покой. Тишина.
Всенародная память молитвы читает.
С неба ликом Есенина смотрит луна,
И поэта душа, словно клён, облетает.*

Поэт Владимир Скиф неотрывно связан с русской литературой, с нашей великой поэзией. Его собственные стихи и поэмы, словно цветы из родной почвы, вырастают из поэзии великих русских поэтов. Поэмы Владимира Скифа воспринимаются порой как продолжение творчества больших русских поэтов и прозаиков, которые так и называются, как «Валентин Распутин», «Александр Вампилов», «Николай Крюков», «Лермонтов», «Пушкин», «Сергей Есенин», «Марина Цветаева». Но даже те поэмы Скифа, которые связаны не напрямую с именами классических русских поэтов, всё равно не могут петь о чём-то другом, кроме нашей великой Родины, которая несёт в себе силу русской поэзии. Такими входят в книгу Владимира Скифа поэмы «Месяцеслов», «Пускай жучок живёт на свете», «Поэт, Некто и Толпа», а также равноценные его поэмам пять полновесных венков сонетов – это «Байкал», «Родина», «Под знаком Водолея», «Деревня» и «Меж звездой и елью». Он пишет в венке сонетов «Деревня»:

*Моя деревня, ты – моя судьба,
Я о тебе и помню, и боюсь,
В душе слова о Родине лелею,
Где вдоль дорог колышутся хлеба.*

А вот ещё две поэтические главы из этой книги, это стихи 2005 года «На краешке судьбы» и стихи 2024 года «Полынная звезда». А также ещё одна глава, которая включает в себя стихи о травах и цветах – «Цветов пыланье невозможно».

Сила поэтической красоты была бы народу, наверное, намного приятнее, чем красота силы политической, к чему, собственно говоря, люди во все тысячелетия и тянулись. Но есть довольно немалая часть людей, которые во все века стремятся столкнуть народы лбами, поджечь мирные государства и устроить великую международную бойню. Вот против таких мировых «поджигателей», существующих под безликим коллективным именем Некто, и выступает Толпа, постепенно становящаяся Народом. И на последних страницах своей поэтической книги «Страдающий пламень» Владимир Скиф пишет от имени Русского Народа и, стало быть, от себя самого тоже, следующие слова:

*Эй, Некто! Червоточина миров!
Зубило злобы в оболочке мрака.
Любовь и правда твой разрушат кров,
Но то не будет скорая атака.*

*То будет каждодневная война,
То будет всегражданская тревога.
И в той войне окажется нужна
Певца-Поэта верная подмога.*

*Безумный мир становится войной,
И русским людям надо знать отныне,
Что это будет битва с сатаной,
Где превратятся пастбища в пустыни...*

Читая стихи и поэмы Владимира Скифа, кажется, что мир всё-таки устоит под натисками тёмных сил, и пастбища останутся зелёными пастбищами, и над ними будут гудеть не смертоносные снаряды и губительные беспилотники, а радостные песни людей и счастливая музыка. Ну и, конечно же, прекрасные русские стихи и поэмы. Такие, как в этой книге Владимира Скифа...

